

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал

№ 8 (71) август, 2022

СЛОВО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен августовский, «белорусский» номер литературно-исторического журнала «Александръ». Мы чрезвычайно рады и горды, что уже третий «Александръ» знакомит вас, дорогие читатели, с творчеством замечательных писателей братского белорусского народа.

В настоящее сложное время необходимо объединяющее начало, которое возможно только с пониманием того, что происходит в душе человека, а ощутить это можно через творчество. И литература является одним из объединяющих столпов, которые помогают нам лучше понимать друг друга, ценить и держаться вместе.

Необходимо обратить ваше внимание, что наряду со знакомыми нам писателями в августовском «Александре» звонко зазвучали молодые голоса начинающих писателей, отличающиеся разнообразием стилей и оригинальностью изложения.

Огромную работу по созданию этого номера проделала русско-белорусская писательница, поэтесса Инна Николаевна Фролова, и редакция «Александра» выражает огромную благодарность за многолетнюю дружбу.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ИЗ БЕЛАРУСИ – О ЛИТПРОЦЕСЕ

«Александръ» с завидным упорством знакомит читателей России с творчеством белорусских писателей. За это нельзя не поблагодарить! Сегодня, даже в случае хорошей дружбы между союзами писателей Беларуси и России, литературные связи писательских сообществ не такие прочные, как во времена Советского Союза. Особенно старшее поколение прозаиков, поэтов, литературных критиков ностальгирует по той эпохе.

Союз писателей Беларуси сегодня – более 700 литераторов из разных поколений. Писателю-природоведу Фёдору Саевичу из Бреста исполнилось 90 лет. Он пишет свою сагу о Беловежской пуще, с которой связана его многолетняя судьба. Много ли в союзе молодёжи? Мало. Но вот недавно в интервью газете «СБ. Беларусь сегодня» почётный председатель Союза писателей Беларуси, прозаик, которого знают и в России, и на всём постсоветском пространстве, Николай Чергинец подметил, что важно сочетание зрелого опыта и молодости. И с ним нельзя не согласиться. В литературу, образно говоря, «с детского сада» не приходят. У кого-то из писателей на один-два романа вся жизнь уходит. Главное, чтобы эти романы были изданы, чтобы они нашли своего читателя, остались как художественные документы времени на будущее... Но мы придумали такую творческо-организационную формулу. Много работаем с творческими объединениями в вузах, даже в школах, конечно же, в колледжах – ищем там ребят, которые, сделав уже серьёзные заявки, готовы для сотрудничества с литературно-художественной периодикой, которые готовят свои первые книги или уже выпустили первые поэтические сборники. Они завтра станут кандидатами в члены Союза писателей Беларуси, пройдут свой «путь художественного испытания», получают «пропуск» в профессию писателя. И ещё мы создали Совет по работе с молодёжью. Возглавила его молодая писательница, военная журналистка Анна Чиж-Литош.

2022 год продекларирован, объявлен в Беларуси как Год исторической памяти. И в минувшем году, и в первые месяцы нынешнего уже сделано невероятно много, чтобы общество встрепенулось, повернулось лицом к близкой исторической памяти. Часто звучит тема геноцида. Следственный комитет нашей страны по всей стране опросил тысячи свидетелей страшных драматических событий, которые происходили в Беларуси в годы Великой Отечественной войны... Найдено множество документов, которые красноречиво говорят о злодеяниях фашистов и их пособников разных национальностей.

Пишут ли современные писатели Беларуси о минувшей войне? Назову только некоторые имена: Николай Чергинец, Елена Стельмах, Владимир Гаврилович (в скором времени увидит свет его новый роман, где и война, и современное отношение к предателям, коллаборационистам), Алесь Казеко, Николай Борисенко, Владимир Матвиенко, Тамара Краснова-Гусаченко, Николай Смирнов, Сергей Трахимёнок, Михась Позняков, Татьяна Демидович, Анатолий Бензерук, Лариса Кучерова, Татьяна Конопцкая... Каждый находит в этой большой и неиссякаемой теме своё видение, свои аспекты, но идеи проводят общие: Великую Отечественную, в которой воевали плечом к плечу белорусы и русские, в которой воевал с фашизмом единый советский народ, нельзя забыть. Это – духовный, нравственный и, как убедительно показали последние годы, политический фундамент строительства нашего будущего.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ,
председатель Союза писателей Беларуси

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ВЕКА

Журнал издан за счёт благотворительной помощи, оказанной Фондом
«Рассказовский» и директором ФГБНУ ФНЦ садоводства
Иваном Михайловичем Куликовым

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при
содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель
науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник
культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филар-
монии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественно-
стью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего
профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслужен-
ный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора
«Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения
«Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского
отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист,
общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драма-
тического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профес-
сор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза
писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ
РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут
ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с
почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную
версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 8 (71), август 2022 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728
от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.08.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13,
Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом
в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

ТЕМА НОМЕРА

- 6** Сергей Трахимёнок.
Эхо забытой войны
- 7** Ира

ПОЭЗИЯ

- 12** Инна Фролова

КЛАССИКИ

- 14** Алесь Карлюкевич.
Санкт-Петербургский наставник
народного песняра
- 19** Владимир Крупин.
Море житейское

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 24** Ирина Мышковец.
Имение Черницы Полоцкого уезда.
«Белорусский след» Андрея Кабанова,
учителя Максима Богдановича
- 27** Елена Быкова.
Фрагмент воспоминаний, посвящённых
имению Черницы
- 29** Михаил Барановский.
Максим Богданович и ярославская
газета «Голос»

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 33** Валентина Поликанина.
Чтобы жизнь продолжалась в веках...

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 36** Александр Плавинский.
Партизанский батюшка

БЕЛОРУССКИЙ ВЕНОК

- 41** Николай Шабович
- 43** Геннадий Пашков
- 46** Виктор Шнип.
Однажды уже навсегда...

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

- 48** Татьяна Лычагина.
Сто и один на поле Славы в Амерсфорте

МАЛАЯ РОДИНА

- 52** Ольга Соколова.
С чего начинается Родина?
- 53** Татьяна Конопацкая.
400 лет истокам «добра и света», или
Заветы мецената

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 58** Дмитрий Радиончик.
Литературные элементы Ренальда Кныша

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

- 62** Анна Чумакова
- 63** Екатерина Чичварина
- 64** Виктория Пилипенко
- 66** Елена Басикирская
- 67** Анастасия Смилина
- 68** Валерия Радунь
- 69** Георгий Лавров

ЖИТЕЙСКОЕ

- 70** Татьяна Демидович.
Сберечь бы...
- 74** Анатолий Зэков.
Весёлые были

ДЕТЯМ

- 86** Микола Чернявский
- 89** Нина Галиновская

ПАМЯТЬ

- 90** Евгений Голоднов.
Забвению не подлежит

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

- 92** Александр Круглов.
Четвёртая четверть
великого четырёхкратного

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Ивга Стронская.
День славянской письменности
и культуры в Севастополе

ЭХО ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ

Сергей ТРАХИМЁНОК

Сергей Александрович Трахимёнок родился 7 февраля 1950 года в городе Карасуке Новосибирской области. В 1977 году окончил Свердловский юридический институт. С 1990 года живёт в городе Минске. Доктор юридических наук, профессор. Член союзов писателей России и Беларуси.

Признанный мастер остросюжетной прозы.

Первые публикации прозы в конце восьмидесятых в еженедельнике «Молодость Сибири», издательстве «Молодая гвардия».

В дальнейшем печатался в журналах «Неман», «Родник», «Немига», «Авантюрист», «Личная жизнь», «Белорусская думка», «Сибирские огни», «Роман-журнал. XXI век», «Наш современник», «Дон», «Подъём», «Простор», «Славянин», «Радуга», «Роман-газета» и др.

В конце восьмидесятых неожиданно для себя начал писать рассказы о людях поколения, к которому принадлежал мой отец. Эти люди на своих плечах вынесли основную тяжесть самой кровавой войны двадцатого века. И только потом я понял, что делал это, неосознанно пытаясь защитить их от той массивированной пропагандистской лжи, которая вдруг появилась в то время в периодике и электронных СМИ.

Новая элита рвалась к власти, дискредитируя всё, что было достигнуто трудом и кровью трёх предыдущих поколений. И некому было заступиться за них, а сами в то время уже не могли сделать это в силу своего возраста и сложившейся общественной ситуации.

Способствовал дискредитации и тот подход к описанию войны, который многие писатели-фронтовики называли опереточным. И фактически маятник этого описания качнулся дважды, сначала в сторону лакировки, потом очернения. Причём и первая, и вторая крайности в таком виде могли возрасти только на нашей славянской почве. Потому что наша ментальность в большинстве своём не признаёт середины. И в результате этого более или менее реальное отражение той войны

исчезло. И уже сегодня настоящая война при огромном количестве юбилейных публикаций является забытой. Хотя в последнее десятилетие мы всё же сделали шаг в сторону понимания, что величие подвига народа определяется не сокрытием просчётов руководства страны и командования, не количеством пьедесталов, а адекватным описанием трагедии, которая не смогла этот народ сломить.

Тогда на свет появились книги «Эхо забытой войны» и «Бэлли пуэрри» о судьбах детей, которые волей судьбы оказались на оккупированной врагом территории, в концлагерях и даже вражеских разведшколах.

Это были Генка Юшкевич – в свои тринадцать лет боец разведгруппы ГРУ «Чайка», Костя Ермиолов, создавший в Калинковичах группу сопротивления «Смугнар», Лёшка Шпакович – диверсант, забрасывавший мины-брикеты в тендера советских паровозов. И совсем уже уникальные свидетельства девочки-дошколёнка Ирины Голубевой, попавшей с мамой в концлагерь.

Именно эта глава книги и предлагается читателю.

С уважением, С. Трахимёнок

ИРА

Моя старшая сестра Нина знает, что такое «до войны»: она родилась в тридцать пятом, а я – на четыре года позже. Нина пошла в отцову родню, а я – в мамину. Поэтому я светлая, а Нина – чёрная. Она боится, что её примут за еврейку и отправят в газовую камеру. Она всё время прячется в бараке под нарами. Я же чувствую себя в нём как дома. Я перелезаю с яруса на ярус, смело хожу по второму ярусу, и даже если наступаю кому-нибудь на ноги, это не вызывает у женщин раздражения. Наверное, мой вес не может причинить им беспокойства, или они не хотят злиться на ребёнка. А может, всё потому, что я Ира – дочка Веры, которую многие знают и к которой обращаются за помощью, потому что мама знает немецкий и может быть посредником в общении с лагерной охраной. Многие женщины говорят, что именно это уберегло её, да и нас с сестрой, в лагерях.

Я знаю, что детей побольше всегда отделяют от родителей, наверное, это и пугает сестру, но мне почему-то кажется, что со мной ничего не может случиться, а если и случится, то мама меня защитит. Несмотря на то, что мама весь день на работе, знаю: она всегда рядом, и это делает моё существование светлым и безоблачным. Мне непонятно, чего боится сестра.

Я не помню, как мы попали в лагерь с названием Мельмец, но мама говорила, что мы были до этого в Хемнице, Равенсбрюке. Последнее название всегда меня смешит, потому что похоже на название брюквенной похлёбки, которую нам дают ежедневно.

Я хожу по верхнему ярусу нар и предупреждаю сестру об опасности, если вдруг появляется капо. В женских бараках это женщины в форме, в пилотках и сапогах.

Мне не нравятся их форма. Но почему-то вспоминаются солдаты, которые ехали с нами в эшелоне. Они тоже были в сапогах, но на головах у них красовались смешные пилотки с кисточками. Один из них дал мне маленький кубик. Мама сказала, что это плавленый сыр. Удивительно вкусная вещь этот сыр, с той поры мне ни разу не удавалось попробовать его вновь.

И сестра, и я родились в городе Минске. Но если сестра помнит его, то я не помню совсем. Точнее, я помню какую-то комнату, из которой меня боялись выпустить на улицу. То ли дело в лагере. Ты абсолютно свободна, можешь шарить по всем уголкам, а днём болтаться по территории. Но всё это не приносит пользы, если ты не можешь заработать или добыть себе

что-нибудь съестное. Ближе к вечеру я сквозь густой бурьян подползаю к проволоке, разделяющей нашу половину лагеря и французов, а те бросают мне через ограждение галеты, которые получают от Красного Креста.

О Красном Кресте в нашем бараке говорят много и часто, он представляется мне мужчиной, который носит форму, на голове пилотка с кисточкой, а на груди – красный крест. Он только и делает, что рассылает галеты французам, бельгийцам, чехам, но по каким-то непонятным причинам не знает, что в Мельмеце во втором бараке четвёртого блока живут две девочки – Ира и Нина, их мама Вера, которым тоже очень нужны галеты.

Но когда-нибудь настанет день, он узнает об этом и пришлёт нам посылку. Наверное, это будет тогда, когда кончится война. И как только эта война закончится, все будут сыты, одеты и поедут домой. Значит, я, мама и Нина поедem в Минск, и я его наконец увижу.

* * *

Мама шьёт мне из старого одеяла штаны. А я сижу рядом и рассматриваю шрам на левой ноге. Мама, увидев его, рассказывает мне, что в Хемнице, когда я ещё была маленькой, мы попали с ней в плохую историю. Она шла по территории со мной на руках, её увидел пьяный эсэсовец и беспричинно выстрелил.

Пуля попала мне в ногу и не задела маму. Она прибежала в барак, остановила мне кровь. И весь барак какое-то время прятал меня. Кто-то достал лекарство, мне сделали укол, поскольку самое страшное было – заболеть. Это я хорошо знаю, тогда ребёнка просто брали и засыпали солью, чтобы он не разносил заразу.

Рана у меня быстро зажила. Но я перестала ходить. И тогда женщины стали заново учить меня ходьбе. Они ставили меня на длинный барачный стол и, держа за руки с двух сторон, вели меня с одного его конца на другой.

Мама говорит мне это, а я не помню ни пьяного эсэсовца, ни боли от раны, ни того, как женщины за руки водили меня по столу. Впрочем, я до сих пор люблю бегать по этому

столу, после того как закончится приём пищи и его вытрут.

Мама заканчивает шить, делает завязки и надевает мне штаны. Только тут я замечаю большой карман впереди. И тут мне приходит прекрасная мысль. Я взбираюсь на стол и начинаю танцевать. В голове моей звучат марши, которые я слышала из репродуктора. Если их звучание растянуть, то получается вполне приличный медленный танец, а если после него пуститься вприсядку, то все в бараке начинают покатываться со смеху.

Постепенно начинаю чувствовать, что больше всего нравится моим зрителям, и повторяю наиболее удачные места. Через некоторое время не остаётся никого, кто бы не наблюдал за мной. Всё это страшно подогревает и подзадоривает. На волне восторга и удовольствия я повторяю движения придуманного мной танца. А потом останавливаюсь и раскланиваюсь. Я видела, как делают это женщины, желая уязвить друг друга мнимой покорностью или согласием.

Ко мне подходят благодарные зрители. Они трясут меня за руки и за плечи, но самое главное – кладут в огромный карман штанов крошки хлеба. А я снова раскланиваюсь, благодарю их за щедрость.

Потом забираюсь на первый ярус к маме и угощаю её частью моего заработка. Отправляю несколько крошек сестре сквозь щели нар. И конечно, прячу что-то в маленькое дупло стойки. Это мой запас. Жизнь в лагере и постоянные разговоры женщин вокруг приучили меня к мысли, что жить без запаса, тем более выжить, невозможно.

Мама говорит мне, что танцевать нужно в ритме. Она хлопает ладонью о ладонь, а затем три раза по стойке нар. Наверное, я способная ученица. Я сразу соображаю, что таким образом танец приобретает некое однообразие, но одновременно происходит некая экономия сил и мыслей, ведь не надо думать, что нужно сделать в следующий момент, – притопывай, прихлопывай, и всё.

– Раз, два, три... Раз, два, три, – произносит мама.

А я уже знаю, что завтра опять выйду на стол и буду танцевать, а потом, ко всеобщему удовольствию, произнесу:

– Раз, два, три... Раз, два, три... – И раскланяюсь, и это не может не принести успех. Я это чувствую всей своей кожей, и мне становится спокойно и радостно.

* * *

Сегодня попыталась взять с собой на промысел Нину. Капо нашего барака уже третий день заставляя её подметать территорию. И вот сегодня, когда Нина закончила работу, я предлагаю ей сползать через бурьян к проволоке, где мои «знакомые» французы нам чего-нибудь перебросят. Замысел мой прост: двум девочкам должны дать галет в два раза больше.

Но затея наша чуть было не закончилась плохо. Нам не удалось даже подойти к бурьяну, чтобы ползти дальше. Откуда ни возьмись появилась овчарка, и мы с сестрой, медленно пятясь, двинулись назад. Мама всегда говорила мне, что от собак нельзя бегать, иначе они догонят и порвут.

Понемногу начинаю понимать, почему к проволоке не могут подойти другие. Их не пускают собаки. Но на меня они почему-то не реагируют. Надо проверить это завтра.

Возвращаемся с Ниной в барак. Она напугана и, не желая никого видеть, вновь забирается под нары. Я жду возвращения обитателей барака с работы, ужина, а потом... потом наступает моё время. Но наступает оно не всегда. Я уже научилась чувствовать, когда мои танцы нужны, а когда лучше не высываться. Для того чтобы это проверить, начинаю болтаться вдоль первого яруса нар.

– Ира, – обращаются ко мне, – ты сегодня выступаешь?

– Да, – говорю я, – вот только с мыслями соберусь.

Эти подслушанные у взрослых фразы почему-то веселят всех. И я внимательно прислушиваюсь к разговорам, которые ведутся вокруг. Они о конце войны, о какой-то фильтрации, о

том, что нас могут уничтожить перед тем, как придут союзники.

А потом я взбираюсь на стол, медленно прохаживаюсь по нему и, словно под музыку, начинаю свои движения.

На каждый мой выход мне необходимо придумать новое коленце, чтобы поразить моих зрителей и почитателей. Это может быть какое-нибудь красивое движение, необычный поклон или услышанное от кого-то слово, которое к танцу не имеет никакого отношения, но именно это и вызывает благодарную реакцию всех, кто наблюдает за мной.

Отрабатываю свой номер, забираюсь к маме на первый ярус, угощаю крошками её, а потом и Нину, которая получает от меня хлеб через щель в досках. Закладываю часть крошек в хранилище.

Жду следующего дня. Мне жутко, но одновременно и страшно интересно, как отреагирует на меня собака у «французской» зоны.

* * *

Теперь мне понятно, почему охрана не заботится особо об этом участке лагеря. Кроме меня туда никто не может подойти, а на меня собака не реагирует. Может, она не считает меня за человека, потому что люди – большие, а я – маленькая.

Рассказала об этом маме. Но та запретила мне ползать к «французам».

– Нужно немного потерпеть, – сказала она, – скоро придут наши, и всё закончится.

– А кто нас охранять будет, – спросила я обеспокоенно, – когда наши придут?

Мама усмехнулась и ничего не ответила.

Скорый приход наших чувствуется во всём. Реже стали появляться в бараке женщины в сапогах и пилотках. Возвращаясь с работы, многие приносят продукты, которые им передали местные жители.

Небывалое дело, немцы подходят к внешнему ограждению и бросают хлеб через проволоку, а охрана делает вид, что ничего не происходит.

В бараках только и разговоров о скором освобождении и конце войны. Но одновременно

растёт и какая-то тревога. Ходят слухи, что нас могут уничтожить до прихода освободителей.

В обоих ярусах постоянные разговоры о еде. О том, кто, что и как готовил до войны.

– Что нос воротишь от брюквочки, – говорили то тут, то там, – может, тебе карасей, жаренных в сметане, подать?

– Мама, – спрашиваю я, – а когда нас освободят, кто нас будет кормить?

– Сами будем кормиться, – отвечает она, – сами...

Эти слова вызывают во мне необычную гордость: только я в нашей семье могла кормиться сама, ни мама, ни Нина этого делать не могли. Значит, мне опять придётся их кормить. Но я верю в свои силы и свои возможности. Правда, я ещё не представляла, как это удастся мне сделать за пределами лагеря.

* * *

Само освобождение произошло как-то незаметно. Мама собрала нас с сестрой и сказала, что мы переезжаем в другое место.

– В другой лагерь? – спросила я её.

– Да, – ответила мама, – но свободный.

– А что значит – свободный?

– Значит, никто нас не будет там охранять.

– Выходит, война уже кончилась и наши пришли?

– Нет, – ответила мама, – наши пришли, но война ещё не кончилась, но уже скоро кончится.

Нас перевезли в большой лагерь, который был рядом с городом Эльзом.

Везли на больших машинах, но без охраны, и это было необычно. Но когда мы приехали в Эльз и разместились в бараке, всё стало на свои места. Барак был как две капли воды похож на прежний в Мельмеце. Те же нары в два яруса. Те же козлы, на которых располагались доски барачного стола. Тот же запах, которого не было на всём пути следования. А здесь он опять появился, будто мы его привезли из Мельмеца.

В первый же день я обнаружила, что в лагере нет охраны, а ворота постоянно открыты. Но самое интересное, что здесь было много детей. Вскоре мы уже сбились в несколько ста-

ек, которые сначала обследовали территорию лагеря, а потом стали выбираться наружу.

И только Нина не участвовала в наших походах. Она сидела на нарах такая же отрешённая и напуганная, как и до нашего освобождения.

Самое удивительное, что нас никто ни в чём не ограничивал. Но если со мной это было вполне понятно – новая администрация зачислила маму на работу в медчасть и она всё время проводила там, то родители остальных ребят большее время находились в лагере.

Мама, наверное, понимая, что меня, как Нину, в бараке не удержать, учит этикету общения с людьми за пределами лагеря. Из этой беседы я узнаю, что с людьми надо здороваться, говорить о погоде, а если ты желаешь познакомиться, то необходимо назвать своё имя и спросить, как зовут твоего собеседника.

С устройством мамы на работу у нас появились продукты и отпала необходимость в моих «заработках». Вместе с новыми подружками, которые все значительно старше меня, мы всё чаще выбираемся из лагеря и рыщем по посёлку.

Заходим в брошенные немцами дома, ищем «тряпочки». Но кто-то уже побывал в этих домах, и нам иногда удаётся унести только игрушки, какие-то безделушки, кусочки тканей. Свою добычу мы несём в лагерь и украшаем свои углы. Из моих тряпочек мама завязывает мне огромный белый бант, и я вновь ухожу на поиски. В результате последней вылазки мы напали на дом, в котором было много игрушек. Я выбрала себе огромную куклу, в волосах которой был такой же белый бант.

На следующий день мы пошли в этот дом снова, но во дворе его был немец. Увидев нас, он стал говорить:

– Ком, киндер, ком!

Однако мы не пошли в дом, а бросились бежать.

На следующий день я стала собирать моих подружек на новую вылазку, но они отказались. Тогда я пошла сама, но не в посёлок, а в стоящую рядом военную часть. Прошла мимо КПП и сразу на дорожке увидела трёх мужчин в форме.

– О, – сказали они чуть ли не одновременно, – а вот и Мальвина появилась.

Я не знала, кто такая Мальвина, но по интонации поняла, что это что-то хорошее.

– Здравствуйте, – сказала я, – как вас зовут?

Мужчины засмеялись, а потом один из них сказал:

– Меня зовут Петя, а это капитан Фисенко, а посередине – Серёжа.

– А почему Серёжа такой чёрный? – спросила я Петю.

– Потому что он татарин.

– Как вам сегодняшняя погода? – задала я следующий вопрос.

Они опять рассмеялись, а Петя сказал:

– Погода сегодня прекрасная, а завтра будет ещё лучше. Ты приходи к нам завтра после обеда, мы с тобой поговорим, а то сегодня у нас дела.

– Я приду завтра, – сказала я и попыталась пройти мимо них по дорожке.

Но Петя взял меня за руку, отвёл к КПП и сказал, что завтра он ждёт меня на этом месте.

Я вернулась в лагерь и рассказала сестре о том, что познакомилась с Петей, Серёжей и капитаном Фисенко. Но сестра мне не поверила. Впрочем, я не огорчилась и стала ждать «завтра», чтобы идти на свидание с Петей.

* * *

Я понимала, что обед – это когда тебя кормят в середине дня. И после обеда пошла к КПП.

Пети там не было, однако меня заметил солдат и сказал, чтобы я посидела у него в будочке, пока не придёт старший лейтенант Романов. Из этого я поняла, что фамилия Пети – Романов.

Ждать пришлось недолго. Вскоре я увидела Петю и капитана Фисенко, которые шли по дорожке к КПП.

Петя заглянул в будочку, увидел меня и сказал:

– Мы идём обедать.

Потом он посадил меня на плечи, куклу взял капитан Фисенко, и мы пошли по улице. Я очень хотела, чтобы мы прошли мимо того

дома, где нас напугал немец, но мы пошли другой дорогой.

Петя и капитан Фисенко вошли в какой-то ресторанчик, и хозяин-поляк, увидев офицеров, сразу спросил:

– Цо пан офицер хце?

– Сегодня заказывает наша дама, – ответил Петя.

– Что будешь есть, Мальвина? – спросил капитан Фисенко.

– Карасей, жаренных в сметане, – заорала я, а хозяин опять зацокал языком и пошёл выполнять заказ.

В тот день я впервые попробовала карасей, жаренных в сметане, а Петя учил меня есть их так, чтобы не подавиться.

Впервые в жизни персонально мне уделял столько внимания взрослый мужчина. И я спросила его:

– Слушай, Петя, а война уже закончилась?

– Да, – ответил он.

– Тогда я познакомлю тебя со своей мамой.

Сергей ТРАХИМЁНОК

Инна ФРОЛОВА

Инна Николаевна Фролова – поэт, поэт-переводчик. Член Союза писателей Беларуси и России. Родилась 6 августа 1972 года в Минске. Окончила Белорусский педагогический университет имени М. Танка и ВЛК Литературного института имени Максима Горького. Автор семи книг. Лауреат некоторых литературных конкурсов. Печатается в периодических изданиях Беларуси и России.

* * *

Журчали ландыши.
Черёмуховый лёд
Упал в траву – весенняя остуда.
Знобило ночь, и в ожиданье чуда
Глаза прищурил в небе рыжий кот.

И вот
случилось –
робкая сирень
Ударила вдруг залпами фонтанов
И залила душистым океаном
Девятый майский
долгожданный
светлый день.

ЧУДО МУЧЕНИКА ТРИФОНА О СОКОЛЕ

У князя милость и беда
В одни заходят невода.
Так родилось о чуде с соколом предание.

Гнев князя страшен. Волен меч
Снять голову с широких плеч
Сокольнику за Адрагана – бела кречета.

Пришпорив резвого коня,
Мчит, в сердце Божий страх храня.
Назначил сроку князь для поиска три дня ему.

Пал духом княжеский слуга,
Напрасно стоптана стеча.
Лишь небесам по силам огласить благую весть.

«Ты грешного раба призри,
Заступник, милость сотвори», –
Молил сокольник горячо святого Трифона.

Сморил беднягу сладкий сон.
Во сне знакомый видит склон,
На нём высокая сосна стоит, как звонница.

Коня хлыста торопит свист.
Сокольник наш благодарит
Спасителя: «Велик святой, велик воистину!»

Вот склон. И, словно серебро,
Сверкает кречета перо.
Издалека видна сосна на том урочище.

Обет великим князем дан.
Храм поднят на земле славян.
Гласит о соколе чудесное предание.

РЯБИНА

Занесены в лесу дороги.
Метель укрыла полотном
Медведя бурого в берлоге,
В сырой ложбине бурелом.

По пояс намело сугробы,
В буграх увязли деревца,

Лишь светом искрится особым
На ветках снежная пыльца.

Под плотной коркой хвою спрятав,
Стоит стена угрюмых вдов.
Подлесок – малые ребята
Укрылись пологом снегов.

Счёт зимним дням ведёт степенно
Седой февраль – чудной старик.
Спит лес до тёплых дней смиренно –
Под белым саваном пони́к.

Тряхнёт для смеху старец ветку –
Пугнуть косоного прыгуна,
Отправит белку на разведку...
И вновь сомкнётся тишина.

Хозяйство мерит взглядом строгим
Суровый дед из-под бровей.
Усталый, еле тащит ноги
По мёртвой замети полей.

Не устаю дивиться диву:
Там, у пологого холма,
На Божий свет глядит стыдливо
Рябина,

словно жизнь сама.

* * *

Последняя декада октября.
В дворах московских мечется ненастье,
А тополя под окнами горят
Таким далёким и понятным счастьем.

Уныния сургучная печать –
Седое солнце в небе восседает.
В одежде с богатырского плеча
Таджикский дворник о тепле вздыхает.

Как листопад к лицу тебе, Москва!
Но отражается в глазах усталость.
Я думаю, ты сотню раз права:
И дождь, и листопад – такая малость!

Ты ждёшь, когда живые небеса
Отверзнет покаянная слеза.

В САРАТОВЕ МИНУС ЧЕТЫРЕ

Памяти Феликса Малярченко

В Саратове минус четыре.
Зима как жигуль с толкача...
Дней двадцать, как там схоронили
Васильевича.

Решаю, идти ль в синагогу,
На синие пальцы дыша.
По мне, пусть бы к русскому Богу
Его полетела душа.

В Саратове минус четыре.
А небо (мечту оскопя) –
Лоскут, продырявленный в тире,
А с дыр – белым валом крупа.

Поги разберись, где тут небо.
В такую же синь облачась,
Вода разделила бы жребий
Васильевича.

* * *

От вторника и до субботы
Одна пустыня пролегла.
Осип Мандельштам

От вторника и до субботы
Одна пустыня пролегла.
У Мандельштама – «перелёты»,
А у меня – плацкарта соты
Да рельсов тонкая игла.

А у меня – водовороты,
Столичных улиц толчея.
От вторника и до субботы
Зияющих тревог пустоты,
Робея, заполняю я.

И как тут сбавишь обороты,
Как отречёшься от родства,
Когда все спектры, все частоты –
Всё заняла – до самой йоты –
Литинститутская Москва.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАСТАВНИК НАРОДНОГО ПЕСНЯРА

Лев Клейнборт – личность, которую будут помнить ровно столько, сколько будет жить память о народном песняре Беларуси Янке Купале. Русский писатель, критик, публицист, журналист, социолог... Родился Лев Максимович Клейнборт на Минщине, в древнем белорусском местечке Копыль, в 1875 году. Исследователи белорусской литературы часто указывают на то, что «его творчество было своеобразным мостом, соединяющим еврейскую, белорусскую, русскую культуры». Копыль, соседние Тимковичи – родина писателя и революционера, белорусского государственного деятеля Тишки Гартного, классика белорусской литературы Кузьмы Чорного...

Но, пожалуй, самое главное в судьбе Льва Клейнборта – это сопричастность с Купалой... Из воспоминаний Л. Клейнборта (1875–1950), которые он завершил в конце своей жизни (а опубликованы – при поддержке Министерства информации Республики Беларусь – они были только в 2021 году, правда, сразу на двух языках: в оригинале, на русском, и на белорусском): «Я был знаком, литературно близок с Янкой Купалой в течение ряда лет. Жизнь, переполненная событиями – империалистическая бойня, революция, гражданская война, военный коммунизм, – то сводила, то разводила нас. Я жил в Петербурге, Купалу бросало из Петербурга в Вильно, из Вильно в Орёл, из Орла в Москву, из Москвы в Минск. Но когда нас случай сводил, мы встречались, будто вчера расстались друг с другом.

Живо стоит в памяти у меня первая же встреча с ним в 1910 г. Он только что приехал в Петербург, жил у Б. И. Эпимах-Шипилло, белорусского деятеля того времени, и его привёл ко мне Тишка Гартный, работавший в ту пору

на одном из крупных заводов старого Петербурга...» Тишка Гартный – земляк Клейнборта, копылянин. Прозаик, поэт, ещё в 1912–1913 годах он опубликовал в газете «Правда» ряд стихотворений, очерк о кожевниках.

«– Янка Купала, – представил мне его Гартный.

Он смотрел исподлобья, ничего не говоря. Он был уже автором “Жалейки”, подготовлял к печати свой второй сборник “Гусляр”. До кого стихи эти доходили, знали, что этому минчанину, вышедшему из белорусского крестьянства, дан дар, поднимавший его над той средой, с которой он связал своё имя, свой общественно-жизненный обиход, что поэт это был подлинный, настоящий. И я лично любил и уважал его с тех пор, как Гартный принёс мне его “Жалейку”, выпущенную Эпимах-Шипилло».

Суровый с виду, мрачноватый, неподступный на первый взгляд, Купала близко сошёлся с Клейнбортом. Те семь лет, которые разделяли их по возрасту, образование, житейский опыт Льва Максимовича, его чуткое отношение к настоящей литературе, высокий художественный вкус, желание разобраться в существе авторских взглядов на жизнь – всё это, наверное, и притягивало белорусского самородка к старшему товарищу. Читаем те первые впечатления, надолго оставшиеся в памяти Клейнборта: «...от него не ускользала та снисходительность, которую проявлял подчас интеллигент к самоучке, да ещё белорусу.

Это внимание, но внимание с высокого древа.

– Что вы нашли в этих стишонках? – недоумевал П. Е. Щёголев, которому я давал эту “Жалейку”.

– Поэт, самоучка, белорус.

Лев Клейнборт (крайний справа) с семьёй

– Какая тут поэзия? Тургеневский Пигасов говорит, что сделаться таким поэтом нетрудно: “Стоит только взять лист бумаги и написать наверху: ‘Дума’, потом начать так: ‘Гой ты, доля, моя доля. А там, под горою, под зелёной, грае, грае, воропае – гоп, гоп!’ Или что-нибудь в этом роде. И дело – в шляпе”. (Цитата из романа И. С. Тургенева неточная. – А. К.)

А писатель был квалифицированный...»

Да, Павел Елисеевич Щёголев (1877–1931) – литератор известный, историк литературы, один из крупнейших пушкинистов начала XX века, драматург. В 1899–1913 годах вышли его книги «Первый декабрист Владимир Раевский. Из истории общественного движения первой четверти XIX века», «А. С. Грибоедов и декабристы», «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина», «Пушкин. Очерки»... Щёголев был крупнейшим библиофилом своего времени. Его библиотека насчитывала более 20 000 томов...

Из воспоминаний Л. Клейнборта:

«– Что же, – говорил Купала, когда ему передавали что-нибудь такое. – На меня, тёмного Янку, иначе и смотреть нельзя.

Однако он тонко понимал эту тонкость, которая лежала между ним и тем миром, в который ему, казалось, так естественно вступить.

– Что за пропасть отделяет меня от «образованных», – говорил он. – Сколько раз пытался перебросить мостик – не выходит. Чему, чему только можно научиться у них? Ведь это люди такого опыта, таких знаний. Но я чувствую себя с ними не в своей тарелке. Вот вы не принимаете меня за самоучку, “самородка”. У вас нет этого снисхождения...»

Купала приносил Клейнбарту стихотворения, ждал его оценок. Петербург был для него «Петербургом белорусов». Тех, кто группировался вокруг «Пецяўбургскай Суполкі – Загляне сонце і у нашэ ваконца». Днём занимался на Черняевских курсах. Вечера проводил дома, за литературной работой. И – за рюмкой вина, разумеется. «Эпимах-Шипилло заменяет ему отца. Но чувствует он себя “на чужбине” тоскливо» (Л. Клейнборт).

Воспоминания Санкт-Петербургского журналиста, литературоведа, историка литературы – это предельно правдивое окно в далёкую память о годах, проведённых Я. Купалой в Санкт-Петербурге. Лев Максимович, используя переписку с поэтом в разные годы, обращаясь к письмам Якуба Коласа, а также к эпистолярным посланиям Купалы Эпимах-Шипилле, детально восстанавливает этот период в жизни и творчестве белорусского поэта. К «купаловской теме» Клейнборт подходил и в другой своей книге, которая вышла при его жизни, – «Молодая Белоруссия: очерк современной белорусской литературы, 1905–1928» (Минск, 1928). Но из-за этого труда исследователь был обвинён в «буржуазном национализме», его лишили возможности публиковать последующие работы.

Книга «Встречи. Янка Купала», рукопись которой долгое время хранилась в Государственном литературном музее Янки Купалы в Минске, по заказу и при финансовой поддержке Министерства информации Республики Беларусь увидела свет в издательском доме

«Звезда» в 2021 году. Своеобразный подарок к 145-летию со дня рождения Льва Клейнборта (напомним: родился литературовед 15 (27) октября 1875 года; 145-летие – в 2020 году) и 140-летию Янки Купалы, которое в Беларуси будут отмечать в июле 2022 года.

С большой вступительной статьёй к «Встречам...» («Предисловие») выступает кандидат исторических наук Инна Соркина. Сами «Встречи...» предваряет ещё и статья «Вы поэт, Янка, белорусский поэт» директора Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства литературоведа Анны Запартыко. Кстати, Инна Соркина обращает внимание на то, что «Л. Клейнборт внимательно относился к творчеству молодёжи. Ему в своё время направил рукопись своей первой книги поэзии “Радуница” Сергей Есенин...» Вот как этот историко-литературный эпизод «звучит» во «Встречах...»: «Товарищ моей юности Александр Порфирьевич Еремич – директор Елисейской больницы в Лесном – сказал мне, что у него имеется на руках свободная личность, которую он предназначает для издания какого-нибудь поэта из народа. У меня же лежали на столе в это время “Радуница” Есенина, присланная мне им в рукописи, и стихи Янки Купалы, с чем и пошёл к Еремичу на встречу. Белорус по происхождению, он предпочёл Купалу... Так и появилась “Шляхам жыцця”».

Лев Клейнборт, которого в минувшем году отдельным мероприятием вспомнили в Копыльском районном краеведческом музее в Копыле во время Дня белорусской письменности, прожил непростую жизнь. Но в любых обстоятельствах старался писать, восстанавливать события и явления, свидетелем которых зачастую был лишь только он один. «Цикл мемуарных очерков Клейнборта “Встречи” охватил широкий спектр имён: Владимир Короленко, Сергей Есенин, Давид Айзман, Михаил Туган-Барановский, Николай Михайловский, Максим Горький, Василий Розанов и др. Эти воспоминания и рассказы были написаны в период с 1938 по 1946 год, это значит, в трудные для автора и страны времена: арест самого Клейнборта, блокада Ленинграда, где он проживал, эвакуация. Его сочинения – уникальное зеркало того времени, хоть это зеркало в определённой степени можно считать кривым. Возможно, именно это и привело к тому, что Клейнборт был забыт и вёл достойное жалости существование. В 1936 году старый марксист, живший в острой нужде, с трудом добывается пенсии – с помощью отзывов о его бывших заслугах известных литераторов» (Инна Соркина).

Листая страницы «звездовского» издания труда Льва Клейнборта, понимаешь, как прочно переплетены белорусская и русская культуры, белорусская и русская литературы.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Алесь (Александр Николаевич) КАРЛЮКЕВИЧ

Белорусский краевед, журналист, государственный деятель. Министр информации Республики Беларусь (2017–2020). Председатель Союза писателей Беларуси (с 2022).

Автор ряда книг.

Лауреат премии Белорусского союза журналистов «Золотое перо», литературной премии «Золотой Купидон», лауреат премии Президента Республики Беларусь «За духовное возрождение».

Награждён медалью Франциска Скорины (2021).

Никас Сафронов. Август. X. м. 20х30. 2016

Никас Сафронов. Весна. X., м. 45х50. 2012

Никас Сафронов. Нерушимой стеной. «Родина у нас одна!» –
Александр Григорьевич Лукашенко, х., м., 90х110, 2021

Никас Сафронов. Белорусский мотив, 50х70, 1973–2018

S. NIKAS

Море житейское

КУЧА МАЛА

– КУЧА МАЛА, – так кричали мы в детстве, затевая битву стенка на стенку. Налетали, сшибали друг друга с ног, сами валялись. Кто был внизу, старался вырваться, вынырнуть и оказаться наверху. Кричал: «Я – главный!» Так и моя бумажная куча: какая бумажка оказывается сверху, та (на время) и главная.

МНЕ, БЫВАЛО, советовали редактора взяться за так называемую проходную тему или просто переделать что-то уже написанное, «сгладить углы», «спрятать концы», для моей же пользы советовали: книга выйдет, всё какая копейка на молочишко. Нищета же одолевала.

Я даже и пытался переделывать написанное. Но Бог спасал – не шло. «Не могу, не получается, – говорил я, – лучше не печатайте». То есть бывало во мне малодушие – известности хотелось, благополучия, но, повторяю, Господь хранил от угождения духу века сего.

ТУНИС, ПОСОЛЬСТВО, пресс-конференция. Мы с Распутиным отвечаем на вопросы. Приходит записка: «Будьте осторожнее в высказываниях – в зале враждебные СМИ». Но что такого мы можем сказать? Какие секреты мы знаем? Скорее всего, чекисты посольства опасаются за своё место. Значит, есть что-то такое, что может повредить Советскому Союзу? Ничего не понятно.

«Нас объединяет культура, она независима от политики, систем устройства государств, есть единое общемировое движение человеческой мысли», – это один из нас. Другой: «Разделение в мире одно: за Христа или против Него».

Встреча долгая. Долгий потом ужин. Один из советников подошёл с бокалом: «О культуре очень хорошо, но о разделении немного неосторожно». – «А разве не так?» – «Так-то так. Но, может быть, рановато об этом?»

КАРФАГЕН. И было-то это совсем недавно. Тунис. Ездили в Бизерту, видели умирающие русские корабли. И конечно, в Карфаген. Услышать голос римского сенатора Катона: «Карфаген должен быть разрушен».

Остатки амфитеатра. Осень. Мальчишки вдалеке играют в футбол. Раздеваюсь и долго забредаю в Средиземное море. Даже и заплываю. Возвращаюсь – надо же – полон берег весёлых мальчишек. Аплодируют смелому дедушке. Под ногами множество плоских камешков – «блинчиков». Вода спокойная, очень пригодная для их «выпекания». Бросаю – семь касаний. Кружочки аккуратно расходятся по воде. Ещё! Десять. У мальчишек полный восторг. Неужели так не играют? Во мне просыпается педагогическое образование. Учю подбирать камешки. Выстраиваю мальчишек. Их человек двадцать. Бросаем. Вначале для практики, потом соревнование. Вскоре выявляются лидеры. Вот их уже пятеро, трое. И, наконец, два последних. У одного получается пять «блинчиков». Объявляю его победителем и – что-то же надо подарить – дарю кепочку с эмблемой фонда святого апостола Андрея Первозванного. Благодарные мальчишки дарят мне... футбольный мяч. Передариваю его самому маленькому, у которого пока не получилось бросать камешек по глади воды. Ну не всё сразу, научится.

Около монастыря преподобного Герасима Иорданского «возрождается» античность, строится амфитеатр Александра Македонского.

НИЧЕГО НЕ НАДО выдумывать. Да и что нам, русским, выдумывать, когда жизнь рус-

ская сама по себе настолько необыкновенна, что хотя бы её-то успеть постичь. Она единственная в мире такого размаха: от приземлённости до небесных высот. Все всегда не понимали нас и то воспитывали, то завоевывали, то отступали, то вновь нападали. Злоба к нам какая-то звериная, необъяснимая, это, конечно, от безбожия, от непонимания роли России в мире. А её роль – одухотворить материальный мир.

А как это поймёт материальный мир, те же англичане? Да никак. Но верим, что Господь вразумит.

«Русская народная линия» провела очень нужный обмен мнениями учёных, богословов, просто заинтересованных о мировоззренческих различиях меж Россией и Западом. Вывод один – эти различия преодолимы при одном условии – Запад должен вернуться в лоно православия, заново обрести Христа. Это единственное условие. Иначе он погибнет, и уже погибает. Остаётся от него только материальное видимое, да плюс ублажение плоти, да плюс великое самомнение. А вечное невидимое отошло от него.

ВИНОВАТ И КАЮСЬ, что не смог так, как бы следовало, написать об отце и матери. Писал, но не поднялся до высоты понимания их подвига, полной их заслуги в том, что чего-то достиг. Ведь писатели-то они, а не я, я записчик только, обработчик их рассказов, аранжировщик, так сказать.

И много в завалах моих бумаг об отце и матери. И уже, чувствую, не написать мне огромную им благодарность, чего-то завершённое, так хотя бы сохранить хоть что-то.

Читаю торопливые записи, каракули – всё же ушло: говор, жизненные ситуации, измерение поступков. Другие люди. «До чего дожили, – говорила мама, страдавшая особенно за молодёжь, – раньше стыд знали, а сейчас что дурно, то и потешно». – «Да, – подхватывал отец, – чего ещё ждать, когда юбки короче некуда, до самой развилки. Сел на остановке на скамье, рядом она – хлоп, и ноги все голые. У меня в руках газета была, я ей на колени ки-

нул: на хоть прикройся. Она так заорала, будто режут её. И знаешь, мамочка, никто, никто меня не поддержал».

РАССКАЗ МАМЫ

Запишу рассказ мамы о предпоследнем земном дне отца.

– Он уже долго лежал, весь выболелся. Я же вижу: прижимает его, но он всю жизнь никогда не жаловался. Спрашиваю: «Коля, как ты?» Он: «Мамочка, всё нормально». А отойду на кухню, слышу – тихонько стонет. Весь высох. Подхожу накануне, вдруг вижу, он как-то не так глядит. «Что, Коля, что?» А он спрашивает: «А почему ты платье передела? Такое платье красивое». – «Какое платье, я с утра в халате». – «Нет, мать, ты была в белом, подошла от окна, говоришь: "Ну что, полегче тебе?" – "Да ничего, – говорю, – терпимо". Говоришь: "Ещё немного потерпи, скоро будет хорошо". И как-то быстро ушла». Говорю: «Отец, может, тебе показалось?» – «Да как же показалось, я же с утра не спал».

Назавтра, под утро, он скончался. Был в комнате один. Так же, как потом и мама, спустя восемнадцать лет, тоже на рассвете, ушла от нас.

Великие люди – мои родители.

БОЮСЬ СИЛЬНО умных. Налетает: «Вам это надо знать! Записываете? Энергетические силовые линии идут векторно по России. Это сакрально и мистически раздвигает информационное поле нашего влияния, которое заполнено другими. А ждут нас. Это понятно?» – «Ещё бы», – торопливо соглашаюсь я. Он доволен: «Да, так. Подключайтесь. Мы не за баксовое, а за нравственное благополучие».

МАТУШКА: «Жила, мать очень суровая была, по голове не погладила, парней больше любила. Раз я, ещё девчонкой, корову подоила, хлев забыла закрыть, а корова уже копытом в ведре с молоком стоит. Мне влетело».

ЭПИГРАФЫ: «Нет в жизни счастья» (наколка на груди). «Отец, ты спишь, а я страдаю»

(надпись на могильном памятнике). «Без слов (слёз), но от души» (отрывок из дарственной надписи). «Спи, мой милый, не ворочайся» (из причитания жены над гробом мужа).

ИГРАЛИ В «ДОМИК». Детство. И прятки, и ляпки, и догонялки, всякие игры были. До игры чертили на земле кружки – «домики». И вот тебя догоняют, уже вот-вот осалят, а ты прыгаешь в свой кружок и кричишь: «А я в домике!» И это «я в домике» защищало от напасти. Да, домик как мечта о своём будущем домике, как об основе жизни. Идём с дочкой с занятий. Она вся измученная, еле тащится. Приходим домой, она прыгает. «Катечка, ты же хотела сразу спать». – «А дома прибавляются домашние силы».

И лошадь к дому быстрее бежит. И дома родные стены помогают.

МЕДИЦИНСКИЕ ВИРШИ: «На горе стоит больница, там приёмная. Приходи ко мне лечиться: ночь тёмная». Или: «Врач назначил мне приём, я разделася при ём».

МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ изобрели аппарат, который работает на доверии. Чем больше ему доверяешь, тем он лучше работает. Но приёмная комиссия такому изобретению не поверила. Вот и всё.

СТЫДНО ПЕРЕД детьми и внуками: им не видать такого детства, какое было у меня. Счастливейшее! Как? А крапиву ели, лебеду? А лапти? И что? Но двери не закрывали в домах, замков не помню. Какая любовь друг к другу, какие счастливые труды в поле, огороде, на сенокосе. Какие родники! Из реки пили воду в любом месте. А какая школа! Кружки, школьный театр, соревнования. Какая любовь к Отечеству! «Наша родина – самая светлая, наша родина – самая сильная».

ОТЧЕГО БЫ НЕ НАЧАТЬ с того, чем заканчивал Толстой, с его убеждений? Они же уже у старика, то есть вроде бы как бы у мудреца. А если он дикость говорит, свою религию

сочиняет, то что? Чужих умов в литературе не займёшь. И не помогут тебе они ни жить, ни писать, ни поступать по их правилам. На плечи тому же Толстому не влезешь, да и нехорошо мучить старика. Это в науке – да, там плечи предшественников держат, оттого наука быстра, но литература не такая. Наука – столб, литература – поле, где просторно всем: и знакам, и сорнякам. Ссориться в литературе могут только шавки, таланты рады друг другу. Не рады? Так какие же это таланты?

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ. Нет, сколько ни говори, что искусство – это одно, а жизнь – другое, бесполезно. Всё-таки в искусстве есть магия, в этом искусстве, в искусственности, что тянет сильнее, чем жизнь. Приезжает с гастролями какой-нибудь актёршишка, пустышка душой, глупый до того, что говорит только отрывками из ролей, ещё и бабник, приехал – и что? И все девочки его. Известен, вот в чём штука. Играл героев, говорил правильные слова, лицо мелькало, запомнилось. Сам подлец подлецом, приехал баранов стричь, ему надо «бабок срубить», заработать на шубу для очередной жены, которая, как и предшествующие, оказалась стервой.

Прямо беда. И ничего не докажешь, никого не вразумишь. Дурочки завидуют актрисам, топ-моделям, даже и проституткам (ещё бы – интервью даёт, в валюте купается), и что делать? Говоришь девушкам: да, хороша прима-балерина, а за ней, посмотрите, десятки, сотни девушек-балерин в массовке, которые часто не хуже примы, но вот не вышли в примы, так и состарятся, измочалят здоровье в непосильных нагрузках, оставят сцене лучшие годы и канут в неизвестность. Да и прима не вечна, и её вымоет новая прима, другая. А эту другую выхватит худрук из массовки. Все же они что-то могут, все прошли балетные классы. В балете, правда, худрук чаще любит не балерину, а другого худрука.

Сколько я ездил, сколько слушал самодетельных певцов, видел танцоров, народные танцы, и они гораздо сильнее тех, которые навязывают нам на телеэкране. Кого воспитали в любви к родине Пугачёва, Киркоров? Очень патриотические песни у Резника?

Хрипеть, визжать, выть, верещать, свистеть, дёргаться, прыгать – это тоже искусство. Ой, неохота об этом.

КОНСЬЕРЖКА ИЛИ ДЕЖУРНАЯ. Как я могу доверять французским романам, если в них нигде не встретишь фразы: «Консьержка была явно с тяжкого похмелья»?

А её русская сестра, дежурная по подъезду, бывала. Был я знаком и с другой дежурной, которая ходила в церковь и знала, что в воскресенье нельзя работать. Она и не работала. Мало того, закрывала двери лифта на висячий замок, приговаривая: «Не ходите в церковь – ходите пешком». Она этим явно не увеличивала число прихожан, но упрямо считала свои действия верными. Была бы она консьержкой, её бы уволили, но так как она была дежурной по подъезду, а пойти на её место, на её зарплату желающих не было, то она продолжала пребывать в своём звании. Как и первая, которая, опять же в отличие от консьержки, в частом бываньи (по выражению мамы) добиралась утром до работы, испытывая синдром похмелья.

То есть одно из двух: или русские романы гораздо правдивее французских, или консьержки закодированы от выпивки.

ЖЕНЩИНА, оглядываясь на идущих за нею мужа и сына: «Не распыляйтесь» – то есть не отставайте.

Похоже, как в больнице врач пришедшим посетителям громко: «Не тромбируйте коридоры».

ПОЗАВЧЕРА Павел Фивейский, сегодня Антоний Великий, завтра Кирилл и Афанасий Александрийские. Будем молиться! Есть нам за что благодарить Бога, есть нам в чём пред Ним каяться, есть о чём просить. Надо омыть Россию светлыми слезами смирения и покаяния, иначе умоемся кровью.

ИСКАТЬ НА ЗЕМЛЕ то ценное, что будет ценно и на небе. (Прочитал или услышал.)

КОШКА ВО СНЕ – к недругу. Собака – к другу. Лошадь – ко лжи. Смешно всё это. Ко

лжи оттого, что ложь – лошадь? А по-немецки – «пферд». Где тут ложь? Исчезнет всё, «яко соние восстающего», то есть просыпающегося. Лучшие сны – это река, берег, прохлада.

И ЧТО НАМ за указ международное право. Оно уже одобряет педерастов, и ему подчиняться? Свобода ювенальной юстиции и содомии? Нет, это окончательно последние времена. Дожили. Именно в наше время, время прозрения. Так нам и надо.

ИДЕОЛОГИЯ, конечно, всегда есть, как какая-либо идея. И если она предтеча веры в Бога, то и хорошо. Но как идея вообще бесплодна. Вот чем плоха идея: народ настолько верит государю, насколько государь верит в Бога. А идеология марксизма-ленинизма – это зараза мертвечины, противление Христу.

ЗНАКОМ БЫЛ со старушкой, которая в 1916 году в приюте читала императору Николаю молитву «Отче наш» по-мордовски. Она была мордовкой. Потом стала женой великого художника Павла Корина. Привёл нас с Распутиным в его мастерскую Солоухин. Конечно, создаваемое полотно не надо было называть ни «Реквием», как советовал Горький, ни «Русь уходящая», как называл Корин, а просто «Русь». Такая мощь в лицах, такая молитвенность.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ на свадьбе в Керчи. Немного запомнил:

*Бывайте здоровы, живите богато,
Насколько позволит вам ваша зарплата.
Насколько позволит вам ваша зарплата:
На тещу, на брата, на тестя, на свата.
А если муж будет у вас не разиня,
Получите ордены «Мать-героиня».
Окружат гурьбой вас дочурки с сынками,
А как прокормить их, подумайте сами.*

ВООБЩЕ ПЕРЕДЕЛКИ общеизвестных песен, выражений были повсеместны, это было и творчество, и неприятие казённости. Тут хорошая песня «Бывайте здоровы, живите богато» не шаржируется, а расширяется. А вот, напри-

мер, песню времён войны «Ты меня ждёшь и у детской кровати тайком ты слезу проливаешь» пели, бывало, и так: «Ты меня ждёшь, а сама с лейтенантом живёшь».

Или на мотив «Тучи над городом встали»: «Папка воюет на фронте – мамка смеётся в тылу. Папка вернётся, к мамке приедет, я ему всё расскажу».

ЧЕГО ЕЩЁ нам не хватило и не хватает? Войны, конфликты, истребление лесов, отравление воды – это же всё от нас самих. Поневоле оправдаешь и возблаговаришь Господа за вразумления: наводнения, землетрясения, огненные очищения.

ОТЕЦ ДИМИТРИЙ ДУДКО всерьёз уговаривал нас: Распутина, Бородина, меня – принять священнический сан. «Ваши знания о жизни, о человеческой душе раздвинутся и помогут вам в писательском деле». Мы вежливо улыбались, совершенно не представляя, как это может быть. А вот писатель Ярослав Шипов смог, и стал священником, и пишет хорошо. Когда я преподавал древнерусскую литературу в Академии живописи, ваяния и зодчества, то просил кафедру искусствоведения пригласить его для преподавания Закона Божия. Пригласили. Но ректор донимал его вопросом: «Почему же надо подставлять правую щёку, когда уже ударили по левой? Ну нет, я не подставляю!»

– СКАЖИ НАШИМ: мы пашем.

– ЗА МОДОЙ не гонись, была б задница не голая. Тут же: «Нашему подлецу всё к лицу».

– РАСТРЕПАЛА ДУНЯ косы, а за нею все матросы. Так же говорили? А нынче чего? Дуне той хоть было чего растрёпывать. И небось в юбке была. А нынешние? Или подола совсем нет, или штаны в такую обтяжку, что срамотища. Я бы парней нынешних за то, что на девок набрасываются, не судил. Девки такие – это же собаки, сучки, кобелей подманивают. Вот и получай, сама же подманивала.

Владимир КРУПИН

ИМЕНИЕ ЧЕРНИЦЫ ПОЛОЦКОГО УЕЗДА. «БЕЛОРУССКИЙ СЛЕД» АНДРЕЯ КАБАНОВА, УЧИТЕЛЯ МАКСИМА БОГДАНОВИЧА

9 декабря 2021 года исполнилось 130 лет со дня рождения Максима Богдановича, гениального белорусского поэта, прозаика, критика и переводчика. Благодаря учёным, исследователям всё меньше белых пятен остаётся в биографии писателя. Но пока так и не найден ответ на вопрос, как молодому человеку, который прожил большую часть жизни за пределами родины, удалось стать именно белорусским гением слова. Одним из тех, кто помогал М. Богдановичу выйти на белорусскую литературную дорогу, был учитель Нижегородской мужской гимназии Андрей Киприянович Кабанов. Научно-исследовательские поиски сотрудников Литературного музея Максима Богдановича позволили выяснить, каким образом А. Кабанов был связан с Беларусью.

Впервые имя Андрея Киприяновича Кабанова в богдановичеведении появилось благодаря Адаму Егоровичу Богдановичу. Сотрудники Института белорусской культуры обратились к отцу писателя с просьбой написать воспоминания и предложили план «Да жыццёапісу М. Багдановіча», выделив тематические поля, наиболее интересовавшие исследователей, среди них были вопросы, касающиеся обучения в гимназии: «Як ішла гімназія Ніжнягароцкая, любімыя вучыцалі і іх уплывы». В 1923 году А. Богданович написал «Материалы к биогра-

фии Максима Адамовича Богдановича», в которых он вспомнил и нижегородских педагогов: «Были выдающиеся молодые учителя, как Лопатин – математик, Раевский – преподаватель русского языка и А. К. Кабанов – историк. Два первых были руководителями гимназических кружков саморазвития, в которые впоследствии входил и Максим, а с последним Максима связывала любовь к Белоруссии и интерес к белорусике: Кабанов – белорус по рождению и знаток белорусской истории. Впоследствии, выехав из Нижнего, Максим под-

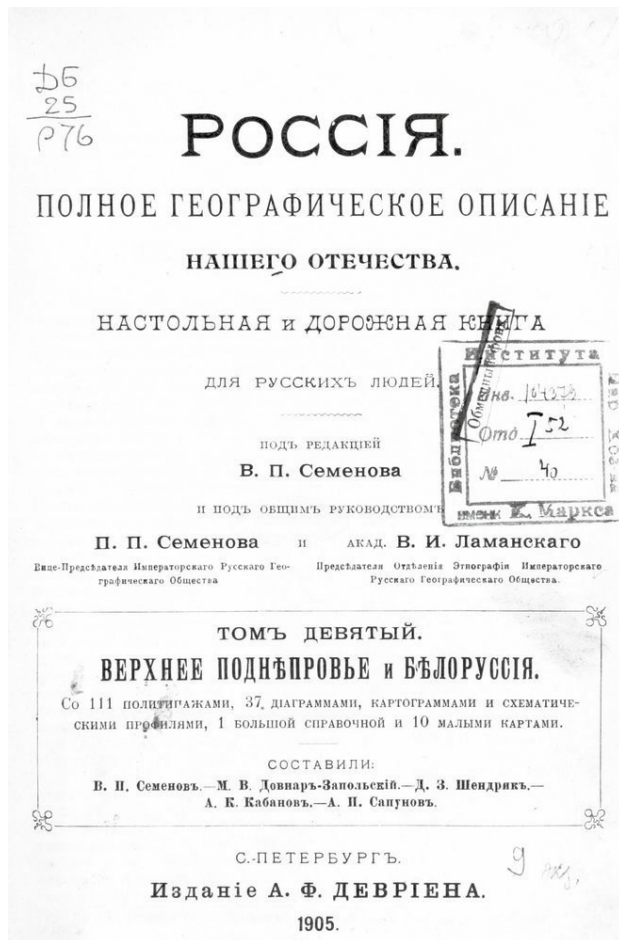

держивал с ним переписку по интересующим его вопросам».

Строки о переписке молодого белорусского писателя с нижегородским учителем подтверждаются Иваном Ивановичем Замотиным, исследователем и составителем первого полного собрания сочинений М. Богдановича (Минск, 1927–1928). Он занимался изучением архива Максима Богдановича, хранящегося на кафедре истории белорусской литературы в Институте белорусской культуры, ознакомился с эпистолярным наследием писателя. Упоминание о переписке с А. Кабановым находим в статье «М. А. Богданович: крытыка-біяграфічны нарыс»: «У студэнцкія гады Максім Адамавіч таксама падтрымліваў сяброўскую сувязь з В. В. Белавусавым, з якім у яго быў агульны інтарэс да антычнай і заходне-еўрапейскай літаратуры, і з А. К. Кабановым, які яшчэ ў гімназіі кіраваў яго заняткамі па бе-

ларусазнаўству; гэта відаць з лістоў гэтых асоб да Максіма Багдановіча, якія захаваліся і адносяцца да 1913–1914 гг.; у лісце А. К. Кабанова (1913 г.) даецца, між іншым, цэлы шэраг бібліяграфічных паказанняў па гісторыі Беларусі».

Адам Богданович в описании нижегородского учителя был неправ только в одном тезисе – «Кабанов – белорус по рождению», поскольку изучение различных источников и биографических материалов позволило выяснить следующие факты об Андрее Киприяновиче. Родился 8 сентября 1876 года в Санкт-Петербурге в семье Киприяна Андреевича и Елизаветы Ивановны Кабановых. Отец учителя – из удельных крестьян Бугурусланского уезда Оренбургской губернии, мать из семьи известных уфимских купцов. С 1898 по 1903 год он учился на историко-филологическом факультете Императорского Московского уни-

Верхнее Поднепровье и Белоруссия

Андрей Киприянович и Вера Николаевна Кабановы

верситета. В 1903 году Андрей Кабанов устроился преподавателем истории и географии в Нижегородскую мужскую гимназию, стал учителем М. Богдановича, с которым они сошлись на почве любви к белорусике.

Пока не удалось установить, кто и что именно послужило толчком к обращению к белорусской теме самого А. К. Кабанова. Но известно, что в 1905 году вышел очередной, девятый том «Верхнее Поднепровье и Белоруссия» настольной и дорожной книги для русских людей «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». В работе над томом приняли участие В. П. Семёнов, М. В. Довнар-Запольский, Д. З. Шендрик, А. К. Кабанов, А. П. Сапунов. Кабанов и Довнар-Запольский в том же году вместе работали над еще одним научным изданием «Описание актов собрания графа А. С. Уварова» (Москва, 1905). В работе над томом «Верхнее Поднепровье и Белоруссия» Андрей Киприянович трудился совместно с Алексеем Парфёновичем Сапуновым, известным белорусским историком, археографом, краеведом, вместе они готовили главы VIII и IX этого научного издания.

В 1903 году Андрей Кабанов женился, его супругой стала Вера Николаевна Волкова, венчание молодой пары состоялось в Сиротинской Рождество-Богородицкой церкви Полоцкого уезда Витебской губернии. Выбор храма не случаен: отец невесты Николай Михайлович Волков с 1867 года служил помощником полоцкого уездного исправника полицейского управления, в 1877 году – полицмейстером в Витебске. 14 апреля 1875 года ему высочайше пожалован участок Горки в Полоцком уезде Витебской губернии, 234,78 десятины земли. Владел он имением Черницы в Ловожской волости Полоцкого уезда, к сожалению, с какого именно года, установить пока не удалось. В Национальном историческом архиве Беларуси хранится дело «Официальные письма губернатора М. Галкину-Враскому о рассрочке казённого долга, числящегося на имении Черницы Лепельского уезда, приобретённом витебским полицмейстером Волковым», материалы которого говорят о том, что уже в 1880 году имением владел он.

Можно предполагать, что Андрей Киприянович вместе с супругой не раз бывал в имении отца Веры Николаевны, есть тому два документальных подтверждения. Первое находим в статье О. В. Новохатко «История публикации архива стольника А. И. Безобразова», где автор статьи приводит текст записки к А. С. Лаппо-Данилевскому от А. Кабанова, занимавшегося подготовкой материалов и указавшего контакт для связи: «Адрес мой: до 5 июня Н. Новгород. Больш. Ямская, д. Смирнова, с 5 июня до 1 августа – Шумилино (Витебской губ.), имение Черницы. Андрею Киприяновичу Кабанову». По мнению О. В. Новохатко, записку можно датировать 1915 годом.

Ещё одно подтверждение есть в воспоминаниях Елены Николаевны Быковой, племянницы Веры Николаевны, дочери её брата Николая Волкова. Машинопись воспоминаний хранится в семейном архиве А. А. Ульянова (г. Нижний Новгород, Россия), электронная копия передана им в Литературный музей Максима Богдановича. Брат Веры – Николай Николаевич Волков – офицер-артиллерист, учился в Полоцком кадетском корпусе, принимал участие в Японской и Первой мировой войнах, в конце службы имел чин штабс-капитана. Рано потерял жену, один воспитывал сына и дочь, оставившую потомкам мемуары, наполненные теплом и любовью. Память Елены Николаевны сохранила множество мельчайших подробностей, касающихся архитектуры самого здания, окружающих ландшафтов и, главное, той атмосферы, которая существовала в имении Волковых в Черницах. Предлагаем познакомиться с фрагментом воспоминаний Елены Быковой, посвящённых имению Черницы, располагавшемуся в Ловожской волости Полоцкого уезда Витебской губернии, где черпал вдохновение Андрей Кабанов, учитель Максима Богдановича.

Ирина МЫШКОВЕЦ,
Литературный музей Максима
Богдановича, филиал Государственного
музея истории белорусской
литературы, Минск, Беларусь

ФРАГМЕНТ ВОСПОМИНАНИЙ, ПОСВЯЩЁННЫХ ИМЕНИЮ ЧЕРНИЦЫ

Черницы! Лучшее место на земле, как золотой сон детства. Это была Белоруссия, с мягким климатом и мягкими людьми. Поля и берёзовые леса, речушки и овраги. Местами болота, они назывались почему-то «сажонки». В одном болоте вода была и ещё «омшарки», в ней красили холсты и разные вещи, всё выходило вишнёвого цвета. На одном болоте жил колдун в маленькой избушке, старый мужичок, борода-тый, всегда в овчинном тулупе, зимой и летом. Его звали «медведь» и считали колдуном, он лечил травами. Мы бегали по лугам и лесам, купались, играли, больше всего любили крокет и ещё городки, у нас они назывались «рюхи», наверное, от слова «рушить». И ещё были качели – «гигантские шаги».

Дом стоял на горе, окружён был огромным липовым парком, аллеи были древние, длинные, и наверху липы сходились кронами, они были очень старые и высокие, ни дождь, ни солнце не пробивали эту живую крышу, там всегда был полумрак. Я очень любила сидеть там, и слушать этот шум деревьев, и всё рассматривать, мне не было ни страшно, ни скучно. В одном месте на краю парка рос огромный серебристый тополь, его звали «дедушка-тополь», его ствол могли обхватить четверо мужчин, потомство его образовало целую рощу, там стояли скамейки и висели качели. Я любила сидеть в этой роще, слушать шелест листвы, там было всегда тихо и прохладно. На этих качелях было очень приятно качаться и даже просто посидеть. С ними у меня связаны воспоминания о первой любви, но это уже будет впереди.

Сейчас я хочу описать наши Черницы, если можно их описать, этот рай. Перед домом был большой цветник, некоторые аллеи шли под гору, а внизу текла небольшая речка, был омут, и кругом ивы, очень, очень красиво. Дальше

берёзовый лес, который тянулся до местечка Сиротино. Там был еврейский посёлок, лавочки, всё можно было купить, был фельдшер, портной. Была русская церковь, школа, кладбище, на котором были похоронены моя мамочка и папины родители и сёстры. Из дома с заднего высокого крыльца была видна эта церковь, папа с грустью всегда смотрел вдаль. Крыльцо было очень высокое, с белыми колоннами и двумя лестницами по бокам. С другой стороны была низкая терраса с широкой лестницей и тоже с колоннами, по четыре с каждой стороны. Это был парадный подъезд, перед домом был большой круг, засеянный клевером или ещё каким-нибудь цветущим зелёным ковром. И в середине рос большой каштан.

Кругом были хозяйственные постройки, сараи, конюшни, и стояла «хатка», небольшой домик, в котором зимовала наша кухарка с детьми, когда большой дом запирался на зиму. Когда-то в нём, в большом доме, круглый год, всегда жили папины родители и сестра, и он приезжал на каникулы домой из Полоцка, из кадетского корпуса, это было недалеко. Впоследствии он мне как-то рассказывал, как он, уже женатый, с мамочкой, ездил в этот корпус на выпускной бал, она была так хороша, что все, не только кадеты, но и служащие там офицеры, наперебой ухаживали за ней, приглашали танцевать, и он так взревновал, схватил её и увёз с этого бала, она была расстроена и даже поплакала. Папа очень любил этот свой родной уголок, ездил туда и зимой и тогда оставался в этой «хатке». Мы тоже однажды приехали туда ранней весной хоронить папину младшую сестру, Машеньку, которая умерла от родов в Одессе, куда приехала встречать своего мужа-морьяка из плавания и не дождалась – умерла. Папа вёз её в цинковом гробу через

всю Россию похоронить в родном гнезде. Ей было только 22 года.

В прошлом так много всего, не знаю, как это всё написать, да и нужно ли? Но память, как нитка, всё тянется и тянется. Хочу кончить о Черницах. Около дома с колоннами росли по четыре с каждой стороны пирамидальных тополя, их было видно на большом расстоянии, тем более что дом стоял на горе. Но постепенно они так стали стары и трещали при бурях, их постепенно спиливали, боялись, что упадут на крышу и разрушат дом. Дом был старый, папа его поддерживал, не знаю, где он брал средства, он получал немного, чина большого не имел. Правда, был огромный яблоневый сад, он сдавал его в аренду местным евреям и, наверное, на эти деньги вёл расходы. Он ещё подсаживал молодые сады, держал садовника и мечтал, что выйдет в отставку, будет на это жить в Черницах, но всё, всё сложилось по-другому.

Дом был большой, в середине был большой зал, с белой мебелью, с роялем, с дверью на балкон или высокое крыльцо. Когда садилось солнце, всё было освещено розовым светом, картины в золочёных рамах, мебель – всё было так красиво, я очень любила смотреть на всё это. Была красная гостиная, из неё шла дверь и две ступеньки вниз, в библиотеку, в которой было очень уютно и темновато, стёкла в этой комнате были разноцветные, в окна заглядывали кусты сирени и жасмина. К сожалению, за много лет мыши погрызли много книг, да и некому было их разобрать и беречь. В этой библиотеке мы занимались летом с гувернантками немецким, французским, а ещё музыкой, уже в зале. И так не хотелось учиться летом, когда кругом такая красота, так хочется убежать. Но папино желание всегда выполнялось, хотя он никогда не сердился.

Была светлая весёлая столовая, ещё три комнаты для гостей. В одной из них жил мой брат, и две гувернантки, и ещё кто приезжал в гости. По другую сторону зала была большая комната, называлась «девичья», но когда-то, когда жили в доме зимой, весь дом не топили, а только эта половина, и в ней была столовая, в ней стояли шкафы с бельём, столы для гла-

жения и в углу ванная, закрытая ширмами, хотя в саду была чудесная банька, заросшая малиной. Из неё шли три комнаты, спальни, одна для тёти Ани, жены папиного брата, она хозяйничала, угловая для её сына Коли, а третья была наша с папой. Везде стояли старинные кровати, деревянные, красивые, и как на них было чудесно спать, дышать свежим сеном, которым набивались матрацы к нашему приезду. Всё было прекрасно в этом родном месте. И утра, с пением птиц и росой на цветах, и дни, с гуляньем и купаньем, и вечера, когда все собирались на крыльце, смотрели на звёзды, рассказывали что-нибудь, была тишина, беседа текла. Родство. Иногда пел соловей, иногда кричал филин. Потом нас отсылали спать, а взрослые сидели в столовой, и как не хотелось уходить в свою спальню. Ложились и слышала, как через залу идёт папа, шпоры звенят, идёт, чтобы поцеловать и перекрестить на ночь. <...>

В Черницы съезжались на лето все родные с детьми, все выстроили себе небольшие дома, а папе отдали большой дом, так как он был одинок, без жены, да и очень его все любили. За хозяйку у нас жила тётя Аня, жена папиного брата, гостили друзья. У папиной сестры Веры был муж Андрей. У него был племянник Андрей, сын художника-грузина, князя Гугунава. Он был старше меня на пять лет, и вот это была моя первая любовь. Он был хорош собой, чудесно рисовал и был очень музыкален, прекрасно играл на гитаре и пел. Эта любовь оказалась взаимной, но мы о ней не говорили, только замирали при встречах. Не сговариваясь, я ходила на качели к «деду-тополю», и он приходил туда с гитарой. Но мы скоро смущались, и я убегала. Когда началась война, нам было предложено объезжать деревни и собирать для фронта пожертвования, а взамен дарить царские портреты и значки. И вот мне пришлось ехать с Андреем вдвоём, мы ездили целый день на так называемой линейке, такой небольшой экипаж. Это было как сон, как мечта. Прошло 65 лет, как всё помнится, как сладко вспомнить всё это время...

Елена БЫКОВА

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ И ЯРОСЛАВСКАЯ ГАЗЕТА «ГОЛОС»

НОВЫЕ НАХОДКИ И СТАРЫЕ ВОПРОСЫ

Фактографический материал, накопленный исследователями биографии и творчества Максима Богдановича, даёт возможность довольно точно установить те или иные моменты в жизни поэта. Вместе с тем остаются невыясненными или по крайней мере недостаточно чётко установленными некоторые важнейшие вехи его биографии. Одним из таких узловых пунктов является начало сотрудничества Максима Богдановича с ярославской газетой «Голос». По сути, выстраивая хронологию этих событий, мы в вопросе отправной точки опираемся на свидетельства всего одного человека – сотрудника, а впоследствии редактора газеты Сергея Степановича Каныгина (1878 г. р.). Есть

несколько публикаций и интервью, в которых он вспоминает своего коллегу по перу и приводит довольно противоречивые данные. Но обо всём по порядку.

Сейчас трудно установить, обращались ли исследователи творчества Богдановича к Сергею Степановичу Каныгину до 50-х годов. Пока нам таких сведений отыскать не удалось. В 1957 году литературовед Степан Александрович по подсказке сотрудника «Голоса» Александра Титова навестил Каныгина в Ярославле и пытался уточнить, когда он познакомился с Максимом. Так, в ответ на расспросы белорусского исследователя бывший редактор «Голоса» вспоминал, что первая их встреча с

Сотрудники газеты «Голос», Богданович, в центре Барановский

Портрет Богдановича, 1915–1916 гг.

Богдановичем произошла осенью то ли 1909, то ли 1910 года, когда в редакцию заглянул высокий чернявый гимназист в поношенной крылатке и предложил свои стихи для публикации. Каныгин рассказал, что Богданович что-то писал на смерть Л. Н. Толстого, а впоследствии печатался много под разными псевдонимами, в том числе женскими (вспомнить тогда их не смог). Максиму часто заказывали рецензии на новые книги и театральные постановки. В редакции называли Богдановича «наш поэт». К слову, под реальной фамилией в «Голосе» не выявлено ни одного стихотворения Максима Богдановича, да и по другим стихам есть вопросы.

Далее предлагаю обратиться к автобиографическому очерку С. С. Каныгина «Многолетний сотрудник ярославских газет и журналов», датированному 1958–1959 годами, в них автор уже более категоричен и «точен» в деталях: «Глубокой осенью 1910 года скверная погода рано меня заставила явиться в редакцию, и я принялся за свою работу <...>. Но вот кто-то постучался в дверь. На ответ «войдите» показался высокого роста молодой человек в непромокаемом плаще, из-под которого видна была серая студенческая тужурка с золотыми пуговицами.

– Максим Богданович, – назвал себя пришедший, подавая мне руку, и извинился, что по-

мешал мне. Я предложил ему стул и стал вести разговор. Оказалось, что он принёс несколько заметок из жизни Лицея и высказал желание сотрудничать в газете. По заметкам можно было заключить, что он будет полезен нам, так как жизнь Лицея почти не освещалась, и я просил его писать, давая всё, что у него будет. Скоро [пришёл] Н. П. Дружинин. <...> Я познакомил его с новым сотрудником, сказал о принесённом им материале. Н. П. одобрил его и просил давать всё, что у него будет для газеты. С этого осеннего дня Максим Адамович стал постоянным сотрудником «Голоса».

Газета «Голос», из фондов Лит. музея М. Богдановича

Как мы видим, здесь Богданович приносит в редакцию уже не стихи, а заметки о лицее. Такая рубрика действительно существовала в газете на протяжении всей истории её существования, но материалы эти практически никогда не имели авторства, и какие из них могли быть написаны Богдановичем, непонятно. Опять же, в очерке представлен не гимназист, а молодой человек в студенческой форменной одежде, а, как известно, в Демидовский юридический лицей Максим Адамович поступил только осенью 1911 года.

В своих воспоминаниях С. Каныгин утверждал, что Максим Богданович публиковал материалы, посвящённые смерти Л. Н. Толстого (7 [20] ноября 1910 года). Действительно, это событие очень детально освещалось газетой – и протекание болезни, и траурные мероприятия, – воспоминания и заметки биографического характера не сходили с полос несколько недель, но ни под одним из материалов сотрудниками музея и нашими предшественниками не было выявлено подписи Богдановича, криптонимов писателя или его предполагаемых псевдонимов.

Хотя посвящённая Л. Н. Толстому заметка у Максима действительно была, но относится она уже к 1915 году (4 октября) – «Новые письма Л. Н. Толстого». О том, что автором её является М. Богданович, свидетельствует в своей книге «Опыт местной библиографии. Ярославский край (1718–1924)», ещё один сотрудник газеты «Голос», товарищ Максима Богдановича – Н. Г. Огурцов. Соответственно, по этому вопросу мы можем сделать следующий вывод: возможно, мы не располагаем достаточной информацией и поэтому не можем атрибутировать один или несколько материалов, посвящённых смерти Л. Н. Толстого, как написанные Богдановичем; или С. С. Каныгин имел в виду материал, опубликованный уже в 1915 году, т. е. значительно позже 1910 года.

Из воспоминаний современников поэта знаем, что Максим Богданович довольно ревностно относился к своему творчеству и предпочитал, чтобы публикации его произведений были подписаны его реальными именем и фамилией, в крайнем случае криптонимами. 9 ноября 1912 года в «Голосе» была опубликована заметка о смерти Кости Свиблова, подписанная

«М. Б.». Стоит отметить, что за период с 1909 до ноября 1912 года криптоним М. Б. в газете практически не употребляется. Только несколько раз встречались материалы, подписанные «М. Б-ов», и относились они к городку Молога, расположенному неподалёку от Ярославля. А под криптонимом М. Б-ий появилась лишь одна заметка – «На выставке картин и прикладного искусства». Впервые подпись «М. Богданович» появилась в газете «Голос» под публикацией «С. Д. Дрожжин» 12 декабря 1913 года.

С 9 (22) ноября 1912 года в «Голосе» появляются публикации, подписанные криптонимом М. Б. (1), в 1913-м – «М. Богданович» (3) и «М. Б.» (1). В 1914-м их было 12 и 2 соответственно. В 1915 году – «М. Богданович» (6). В 1916-м – «М. Богданович» (14) и криптонимом М. Б. (6). Стоит также обратить внимание, что за 1911 и 1912 годы, довольно плодотворные в творчестве писателя, никаких его публикаций не выявлено. Если только он не являлся автором неподписанных публикаций, посвящённых жизни лицея.

Из количественного анализа публикаций, а также разночтений в воспоминаниях можно сделать вывод, что Максим Богданович сотрудничать с газетой «Голос» начал только в лицейскую пору своей биографии, самое раннее – осенью 1911 года. То, что Максим, будучи гимназистом, писал о лицее, представляется очень маловероятным. Какая часть «лицейских» материалов принадлежит перу Богдановича и когда он приступил к их написанию, нам пока неизвестно.

Вместе с тем, основываясь на воспоминаниях Сергея Каныгина, записанных С. Александровичем в 1957 году и сотрудником Института литературы имени Янки Купалы Академии наук БССР И. Горецким в 1958 году, Максиму Богдановичу приписываются также публикации, подписанные псевдонимами Эхо и Rion. Произведения, подписанные псевдонимом Эхо, появлялись в газете в 1909-м (2 шт.), 1913-м (3 шт.), 1915-м (1 шт.). Rion – только в 1910-м (4 шт.).

Эти сведения также не вносят ясности. Если первое, что принёс Максим в редакцию, это стихи, то публикации, подписанные «Эхо», за 1909 год не имеют к Богдановичу отношения. Если это были заметки о лицее, то мы сталкиваемся

с той же проблемой. Учитывая, что, скорее всего, в редакцию он впервые пришёл уже лицеистом, то публикации более раннего периода не могут принадлежать Максиму Богдановичу. Единственным атрибутированным стихотворением Максима Богдановича является произведение «Осенью» (1916), подписанное псевдонимом Ек. Февралёва. О принадлежности материалов, подписанных псевдонимом Ив. Февралёв / Ек. Февралёва, есть три независимых свидетельства.

То, что Максим Богданович писал под женским именем, упоминал сам Сергей Каныгин, пускай он и не смог вспомнить, под каким именно. Это смог уточнить Александр Титов, сотрудник газеты и товарищ Максима: «Однажды я прочёл в газете небольшое стихотворение под названием "Осенью" за подписью "Ек. Февралёва". Стихи мне понравились, и я при встрече с Максимом Адамовичем спросил его, не знает ли он, кто автор этого стихотворения. "Это написал я, – ответил мне Максим Адамович и прибавил: – Я очень люблю видеть беременных женщин и всегда готов преклониться перед такой женщиной, которая готовится воспроизвести на свет будущего члена общества – человека"».

Кроме того, в Российском государственном архиве литературы и искусства было выявлено письмо сотрудника газеты Николая Огурцова к Алексею Золотарёву, датированное 27 февраля 1916 года. Среди прочего в письме сообщалось следующее: «Максим Адамович жарит фельетоны под псевдонимом Ив. Февралёв». Нетрудно догадаться, что разговор идёт об их общем знакомом и друге Максиме Адамовиче Богдановиче, который в то время тесно сотрудничал с редакцией «Голоса». Это открытие позволило исследователям творчества поэта атрибутировать многие его произведения и опубликовать их с подробными комментариями в полном собрании сочинений (1992–1995).

Была надежда, что более детальное исследование периодики времён Богдановича позволит не только добавить фактуры, установить факты и события, свидетелем которых мог быть поэт в Ярославле, но и найти его ранее неизвестные произведения. И наши ожидания полностью оправдались. Благодаря

подсказке ярославского краеведа и исследовательницы Марины Даниловой мы смогли познакомиться с комплектами газеты «Голос» за 1908–1917 годы. Доступ к архиву позволил выявить несколько публикаций, о которых ранее не было известно. Это заметки «В студенческой столовой» (23 сентября 1916 г., «Ив. Ф.»), «Неотложная задача» (17 августа 1916 г., «Ив. Февралевъ»), «Небывалая гроза» (11 августа 1916 г., «Ив. Февралевъ»), «Сбыт льна» (6 июля 1916 г., «Ив. Ф.»). В рубрике «Театр и музыка» под криптонимом М. Б. опубликованы четыре заметки, посвящённые спектаклям «Интимного театра» (8 июня 1916 г., 11 июня 1916 г., 14 июня 1916 г., 19 июня 1916 г.). О существовании «театральных» заметок и Богдановиче как вероятном авторе упоминала в своём материале М. Н. Барсток, но по какой-то причине они опубликованы не были.

Всего, с учётом выявленных публикаций под псевдонимом Ив. Февралёв и его вариациями, опубликовано в 1915 году один материал и в 1916-м – 30. Кроме представленных, найдено ещё несколько заметок, подписанных криптонимом Б. («Славянство и мировая война» 28 февраля 1915 г. и «Происхождение современной войны» 4 марта 1915 г.) и псевдонимом Зритель («Футбол» 8 мая 1915 г., «Бенефис г. Стешина "Оболтусы-Ветрогоны"» 28 января 1916 г., «Бенефис г. Петрова, комедия Дж. Джерома "Женская логика" (Мисс Гоббс)» 31 января 1916 г.), ряд публикаций «В Лицее» (без подписи).

Все они требуют детального анализа, но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что список известных публикаций пополнился. Не исключено, что в ходе дальнейшей работы придётся отказаться или по крайней мере поставить под сомнение авторство некоторых произведений, которые сейчас приписываются Богдановичу. В любом случае более полный объём информации позволит делать более точные выводы.

Михаил БАРАНОВСКИЙ,
*Литературный музей Максима
Богдановича, филиал Государственного
музея истории белорусской литературы,
Минск, Беларусь*

Валентина ПОЛИКАНИНА

Поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей Беларуси, Союза российских писателей и Международной федерации русскоязычных писателей.

Родилась 11 июля 1958 года в г. Кричеве Могилёвской области. С 1964 года живёт в Минске. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Работала специальным корреспондентом, ведущим редактором журнала «Беларусь». В настоящее время – редактор отдела культуры журнала «Гаспадыня».

Автор 18 книг стихов, прозы, переводов, стихов для детей. Лауреат первой премии Белорусского союза журналистов «За лучший женский образ в современной журналистике», специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации «Художественная литература», первой премии Союза писателей Беларуси «Золотой Купидон», премии Федерации профсоюзов Беларуси в области литературы, Национальной литературной премии в номинации «Лучшее произведение для детей и юношества» за 2020 год, Международного литературного конкурса «Литературная Вена», российской литературной премии им. А. П. Чехова, VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (золотой диплом). Награждена правительственными наградами: Российской Федерации – медалью А. С. Пушкина, Республики Беларусь – медалью Ф. Скорины.

Чтобы жизнь продолжалась в веках...

СТАРЫЙ ДВОР

Сирень кивает буйной головой.
Обрадован случайной встречей с нами
Пропавший пылью, солнцем и травой
Знакомый двор, звенящий голосами.

Хранит ещё обличие своё
Всё та ж дорожка серая из щебня.
И на верёвке сушится бельё:
Надёжны деревянные прищепки.

И смех, и стайка ветреных ребят...
Терзает свой велосипедик хлипкий
Мальчишка, так похожий на тебя:
С прищуром и стеснительной улыбкой.

И дом всё тот же, держит всех в тисках –
Меж двухэтажьем – долго и упрямо.
И женщина с ребёнком на руках,
Тебе напоминающая маму.

А лавочка без бабушек – пуста.
Как видно, пересудов двор не нажил.
Девчонка на качелях – может, та,
В которую влюбился ты однажды.

Скрипучая калитка и забор –
Всё здесь, как было в давнем-давнем прошлом.
Глядит, как пёс дворовый, старый двор –
С доверием тревожно-осторожным.

МАМИНА ДЕРЕВНЯ

Для кого же она стала лишнею?
Кто её – неуступчивый – снёс?
Опустелые улы под вишнями
Были знаком покинутых гнёзд.

Я её повидать уж как рада бы...
Только где вы, родня-земляки?
Распахали деревню – нет надобы:
Всех дворов на пять пальцев руки.

А была же когда-то полезнаю
И кормила себя и район,
Лихо славилась хваткой железною
Да растила пшеницу и лён.

Расспросить бы тех Фёдоров с Дарьями,
Что от детства ушли своего:
Как войну пережили, мытарилась?
Расспросить бы, да нет никого...

Возродиться деревня не чаяла.
Здесь прохожий как редкостный гость.
Оттого так по-детски отчаянно
Земляникою плачет погост.

СНЁБЕРКА

Сколько деревушек старятся устало!
Мы теряем корни – нам и невдомёк.
На земле смоленской Снёберка сияла,
Как в окне знакомом добрый огонёк.

Здесь когда-то шуткой славились вечёрки.
Так гармошки пели, что сойти с ума!
Укатали сивку все крутые горки:
Выцвела деревня, сгорбились дома.

Где блины в сметане, что томились в печке,
Где знакомый, здешний запах молока?
Выросли овраги, пересохла речка,
На разруху птицы смотрят свысока.

Помню: тихий садик, лавочка с корзинкой,
Люди дорогие, хоть и строгий вид.
Вместе с облаками смотрят с фотоснимка
Бабушка Анютка, дедушка Демид.

Сколько ни беседуй с памятью, всё мало.
Детство золотое – радостный досуг.
До сих пор храню я чудо-покрывало:
Тонкую работу бабушкиных рук.

Тканые узоры всё смелей алеют...
Лета середина, птичий тарарам.
В дедовские кресла без гвоздя и клея
До сих пор садится солнце по утрам.

* * *

Спасибо, поколение отцов,
За то, что вы гасить умели драки,
Перенесли эпохи гордецов,
Болезни, голод, холод и бараки;

За то, что успевали горевать
И речь держать на леденящей тризне;
За то, что уходили воевать,
Неся в сердцах любовь к своей Отчизне;

За то, что вы душой могли гореть,
Кормились в горький час небесной манной;
За то, что вы сумели претерпеть
Истории соблазны и обманы;

За то, что, видя тысячи смертей,
Вы шли сквозь дым, пожары и ненастье.
И всё ж дошли до праведных путей,
Жизнь горькую свою считая счастьем.

МОЙ ВЕК

Мой век, смешенье веры и порока,
Хоть мельком, но на прошлое взгляни.
Там поле было чисто, ясно – око,
Там соколы не знали западни.

Кровавое, увы, твоё начало.
Какие испытания в конце?
Играешь с нами, эхом отвечая.
Смеёшься в обезличенном лице.

Обману и корысти дал приманку,
Тарелку отодвинул, словно цель.
То вывернешь все смыслы наизнанку,
То ставишь добродетель под прицел.

Иных уже постигла участь злая.
Уныние, упадок и падёж...
Чего ещё смертельно пожелаешь
И что к рукам бесстыдно приберёшь?

Глядишь прощально, как листок осенний,
Заброшенный дождём на пьедестал.
От войн, беды и горьких потрясений
Ты сам уже, наверное, устал.

Мой век, сомлевший до седьмого пота,
Дай душам от Любви не отойти...
Твои необъяснимы повороты.
Твои непредсказуемы пути.

* * *

Те двое были светом сотворенья,
Потом погасли, зло на зло деля.
Смирилось небо с грехонаселеньем,
Как с тлением смиряется земля.

Звучит повтором глас Иеремии:
«Стань первозданным, человеческий вид!»
Но снова зреет яблоко для змия,
И снова Авель Каином убит.

И снова мать в прошение руки вскинет,
Стремясь высокий вымолить ответ.
И вновь сгущают тьму грехи людские...
И вновь в конце тоннеля – виден свет.

ЖИРОВИЧСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Здесь белый снег ещё белее станет
И сердце достучится до стихов.
Жировичи как остров в океане,
Спасение от гибельных грехов.

Здесь гаснут страсти, утихают споры
И вновь душа свет чистый узнаёт.
Земным крестом Успенского собора
Возвышено Отечество моё.

Здесь день и ночь, как вдох и выдох, слиты.
Очисти, Боже, нас: всю грязь сними!
Пусть крепнет неустанная молитва,
Пусть чудо совершается с людьми!

Пусть веры искупительной хватает
На то, чтоб жизнь продолжилась в веках.
Как сына, Божья Матерь Пресвятая,
Держи наш мир увечный на руках.

КАМЕНЬ НА РАСПУТЬЕ

Ширь. Распутье. Преткновенья камень.
Сердце, всепредчувствием разыграй!
Надпись, что оставлена веками:
«Три дороги. Путник, выбирай...»

И не спросишь, по какому праву
Он лежит в объятиях травы...
Беды – и налево, и направо:
Не сносить победной головы.

Напрямик – дороженька святая,
Что немногих смелых позвала.
Там, вдали, где утренно светает,
Прорастают в небе купола.

ПАРТИЗАНСКИЙ БАТЮШКА

Много тайн и интересных историй хранит деревянная церковь Святителя Николая Чудотворца, расположенная в д. Латыголь Вилейского района Минской области. За свои четверть тысячелетия храм был свидетелем различных событий – радостных и печальных, трагических и героических.

Отдельного внимания заслуживает судьба одного из авторитетных пастырей Белорусской православной церкви, Виктора Васильевича Бекаревича. Его древний род был известен ещё со средних веков. В документах Санкт-Петербургского архива, относящихся к 1640 году, даже сохранились данные о протоиерее Бекаревиче, далёком предке Виктора Васильевича, служившем в поместной церкви.

За прошедшие века родовые ветви семейного древа разрослись, но линия духовных пастырей среди потомков не прервалась и поныне. Так что семейные традиции у этого рода очень давние и прочные. Почти все мальчики посвящали себя служению Богу и людям. Эти славные традиции рода Бекаревичей предопределили и судьбу Виктора.

Сын сельского священника, он родился 24 ноября 1915 года в селе Великие Дольцы Витебской губернии. Много было памятных событий в жизни Виктора. В детстве глубокий след оставил 1919 год. Солдаты, солдаты... То красные придут,

то белые. Устраивали постой в селе, обед прямо на улице варили... Как-то красноармейцы даже конфет дали, в клуб пригласили. Долго потом он эти конфеты вспоминал... и красивую церковь в Долгинове. А потом отца Василия перевели из Долгинова в Мильчу. Через год, после подписания мирного договора, рядом прошла государственная граница. Бекаревичи всей семьёй оказались на территории Польши. Жили у самой границы. Дом был большой, но две-три комнаты в нём занимала таможня. Виктор слышал, как ночью ловили контрабандистов, крики, стук...

В Мильче пробыли приблизительно до 1928 года. Жилось трудно. Семья большая – пятеро детей. Как-то раз из Советского Союза пришло ценное письмо, а в нём два карбованца. А карбованец тогда сорок злотых стоил! А сорок злотых – это двадцать пудов хлеба. Так и помогали им родственники из-за границы.

Вскоре польские власти начали проводить перепись населения. Пришли к отцу Василию, спросили, желает ли он польское гражданство принять? Местные, наученные горьким опытом, соглашались, а батюшка – нет! Я, мол, подданный Святой Руси... Ох как потом это сказалось на детях... Выбор Виктором жизненного пути, как уже отмечалось, был предопределён семейными традициями. Сначала народное училище, потом

девять лет учёбы в Виленской духовной семинарии. Завершил образование он на богословском факультете Варшавского университета.

Сентябрь 1936 года оказался для молодого священника особенно памятным. В то время Виктор стал выпускником семинарии, его невеста – Александра Владимировна Альбова – выпускницей польской гимназии. Они венчались в Латыгольской церкви 6 сентября 1936 года. 21 сентября того же года отец Виктор был рукоположён в дьякона, а через неделю – в иерея. Тогда же его назначили настоятелем Ильинской Свято-Иосифской церкви, и он поступил на богословский факультет Варшавского университета.

Занимался стационарно, выкручивался как мог. Старался быстрее сдать несколько зачётов – и домой, в приход. Там ведь его ждала молодая жена... Преподаватели понимали и шли навстречу: сами на недельку-другую раньше отпускали на каникулы.

Тестем отца Виктора был Владимир Николаевич Альбов, настоятель Латыгольской церкви. Но вскоре опять вмешались власти. Мол, кто не гражданин Польши, тот не имеет права быть настоятелем. Всё рушилось. Два года учёбы в Варшаве пошли прахом, оттуда выгнали. Родился второй ребёнок, пришлось потуже затянуть пояс. Приход в Илье отняли. 11 января 1939 года Виктора Васильевича назначили настоятелем в Латыгольскую Свято-Николаевскую церковь,

где он прослужил 17 лет. Василия Сафроновича Бекаревича вывели за штат. Неизвестно, чем бы всё это кончилось, но подоспел сентябрь 1939 года, Беларусь стала единой. Бекаревичи снова почувствовали себя людьми, а не гражданами второго сорта. Хотя и тут были свои проблемы: отношение советской власти к религии нельзя было назвать тёплым. Когда пришли немцы, Василий Сафронович стал опять служить в храме. Немцы не трогали, и он молчал.

Во время Великой Отечественной войны отец Виктор делил все горести с прихожанами. Он чувствовал себя в ответе не только за собственных маленьких детей, жену, но и за 25 деревень, жители которых составляли его приход. Не только молитвами священник помогал людям. Без стеснения шли прихожане в его дом: знали, что тут в помощи никому не откажут, по-братски поделится последним куском хлеба. Отца Виктора уважали не только за сан, но и за искренность, доброту.

После освобождения от немецко-фашистской оккупации он рассказывал: «Взаимовыручка и доброжелательность спасли нас всех, дали возможность выстоять в те страшные годы». Это не пустые слова и не пафосная риторика. Ведь как без помощи односельчан он мог бы почти год прятать двух военнопленных, бежавших из фашистских застенков в Молодечно? Назвавшиеся Колей Грачёвым и Володи Муршовым парни

Александр ПЛАВИНСКИЙ

Родился 23 мая 1965 года в деревне Нестёрки Вилейского района Минской области. Окончил химический факультет Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина и аспирантуру Института биоорганической химии Академии наук Беларуси.

Автор книг: «500 лет роду Плавинских», «Подпольщики без грифа "секретно"», «Латыгольская летопись», «Долгиновская летопись», «Куропаты – у истоков исторической сенсации», «Латыгольская церковь (1771–2021)».

Член общественного объединения «Союз писателей Беларуси», общественного объединения «Военно-научное общество», Белорусской ассоциации ветеранов подразделений специального назначения войск МВД «Честь».

были рабочими-коммунистами из Тулы. Только через три месяца, когда они убедились, что батюшка свой, по-настоящему партизанский, открылись ему полностью. Рискаю не только своей жизнью, но и домочадцев, он лечил и выхаживал их, пока ребята не поправились. Благодаря Бекаревичу оба оказались в партизанском отряде. Память Виктора Васильевича хранила много эпизодов военных лет. И хотя ему не довелось участвовать в боевых сражениях (ещё в семинарии он присягал служить до смерти вере), но в победу над фашизмом и латыгольский батюшка внёс вклад. Отец Виктор активно помогал партизанам в борьбе с оккупантами, помогал им медикаментами, которые доставал у немцев.

Недаром в его военном билете рядом с пометкой «военному делу не обучен» соседствовала запись «...был связным партизанского отряда». Однажды в 1944 году, преодолев две сотни километров от базы, приехал к священнику комиссар партизанского отряда, чтобы выполнить последнюю волю Володи Мурашова. Умирая на руках комиссара, тульский паренёк взял с того клятву, что он передаст латыгольскому батюшке: «Володя честно погиб за Родину».

Вспоминая Мурашова, каким он был, Виктор Васильевич и матушка Александра Владимировна долго плакали о погибшем, читали молитвы. Володя был очень добрым, удивительно работающим и честнейшим человеком.

В феврале 1944 года священник Виктор Бекаревич передал подпольному Молодечненскому РК КП(б)Б и подпольному РК ЛКСМБ 5100 рублей. Штаб партизанского движения БССР 24 ноября 1944 года выдал отцу Виктору официальную справку о том, что он является связным партизанского отряда имени Григория Котовского.

Родина отметила заслуги протоиерея Виктора Бекаревича, наградив его орденом Отечественной войны II степени и двумя медалями. 11 апреля 1947 года патриарх Алексей вручил латыгольскому священнику наперсный крест. В 1952 году ко дню Святой Пасхи его наградили саном протоиерея.

После войны мирная жизнь налаживалась. Подрастали в семье Бекаревичей дочери Ирина

(родилась 06.06.1939), Ариадна (06.09.1940), Вера (16.09.1941) и сын Николай (19.05.1945). И тут пришло очередное испытание.

По взглядам отец Виктора Васильевича был монархистом. В 1948 году, когда у Василия Сафроновича произвели обыск, нашли много церковной литературы, а ещё и дворянскую грамоту... Расстрел заменили на четверть века лагерей.

Первое время он сидел в Волковысской тюрьме. Оттуда и пришло письмо Виктору Бекаревичу, в котором его отец сообщал, что в тюрьме сидят шесть православных священников и три католических ксёндза. Все они хотят причаститься и просят привезти им святое причастие.

Получив в Минске разрешение на свидание, будущий протоиерей впервые ехал со святым причастием к родному отцу. Ждали его и другие священники. Тюремное начальство также не стало чинить препятствий отцу Виктору. В то памятное

О.К.
По данным Разведотдела 1386 И.П.Р. 13
Бекаревич Виктор Васильевич. Числится
связным отдельного партизанского отряда
Котовского Вилейской области. работает
Хорошо с мая 1942 года по 28. Июня 1944 года
23. II 44. по м. Начальника Р/о
В.И.П.Р. Мотор Миниминер

СПРАВКА

Дана тов. связному Бекаревичу Василию
в том, что он действительно работает на пользу партизанского
ряда им. Котовского и Молодеченского райкома партии.
Просьба всем отрядам и бригадам не иметь никакого препят-
ствия к их имуществу.

Командир отряда
им. Котовского подполковник
Григорьев 1944 года.

Справка командира партизанского отряда им. Котовского

свидание Василий Бекаревич признался сыну, что помилования просить не будет. Вскоре его выслали в Сибирь. Виктор вернулся в Латыголь. Но мысли об отце не покидали его.

Однажды молодому Бекаревичу приснился странный сон. Будто пришёл он в деревянный кинотеатр через боковую дверь, а там, в президиуме, за столом, покрытым красным сукном, сидят

пять-шесть человек. В первом ряду зрительного зала человек семь разместились, и среди них его отец в белом подряснике. Виктор схватил своего отца и вытащил из этого кинотеатра.

Когда батюшка проснулся, сразу сел за письмо к первому секретарю ЦК КПСС Никите Хрущёву. Примерно через полгода, в 1953 году, отца Виктора Васильевича выпустили. О том

времени у младшего Бекаревича остались на память копия дворянской грамоты да справка об амнистии, в которой сказано, что смертная казнь священнику Василию Сафроновичу Бекаревичу, 1882 года рождения, уроженцу деревни Чеботовичи Дисненского района, сначала была заменена 25 годами исправительных лагерей, а затем он за отсутствием вины был полностью реабилитирован.

Не оставался протоиерей Виктор в стороне от забот паствы и после Победы. Вместе со всеми он восстанавливал местное хозяйство, благоустраивал быт, думал о будущем детей. По ходатайству Бекаревича в деревне Латыголь вместо семилетки открыли школу-десятилетку. По тем временам это была радость не только для родителей и детей, но и для районных властей.

С 1951 по 1955 год отец Виктор был благочинным Вилейского округа, затем – настоятелем Свято-Аннинского храма в Столбцах и благочинным Столбцовского округа. В 1960 году его назначили настоятелем Свято-Александро-Невской церкви (при Военном кладбище) Минска и одновременно секретарём Минского епархиального управления (по 1960 г.). В 1970 году по решению Священного Синода и по благословению святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена Бекаревич стал настоятелем Свято-Николаевского собора в Вене, столице Австрии. Одновременно отец Виктор нёс и административное послушание, будучи секретарём местного епархиального управления.

По возвращении в 1979 году на родину отец Виктор продолжал настоятельское служение в Свято-Александро-Невском храме. В 1986 году по представлению митрополита Филарета за усердное служение Матери Церкви и полувековое священство его наградили Патриаршим Крестом, а в связи с 80-летием со дня рождения – орденом Святого равноапостольного князя Владимира II степени.

Посвятив всю сознательную жизнь служению Богу, отец Виктор особенно ярко проявил талант как пастырь душ человеческих. Где бы ему ни приходилось нести служение – в сельском приходе в Вилейском районе или в Минске, – везде он искренне и самоотверженно исполнял

священный долг. Трудно переоценить вклад отца Виктора в воспитание традиций благочестия и христианской нравственности, в возрождение, сохранение и приумножение духовного и культурного наследия белорусского народа. Он стал человеком-легендой не только для своих прихожан, но и для многих людей, просто лично знакомых с ним. Умер Виктор Васильевич Бекаревич в августе 2002 года.

Ещё при жизни священника в краеведческом музее на его родине был собран богатый материал о его судьбе и делах. Режиссёр Владимир Орлов по проекту телеканала ОНТ снял о нём документальный видеофильм «Батюшка».

А в сентябре 2021 года благодаря местным жителям и краоведам вблизи Латыгольского храма состоялось торжественное открытие и освящение мемориала протоиерею Виктору Васильевичу Бекаревичу.

В истории Беларуси это, без преувеличения, первый случай увековечения памяти священника – связанного партизанского отряда, участника Великой Отечественной войны.

Александр ПЛАВИНСКИЙ

Николай ШАБОВИЧ

(1956–2021)

Поэт, поэт-песенник, переводчик, пародист. Родился в Мядельском районе Минской области. Окончил Минский государственный институт имени М. Горького (1981). Кандидат филологических наук (2004), доцент (2008). Автор девяти книг. Лауреат Республиканской литературной премии «Золотой Купидон» (2008) в номинации сатиры и юмора, Международной литературной премии имени Сергея Есенина (2019).

* * *

Иди, куда не лень,
Но смысл житья людского –
Искать и ночь и день
Одну дорогу – к Богу.

Но где он, этот путь:
Меж звёзд иль под ногами,
В полях каких-нибудь,
Заваленных снегами?..

На утренней заре,
В часы незримой битвы,
И в предночной поре
Шептчи слова молитвы,

Чтоб из семи дорог
Одну избрать дорогу,
Пока с тобою Бог,
Пока ты сам – под Богом.

* * *

Другими сказано давно
Всё то, что мною говорилось.
Строка застыла и смутилась,
Утратив важное звено.

Ещё не появившись, но
Она как будто ждёт повинно,
Что перережут пуповину,
А дальше – всё как суждено.

Бежит свободная строка
На белый свет без дозволения,
Несёт крамолу и смирение,
Непринуждённа и строга.

Бежит строка,
Живёт строка.
Судьбою бьётся у виска.
Сегодня.
И на все века.

* * *

Отбросьте прочь свои печали.
С любовью к слову
Придите погостить к Купале,
Придите снова.

Он вас улыбкою приветит
И приголубит.
И ратаев, и всех поэтов
Купала любит.

Вы исповедуйтесь Купале
Про то и это.
С приходом вашим больше стало
Друзей поэта.

Вокруг в избытке звёзд и терний.
Авось не сгинем,
Пока нас окрыляет Гений
Молитвой-гимном.

Сегодня нас не так уж мало.
Забыв о грусти,
Придите в гости и к Купале,
И к Беларуси.

* * *

Каких богов ни привечай
И у каких костров ни грейся,
Но если сказано: «Прощай!» –
Вернуть былое не надейся.

Мечтай, заглядывая вдаль,
Но сколько попусту ни бейся,
Судьбы подробный календарь
Уже начертан в поднебесье.

Нам лишь мечты лелеять-греть,
Привычно ладить с жизнью этой
И вслед за звёздами гореть,
Став прахом следом за кометой.

* * *

Прохладу разносит ветер.
Прощай, духота, прощай!
Пушай отдохнёт под вечер
Баденевский отчий край.

Иссушены дни лучами,
И завтра – под тридцать пять!
Осталось мечтать ночами
И снова стихи писать

Про дождик – грибной, хороший,
А лучше б – как из ведра!
В избытке деньков погожих:
Грибная стоит пора!

В округе нет ни грибочка,
Пустые леса, ложки,
Деревья свои листочки
Сжимают, как кулачки.

Эй, дождик, не спи, пролейся!
Эй, солнышко, пощади!
Пусть с неба на зелень леса
Прольётся поток воды!

Пушай оживут немножко
Просторы родной земли,
И скажет свояк мой Лёшка:
«Какие грибы пошли!»

* * *

А вокруг прохладная погода.
Дождь прошёл походкой молодой
И омыл сады и огороды
Дождевой спасительной водой.

Травы над землёй встают чернявой,
Всё цветёт – во сне и наяву,
И дубок-подросток кучерявый
Словно шепчет Господу: «Живу!»

И пролиться радужные краски
Из-за туч стремятся поскорей.
Скоро солнце выйдет по-хозяйски
На просторы вечности своей.

* * *

Это сказка, иль явь, или сон –
Греют сердце слова твои снова.
О, как нежен их сладкий полон!
Так и слушал бы: «Что вы! Ну что вы!..»

Вся в цветах молодая трава,
Или майских ручьёв быстротечность?..
Мы с тобою знакомы едва,
А мне кажется – целую вечность...

Вновь придёшь в осиянные сны,
Словно с сердца снимая засовы,
Я скажу: «Ты царица весны!»
И услышу: «Ну что вы! Ну что вы!..»

* * *

Ни на кого так раньше не глядел,
Как на тебя, лишь только на икону.
Мы повстречались в круговерти дел.
Ты – не моя, но ты моя – исконно.

Ты даришь мне звучание строки,
В твоих глазах светло струится лето.
О, как коснуться мне твоей руки,
Моя Джоконда и моя Джульетта?!

Пройдёшь, меня оставив не у дел.
Пусть не моя, но ты моя – исконно.
Ни на кого так раньше не глядел,
Как на тебя, лишь только на икону.

Перевод Владимира Сорочкина

Геннадий ПАШКОВ

Советский и белорусский поэт, переводчик, публицист, журналист. Родился 23 марта 1948 года в семье служащих в д. Липовичи Чашникского района Витебской области Белорусской ССР. В 1971 году окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Лауреат премии Ленинского комсомола Белорусской ССР (1980). Лауреат Государственной премии Республики Беларусь имени Янки Купалы (1998). Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь (2013). Член-корреспондент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (1996). Член Союза писателей СССР (1977).

Является автором около двух десятков сборников поэзии, публицистики, книг для детей, переводов.

Работал редактором литературно-драматических передач для детей и юношества на Белорусском радио (1971–1972). С 1972 года в литературном журнале «Полымя» – заведующий редакцией, затем – ответственный секретарь, с 1979 года – заместитель главного редактора. С 1989 года – консультант гуманитарного отдела в аппарате ЦК КПБ, работал заместителем главного редактора журнала «Театральная Беларусь», редактировал «Центральную газету». В 1996–2008 годах – главный редактор республиканского унитарного предприятия «Издательство "Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки"». С 2008 по 2016 год – первый секретарь Союза писателей Беларуси.

ЯБЛОНЯ

Прекрасен сад порою спелой...
Как совершенен Божий свет!
На яблонях зарозовели
Созвездья сочные планет.

Рукою яблоко достану,
К святому Спасу сберегу.
Что будет, как меня не станет?
Я и представить не могу...

Откуда все тревоги эти?
Ты знаешь, яблоко? Скажи,
Когда, когда на белом свете
Отступят мрака миражи?..

И каждый раз в прозрачный вечер
Я вижу звезд пречистый лик...
А спелый Спас как жар на плечи,
Рожденья света светлый миг.

Перевод Миколы Шабовича

ЖУРАВЛИНАЯ ПОРА

Прорезается крик –
журавлиная песня
на склоне созревшего лета.
Время первых утрат прокурлыкал
пернатый горнист.

Просыпаюсь и вижу:
оторванный ветром от веток,
на смарагдовых сажалках жёлтый
колеблется лист.

Над затоном туман
возле верб сиротеющих
белую птицею плавает.
Синевой отливая,
багульник застыл у моста.
Этот крик ещё в снах
пробивался, как желудь
сквозь жухлые травы,
сквозь крушинные заросли влажно
в ночи прорастал.

Мне тревожно.
Откуда же столько печали
и столько земного страдания:
ведь разлука не вечна и новую встречу сулит.
Но срывается крик
предосенней озябшею ранью,
и в опавшей росе белогрудое эхо звенит.

На земле журавлиной от века ведётся такое –
журавлиная песня глубинной любовью живёт,
вызревая на кочках
за аирной чёрной рекою
с журавинами алыми – ягодой поздних болот.

Поднимаюсь на холм,
весь пропахший ржаной соломой.
Под ногами щетинится медной стернёю земля.
Но просветят мне душу
берёзовые окоёмы,
и огнями надежды мне сердце зажгут зеленыя.

Тают зыбкие звёзды над кронами
рощ белокорых.
Но не гаснут –
на братских могилах багрового поля.
Обелиски и звёзды как память великого горя.
Слёзы в горле...
Багульником ветры прогоркли.
Зреет гроздьё калины
задумчивый день сентября.

Я, как древо, стою,
под собой ощущая коренья,
и на вечное поле
тяжёлые руки кладу.
Тихий утренний звон паутинки
в осеннем горенье
каждым нервом ловлю,
каждым нервом я с нею в ладу.

И мне кажется, жизнь
я до малого вижу побега.
Что мне сытое счастье?
Есть счастье рассветных дорог.
Я хотел бы прожить,
чтобы вырвать у смерти победу,
без остатка сгорев на земле от любви и тревог,

как сгорали сыны,
продолжая бессмертье Отчизны,
одержимые правдой,
рождавшей бесстрашие в крови.

Так зачем, журавлиная песня,
тоскою крушинной кручинишься?
Ты на гордом крыле
над землёю рассветной плыви.

Пусть на трактах извечных
стихия кружит электронная –
ей гнезда равнодушия
в сердце тревожном не свить,
коль однажды его
журавлиная песня затронула,
что созрела в пределах
земной и небесной любви.

Перевод Вадима Спранчана

* * *

Листва над головой шумит не зря.
И стонет зубр не зря в густых туманах.
Идёшь, и под ногами, как заря,
Горит брусника на сухих полянах.

Идёшь, и коль с доверием в очах,
Ни человек, ни дерево, ни звери
Перед тобой не обнажают страх
В предчувствии отчаянной потери.

Мы все тут гости: старец, и дитя,
И даже лес, и алая брусника...
Но из глубин солёного бытия
Ты не дождёшься жалобного крика.

Мы все тут гости, и погаснет след,
Сотрут его события и годы.
Но вечен наших предков мудрый свет,
И мы несём их вечные заботы...

Нелёгок след земного бытия.
Порой тоска, как вражий выстрел, грянет.
Но знаю я, что Родина моя
Щедрот любви дарить не перестанет!

Перевод Эдуарда Скобелева

* * *

КОСТЁР НА ДОТЕ*Писателю и партизану А. Савицкому*

В сумерках зажгу валежник рыжий
Возле вербы, над парной водой,
Это засвидетельствует свыше
Розоватый месяц молодой.

Запахами леса опьянелый,
Студит горлышко влюблённый птах.
Стелется на тонях пояс белый,
Переплёскиваясь в берегах.

Разгадать во мраке не берусь я –
Ведь немудрено и сесть на мель, –
Реку кто захватывает:
Гуси иль тумана сизая кудель.

Вербы, шире ветки протяните,
Потому что кто-то свысока,
Озаряясь вспышками в зените,
Высекает искры на стога.

Спать пора. Но гулу нет отбоя,
Как на Страшный суд, во тьме слепой
Гулкою архангельской трубою
Комары трубят над головой...

ПАЛИК

Я в местах былой кровавой сечи.
От калин притихший лес багрян.
С ёлки снег обрушится на плечи –
Станешь белым, как в бинтах от ран.

И реальность, а не привиденье:
Перед славным озером Палик,
Как из проволоки загражденье, –
Заросли колючих ежевик.

В белом маскхалате под калиной
Вздрагнет заяц, вспрыгнет на сумёт.
И ударит очередью длинной
Над поляной дятлов пулемёт.

В благодатный вечер
В первых числах мая,
Лишь взыграет озимь
В росте, каждый год
Старый дот над полем
Около Заславля
Искрами трескучими
Сумрак обожжёт.

Лишь заблещет месяц
В небе над лесами,
Зазвенит в черёмухе
Соловьинный звон,
Партизан Савицкий
С верными друзьями
На бетоне мшистом
Разведёт огонь.

Вспомнятся ребята,
С кем взрывал вагоны,
И бойцы, с которыми
Штурмовал рейхстаг...
Сколько юных сверстников
Было похоронено,
До Победы кровью
Мечен каждый шаг!

Жизнь, как дух полынный,
Источает горечь.
Память размотала
Всех дорог клубок...
Не охватишь словом,
Не объемлешь взором,
Словно в мгlistом небе
Искристый дымок!

Перевод Бронислава Спринчана

Виктор ШНИП

Родился 26 марта 1960 года в деревне Пугачи Воложинского района Минской области. Окончил Минский архитектурно-строительный техникум и Высшие литературные курсы Литературного института в Москве. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат премии имени Владимира Маяковского (1987) и специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации «Художественная литература» (2008). Живёт в Минске. Работает главным редактором в издательстве «Мастацкая літаратура».

ОДНАЖДЫ УЖЕ НАВСЕГДА...

* * *

Осень над нами плывёт и сквозь нас,
Будто бы свет по высокой траве,
Будто церквушка меж чутких ветвей –
Та, где молитвенен иконостас.
Осень пред нами плывёт и сквозь нас.
Даль здесь темнеет, как будто вода
Леты, в которой окажемся все:
Кто-то – по крови, а кто – по росе.
Горем прозреет любая беда...
Даль здесь темнеет, как будто вода.
Мать мне не скажет, отец промолчит,
Что им здесь трудно одним пред зимой,
Будто стоят пред высокой стеной,
Той, за которой и воля кричит.
Мать мне не скажет, отец промолчит.
Осень над нами плывёт и сквозь нас,
Будто бы свет по высокой траве,
Будто церквушка меж чутких ветвей –
Та, где молитвенен иконостас.
Осень пред нами плывёт и сквозь нас.

* * *

Печальный день печального столетья,
Как первый снег, успел ли рассмотреть я?
И вспомнится ли в горечи он нам,
Остывшим, как разрушенный тот храм,
Что на погосте средь могил светлеет –
Так одиноко только он умеет.
В столетье нашем, словно в дымном поле,
Стоим... Вернуться не хватает воли
К той тишине, с которой начат свет.
Как здесь, на первом снеге первый след
В то самое печальное столетье,
В котором снегом дышит белый ветер.
Столетье на земле и в небосводе,
Которое, как снег, идёт... уходит...

* * *

Тебя не лишит здесь Отчизны,
Родился ты в ней и живёшь,
Где замков седые руины
И в серой траве не найдёшь.
Как будто бы тонет бывшее,
Печальное и золотое,
Да, в Лете, что всё же течёт,
От вечности вдруг отстаёт.
Не лица я вижу, а лики,
Священные светят огни
Во мраке, где наши тропинки
Нацелены в наши же дни,
Где солнце рассветною ранью
Сияет любовью к земле,
Где травы извечною данью
Скрывают руины во мгле.
Но разве от душ наших спрячут
Родимые эти кресты?
Здесь молятся, будто бы плачут
Словами, что светом чисты.
Приходим, как время приходит,
Как вечность плывёт по реке,
Как трещины путь свой находят
Во льду от зимы вдалеке.
Чтоб ты не забыл об Отчизне,
О днях – и не только своих, –
Где замок исчезнувших жизней
Под солнцем сгорает, как стих.

Перевод Изяслава Котлярова

ПИРАТСКАЯ БАЛЛАДА

Давно уж нет на корабле
Ни моряков, ни капитана.
Лишь грёзы о родной земле,
И умирать как будто рано...
А золотое пусть руно,
Как смерть, по сундукам пылится,
Ещё в баклагах есть вино
И можно до смерти напиться.
Как привидение, плывём
Невидимой ветрами птицей.
Морской водою, как огнём,
Обожжены нещадно лица.
И сонные глаза, как лёд,
Спокойно солнце разъедает.
И по цепи бродячий скиталец кот,
Как мы, сам по себе гуляет.
И не поможет здесь руно.
Не размягчит характер нега.
Нам небо как морское дно
И дно морское будто небо...

* * *

Будет снег. Будет дождь. Будем мы.
И не будет унылой зимы.
И не будет забытых дорог,
И не будет высоким порог,
За порогом светло и тепло,
Но для нас все пути замело,
Потому что затворники мы,
Как высокие стены тюрьмы.
А за ними не жизнь – сущий ад,
А за ними не души сидят,
А уставшие тени людей
В ожидании смерти своей.
Потому что на улице снег
Да ветров оглушительный бег.
От дождей потому что светло
И как будто всё в жизни прошло...

Но не будет унылой зимы.
Будет снег. Будет дождь. Будем мы.

Перевод Инны Фроловой

СТО И ОДИН НА ПОЛЕ СЛАВЫ В АМЕРСФОРТЕ

Сто и один – ровно столько пленных солдат из Узбекской ССР во время Великой Отечественной войны привезли спецпоездом в лагерь смерти Амерсфорт. Геббельс планировал использовать азиатов для пропагандистских целей и на их фоне показать превосходство арийской расы. По его сценарию они должны были сыграть важную роль в поднятии духа немецкой армии. Однако министр пропаганды просчитался, и его планам не суждено было сбыться. Своим достойным поведением узбеки поразили нацистов и не стали марионеткой в руках врага.

В провинции Утрехт, в получасе езды от Амстердама, в южной части тихого древнего городка Амерсфорт нацистами был организован Durchgangslager Amersfoort – концлагерь Амерсфорт. Он действовал с мая 1941 по апрель 1945 года. За это время через него прошло свыше 35 000 узников – участники Сопротивления, евреи и уклоняющиеся от принудительных работ. Первые заключённые – 200 коммунистов – прибыли сюда уже 18 августа 1941 года.

27 сентября 1941 года в Амерсфорт в вагонах для перевозки скота была доставлена

сотня красноармейцев. Очевидец этих событий житель города Амерсфорт Хенк Брукзаузен вспоминал, как, будучи подростком, наблюдал за прибывшими в город советскими военнопленными: «Когда я закрываю глаза, я вижу их лица. Сросшиеся брови, нежные глаза и черты лица полукровок – всё это считается красивым в моей стране.

Одетые в лохмотья, они даже не выглядели как солдаты. Нацисты провели их по главной улице, выставляя напоказ, от вокзала до самого концлагеря. Они были слабые и маленькие, их

ноги были обёрнуты в старые тряпки. Некоторые из них еле держались на ногах, их поддерживали идущие рядом товарищи. Можно было увидеть только их лица. Они не были похожи на русских: невысокого роста, со смуглой кожей и миндалевидными глазами. Некоторые пленные обменивались взглядом с прохожими и жестами показывали, что они голодны. Мы принесли немного воды и хлеба для них, но нацисты выбивали всё из наших рук. Они не разрешали нам помогать им».

Руководство лагеря даже не знало, какой национальности эти люди, до тех пор пока не приехал говорящий по-русски офицер СС и не начал их допрашивать. Тогда и выяснилось, что все они были уроженцами далёкой Средней Азии; среди них были узбеки, казахи, киргизы и башкиры – большинство из Самарканда.

Сто один узбекистанец – это всё, что осталось от эшелона в тысячу человек. Они покинули свои дома, среди них было очень много совсем молодых парней. Вероятно, матери уже подыскивали им подходящих невест, а их отцы уже купили телёнка для свадебного пира. Но началась война. Они бились под Смоленском до последнего бойца, до последней гранаты и патрона, а когда уже даже костяшек на кулаках не осталось, приняли решение отступить к своим. Измученные незнакомым и недружелюбным лесом, холодом и голодом, они попали в окружение.

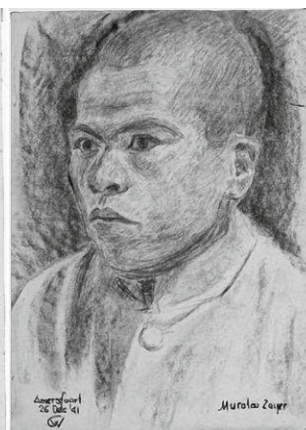
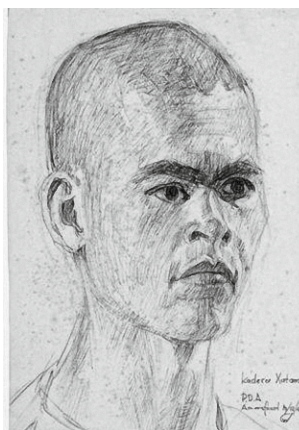
Их поместили не в барак, как остальных, а в отдельный загон под открытым небом, окружённый колючей проволокой. Пленным узбекам создали «особые» условия, которые ужаснули самих нацистов. Один из узников лагеря, Алекс де Леу, отмечал, что надзиратели специально старались довести их до «скотского» состояния.

Всю осень пленников держат на улице и почти не кормят – выдают только половину лагерного пайка, отправляют на самую тяжёлую работу – перетаскивание кирпичей, песка или брёвен в мороз, постоянно жестоко избивают за малейшую провинность дубинками и прикладами. Если кто-то из узников делится с узбеками хлебом, то в наказание весь лагерь на несколько дней лишают еды.

Они находились в пяти тысячах километров от дома, где муэдзин созывает всех на молитву, где ветер кружит песок и пыль на рыночной площади и где улицы наполнены ароматом пряностей, не знали языка чужестранцев, а чужестранцы – их.

Узники Амерсфорта недоумевали, почему именно к этим людям относятся так, как ни к человеку, ни к животному даже в голову не придёт относиться. А они были для нацистов просто Untermenschen – недочеловеки, или подопытные объекты для изучения в контексте теории о расовой чистоте.

Когда двое узбеков умерли от голода и побоев, лагерный врач, голландец Николас ван Ньювенхаузен, приказал другим пленным обезглавить трупы и варить их черепа, пока

те не станут чистыми. Потом он держал эти «артефакты» на своём письменном столе для изучения. Вот такая «наука» безумных!

Интрига «особого» содержания азиатов скоро разрешилась.

Обстановка на фронте в конце лета 1941 года для немцев была деморализующая. Фашисты за месяц брали целые государства, а тут на два с лишним месяца застряли в русской глубинке под Смоленском.

Гитлер поручил нацистским идеологам поднять упавший дух немецких солдат перед судьбоносной битвой за Москву. Министр пропаганды рейха Йозеф Геббельс решил сыграть на контрасте и показать противника жалким и ничтожным. Он задумал снять небольшой ролик, где советские военнопленные рвут друг друга на части за кусок хлеба. Целью сюжета было показать, какие в СССР живут варвары и как недостойно они ведут себя.

Кроме этого, надо было и перед народами из числа оккупированных оправдаться – показать, от каких «монстров» защищает Европу немецкое оружие. В данном случае надеялись, что как только голландцы увидят советских варваров, они осознают необходимость присоединения к идеям национал-социализма. Для этой цели можно пойти и на контакт с представителями Коммунистической партии Нидерландов. И неважно, что голландские коммунисты – узники Амерсфорта. Главное – изменить, извратить представление о советских людях. Такой вот изощрённый компромисс.

Специально для этого «проекта» и были отобраны люди с неевропейской (азиатской) внешностью. Перед руководством лагеря была поставлена цель – замучить их до буквально скотского состояния, чтобы ничего человеческого в них не осталось. Кульминацией этой мерзкой идеи должна была стать булка хлеба, брошенная в загон перед объективом кинокамеры. Швырнуть еду, как стае голодных зверей, чтобы зрители увидели, как за буханку хлеба «дикие азиаты» убивают друг друга. Продемонстрировать, так сказать, на их фоне превосходство арийской расы.

Это должен был быть великий фильм о том, как полуживотные бросаются на хлеб, грызя себе подобных зубами. Для немецкого солдата мог бы получиться очень поучительный материал: «У вас не должно быть жалости к этому отребью. Это не люди!»

Однако всё пошло не так.

Через несколько месяцев в лагерь прибывают, по некоторым данным, сам министр пропаганды, нацистские бонзы, а вместе с ними съёмочная группа – целый отряд кинооператоров и режиссёров, лучших в Германии.

Установив по периметру загона кинокамеры, фашистские пропагандисты начали съёмку, приготовившись фиксировать кадры жестокой бойни между бывшими товарищами по оружию. Здесь же выстроились арийцы – высокие, красивые, светловолосые, голубоглазые, как с обложки модного журнала. Они идеально контрастировали со смуглокожими измученными пленниками.

Свет, камера, мотор! Подъехала машина, открылся багажный отсек. Оттуда разнёсся немыслимый запах свежее испеченного сдобного хлеба, от которого сглотнули слюну даже сытые арийцы. Брошенная булка упала в середину загона. К ней подошёл самый младший – почти мальчишка. Бережно поднял и трижды поцеловал хлеб, поднося поочерёдно ко лбу и губам, как святыню, а потом уважительно передал самому старшему.

В гробовой тишине немцы наблюдали, как пленные сели на землю в круг и сложили ноги по-восточному. Старший буквально по крупице ложкой делит хлеб поровну, другие терпеливо ждут. Каждый крохотный кусочек люди по цепочке передают друг другу, словно плов на узбекской свадьбе. Никто не дерётся. Каждый греет о свою пайку руки, а потом неторопливо, закрыв глаза, съедает. И в конце этой странной трапезы прозвучало: «Худога шукур» («слава Богу!»).

Драки-побоища за еду не произошло, и разочарованные пропагандисты покинули лагерь. Планы Геббельса разбились о благородство народа. Даже в немыслимых условиях узбекистанцы не забыли свои древние традиции и не потеряли человеческое достоинство. Нацисты, столкнувшись с тысячелетними культурными традициями тех, кого они и за людей-то

не считали, были вне себя от досады и ярости. Их представления о человеческой природе и арийском превосходстве оказались втоптаннми в грязь горсткой полуживых узников. Они не представляли, насколько величественными могут быть люди другой расы, какими могут быть отношения между ними, как можно любить Родину и уважать хлеб.

После неудачного «эксперимента» все узбеки были жестоко избиты, а условия содержания стали ещё страшней. Когда они ели даже картофельную кожуру, нацисты избивали их со словами, что они недостойны даже корма для свиней. Страдавшие от голода, изнеможения и садистского отношения, они стали есть крыс, мышей и траву.

24 узника не пережили суровую зиму 1941 года. Из героической сотни до апреля 1942 года дожили 77 человек.

Ранним утром в апреле 1942 года пленным было сказано, что их перевезут в другой лагерь на юге Франции, где им будет теплее. На самом деле их отвезли в ближайший лес, расстреляли и захоронили в общей могиле.

Во время казни некоторые из них плакали и молились, а другие, взявшись за руки, не отворачиваясь, смотрели своей смерти в лицо. Последними их словами была песня, песня о Родине. Они гордо и громко пели её на своём

родном языке. Тех, кто попытался бежать, немецкие солдаты догоняли и добивали.

Перед отступлением в мае 1945 года нацисты сожгли лагерьный архив, поэтому информации, которая помогла бы идентифицировать этих пленных, очень мало.

Память о них была бы стёрта окончательно, если бы не один дотошный голландский журналист. Историю о пленных узбеках мир узнал благодаря директору нидерландского фонда «Советское поле славы» Ремко Рейдингу, который собирал материалы по голландским архивам и по итогам своей огромной исследовательской работы написал книгу «Дитя поля Славы». Правда, нашёл он совсем немного – фотографию и карандашные рисунки, которые сделал голландский художник-узник. Из девяти нарисованных от руки портретов только два подписаны – «Кадыров Хатам» и «Муратов Заир». Однако настойчивый голландец не сдаётся: он уверен, что сможет найти имена погибших в узбекских архивах.

Каждую весну сотни голландцев – мужчин и женщин, молодых и пожилых – собираются в лесу рядом с городом Амерсфорт, что недалеко от Утрехта. Здесь они зажигают свечи в память о советских солдатах, которые были убиты здесь и забыты более чем на полвека.

Татьяна ЛЫЧАГИНА

С чего начинается Родина?

Для меня Родина – это мама, наш чудом уцелевший дом, это моя сестра, яблонька, тоже чудом уцелевшая, это хлеб, что мама пекла, это речка Виша, это наши песчаные горки в самом начале улицы. Эти самые горки, заменяя детский сад, служили босоногой голодной детворе песочницей.

Сюда, с увещанием не касаться берёзки при одной из горок, часто заглядывал дед Гриша.

Детская память сохранила и вечерние посиделки в нашей, самой большой по улице хате. Женщины, кто за шитьём, кто за прялкой, вели беседы о послевоенном житье-бытье, а я, маленькая, сидя на печке, ловила каждое слово. Иногда речь заходила о лагере смерти «Озаричи», но сознание ребёнка не могло вместить всей глубины трагедии. Понимание и осознание пришло много позже, когда своими глазами увидела следы войны. Перепрыгивая с купины на купину, собирала с подружками болотную ягоду за деревней. И, чтобы удержаться и не упасть в болотную твань, ухватила за куст багульника. Да и выдернула его вместе с травой и мхом. А там... детские башмачки и тряпье.

А будучи студенткой столичного педвуза, услышала по радио об открытии памятника в моей родной деревне. Услышала и голос деда Гриши, который все эти годы не только оберегал могилу солдат, освобождавших улицу моей деревни, но и сохранил в памяти имя каждого защитника. А поводом к открытию памятника стала статья Юлии Друниной в «Литературке» за 1964 год. В статье говорилось о тяжёлых

боях за полесскую деревню Холму и о смерти Зинаиды Самсоновой – лучшей подруги. Именно ей, светлокосому солдату, посвятила стихотворение «Зинка» поэтесса Юлия Друнина.

Позже, благодаря всё тем же местным краеведам и пережившим страшное время мирным жителям, стало известно, что в январе 1944-го немцы оставили Калинковичи и Мозырь и при отступлении за речку Вишу в тылу создали три лагеря смерти под открытым небом под общим названием «Озаричи». Здесь впервые за время войны на людях было опробовано бактериологическое оружие. По задумке фашистов, заражённое сыпным тифом население должно было на время остановить стремительного противника. Спустя два месяца, 19 марта 1944 года, войсками 19-го корпуса 65-й армии под командованием П. Батова выжившие узники лагеря были освобождены.

Через лагерь смерти прошли военнопленные, взятые в плотное кольцо партизаны и мирное советское население с оккупированных Полесской, Смоленской, Брянской, Тульской и Калужской областей.

Теперь, когда за плечами и послевоенное детство, и брежневские времена, с лёгкой руки какого-то чудака окрещённые временами застоя, и перестройка, и многое-многое другое – пусть иногда и трагическое, но пережитое, – вспоминаются те детские башмачки под болотной купиной, как знак большой беды на сердце моей малой родины.

Ольга СОКОЛОВА

400 ЛЕТ ИСТОКАМ «ДОБРА И СВЕТА», ИЛИ ЗАВЕТЫ МЕЦЕНАТА

ЮБИЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СВЯТЫНИ И ЕЁ ЖЕРТВОВATEЛЯ КОНСТАНТИНА ДОЛМАТА (?–1622) ГОТОВЯТСЯ ОТМЕТИТЬ В ЛУНИНЕЦКОМ РАЙОНЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

В прошлом году в Бресте участвовала в заседании международного круглого стола по исторической тематике. Один из докладчиков (кандидат наук) в превосходных степенях восхвалял униатство, после каждого приведённого факта укоряя аудиторию:

– Стыдно, что не знаете фактов национальной религии!

В завершение его выступления подняла руку:

– Всё это интересно, но зачем обобщать? Ведь не на всех белорусских землях господствовала уния. Например, Лунинец всегда был православным!

Учёный снисходительно усмехнулся:

– Речь же идёт об истории Средневековья.

Кто знал о вашем Лунинце до строительства железной дороги?! А это всего лишь конец XIX века...

Прекратила дискуссию, потому что осознаю: о том, что город Лунинец, как и нынешние агрогородок Дятловичи и деревня Мелесница, почти 230 лет входил в состав средневекового православного монастыря, знают немногие. Учёные же до сих пор спорят об истории возникновения обители. Одни утверждают, что святыня в Дятловичах основана в 1570 году: князь Константин Острожский в своих владениях заложил монастырь и достойно наделил его

владениями. После Брестской унии монастырь был закрыт на несколько лет. Его возобновлением и будущим расцветом обязаны королевскому дворянину Константину Богдановичу Долмату (?–1622).

Станет ли 400-летие памяти мецената главным духовным событием года в Лунинецком районе? Ведь 230 лет вхождения райцентра и окрестных деревень в состав монастыря – это серьёзный срок. Но после закрытия монастыря также прошло уже более 150 лет! Практически не осталось материальных свидетельств обители. Но сохранились документы. На некоторые из них и обратим внимание.

Неизвестна дата рождения Константина Долмата. А вот год рождения его в Вечности, как принято говорить в духовной среде, – 1622-й. Это было время насаждения унии в православном государстве. Преданный вере предков магнат оставил завещание, где были такие слова: «...Движимый благочестивой ревностью о поддержании православия, преследуемого уже возникшей тогда унией, с согласия и жаления своей жены Анны из дома Юрковских...» Вот и первый завет от мецената: добиваться согласия в семье, супругам принимать совместные решения!

Главное же, что Константин Долмат записал на Дятловичскую Спасо-Преображенскую церковь свои имения – деревни Дятловичи, Луинец и Мелесницу вместе с жителями. В дарственной записи было поставлено условие, чтобы киево-печерские монахи основали здесь православный мужской монастырь.

Столь актуальный в современных условиях завет! Инвестора (так в современности звучит слово «фундатор») монастыря не искусили колебания других магнатов, к которым он принадлежал по знатности и богатству. Как и большинство жителей наших территорий, Константин Долмат всегда помнил о принадлежности к первому государству на землях восточных славян, помнил о Крещении Киевской Руси. Не предав духовно, бывший владелец наших мест остался в истории и Беларуси, и нашего края.

Между 1622 и 1625 годами произошло возведение обители. Полное название мона-

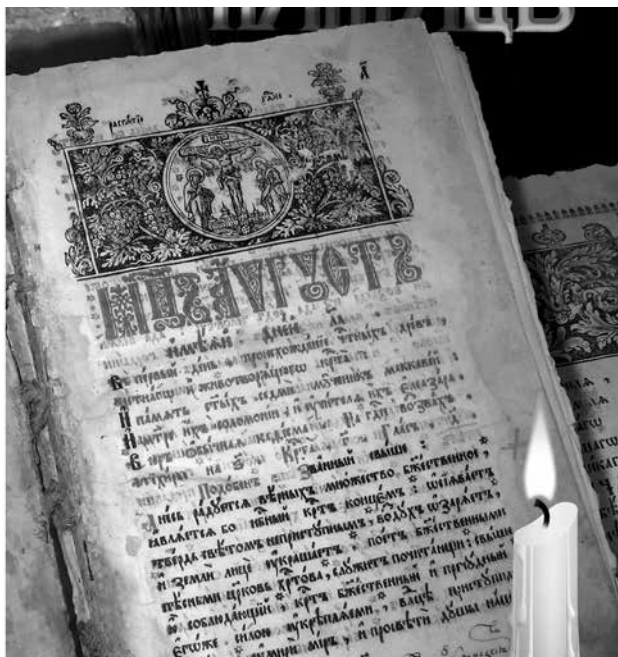
стыря – Дятловичский (по месту размещения) Ново-Печерский (потому что основан монахами Киево-Печерской лавры) Спасо-Преображенский монастырь.

Значимо в завещании мецената и такое условие: *«чтобы из доходов одного монастыря всегда содержимо было по 12 монашествующих, по 12 вдов и по 12 сирот, коих последних и обучать...»* Вот откуда пошли первые ученики в нашем крае, в обители – истоки духовности, милосердия, грамотности и культуры Луниетчины!

Можно считать, что заветами милосердия проникнута социальная сфера, опекающая вдов и сирот, престарелых и немощных. Об исторической памяти нынешних работников Лунинецкого районного управления по труду, занятости и социальной защите населения свидетельствует фотоальбом «Служба добрых людей» (2019). Книга запечатлела имена и биографии участников Великой Отечественной войны, которые после освобождения района в июле 1944 года пришли из партизанских отрядов, а позднее – вернулись с фронтов и стали во главе Лунинецкого «райсобеса», как называли эту структуру органов власти в народе. 100-летний юбилей системы социальной защиты Республики Беларусь изданием исторического очерка отметили далеко не в каждом районе нашей страны!

Всё больше трудовых коллективов стараются сохранить память о первопроходцах в подобных иллюстрированных альбомах, отражающих историю предприятия или учреждения. И это тоже будто завет Константина Долмата *«на печатание книг, церкви Божией потребных»*. Он материально поддерживал деятельность научно-литературного кружка Киево-Печерской лавры, жертвовал большие деньги не только на строительство православных храмов и монастырей, но и на издание книг. Точно известны две: «Беседы на Деяния св. Апостолов» Иоанна Златоуста (1624) и «Толкование на Апокалипсис» Андрея, архиепископа Кесарийского (1625), изданные полностью на средства православного мецената.

В Российской государственной библиотеке хранится Евангелие Петра Мстиславца, напе-

чатанное в 1575 году в Виленской типографии братьев Мамоничей. Издание было подарено Константином Долматом основанному им же в Слуцком уезде Цепрскому монастырю.

Вероятно, в книжной сокровищнице Дятловичской обители было точно такое же Евангелие от того же «фундатора». Ведь при монастыре в Полесье было большое собрание богослужебной и религиозной литературы. Но в 1718 году при загадочных обстоятельствах сгорела богатая библиотека Киево-Печерской лавры. Начали собирать новые издания, присоединив «книжные собрания приписанных к Лавре монастырей, церквей и скитов». Очевидно, тогда практически вся библиотека из Дятловичей была перевезена в Киев. Но что-то и осталось! Одно из древних изданий оказалось в Лунинецком районном краеведческом музее. Обложка очередного сборника «Лунинецкая память. Дополнение 5. Книги и судьбы» (2013), посвящённого проведённому накануне Году книги в Республике Беларусь, проиллюстрирована раритетом начала XVIII века из Дятловичского монастыря.

Среди монахов были известны высокообразованные люди – их имена достойны отдельного очерка. Вообще обитель была очагом культуры в лесистом, болотистом и бездорожном уголке

Полесья. И хозяйство имелось солидное! Как отмечено в документе, «...монастырь назван по селу Дятловичи, при котором и при реке Малой Цне положение свое имеет, будучи окружен лесами и болотами... Церковь там стоит во имя Преображения Господня, деревянная, новая, другие монастырские строения, а именно келий для настоятеля и братии – десять, поварня с пекарней, амбары для хлеба и содержания продуктовых припасов, сараи и конюшни – все деревянные». Выше упомянуто, что в обители имелась большая библиотека древних рукописных и печатных книг. Дополним, что были также переплётная мастерская, мастерские по ремонту и обновлению церковной утвари, небольшая иконописная мастерская, «шпиталь», в котором монахи лечили средствами народной медицины не только своих братьев, но и жителей окрестных деревень (вот откуда «есть пошла» сфера здравоохранения района!). А ещё монастырь имел «пильню» (лесопилку), кузницу и пасеку. Всё это хозяйство приносило значительную прибыль. В конце XVIII – начале XIX века Дятловичский монастырь считался одним из первых в Минской епархии.

Объяснима значимость юбилея Константина Долмата для Дятловичей, Лунинца и Мелесницы – благодаря обители эти селения отмечены в средневековой истории. Но также обязаны меценату жители древнего Кожан-Городка. Вот уже более 200 лет в центре селения стоит живописный Свято-Никольский храм. Деревянная церковь построена в 1814–1818 годах без единого гвоздя. Сравнительно недавно стали известны имена создателей храма. В Дятловичском монастыре на то время были лучшие в окрестностях специалисты по дереву. Мастер-плотник Симон Конопацкий и построил церковь в Кожан-Городке, а мастер-резчик Иосиф Остапчик создал для этого храма скульптурный ансамбль.

Последствия Отечественной войны 1812 года – сожжённые французской наполеоновской армией города и сёла, разрушенное хозяйство, неурожаи – повлияли на жизнь и Дятловичской обители. Разорению способствовало непосильное бремя – обеспечение продуктами

*Дятловичи. Отец Павел Бубнов и
заместитель председателя РИК. 2021 г.*

и средствами Слуцкой духовной семинарии, возведение новых деревянных зданий храмов, которые монастырь построил в Лунинце (1816) и в Дятловичах (1823). В 1848 году деревни стали «казёнными», а в 1855 году монастырь был закрыт.

Не сохранилось ни стен, ни фундаментов, но современники утешены тем, что «останется память в народе». Может быть, именно из Средневековья у нас особое отношение к сфере образования и самым преданным её представителям. Ведь в Лунинце установлены два памятника... учителям – Якубу Коласу и Павлу Сухому. Эти исторические личности достигли известности в других ипостасях, но в нашем городе оба давали уроки юным лунинчанам.

Церковь Св. Николая, Кожан-городок

Символично, что памятники возведены на улице, где расположены два школьных здания (и даже третье, ныне принадлежащее иному ведомству), каждое из которых отражает разные этапы развития системы образования Луниноччины.

Современные представители многих учебных учреждений также приближаются к определению «единственной профессии от Бога» (все остальные – от учителя). И очень важно осознавать это обществу, потому что, как писал поэт:

*Разными были учителя
В человеческом общении,
Но на них держится наша земля,
Наши открытия...*

Когда в других городах рассказываем о лунинецких памятниках, всегда звучат благодарные аплодисменты – в честь самых достойных учителей, на которых каждому повезло в жизни и которым возведены памятники – в наших сердцах.

Почти 150 лет история обители была предана забвению. Но в XXI веке Дятловичскому монастырю и его «фундатору» повезло на исследователей. В их числе – белорусский книговед Юрий Лаврик, учёные из Пинска Александр Ильин и Елена Игнатюк. Но всё же Дятловичский монастырь и Константина Долмата для современников открыли лунинчане. Об обители первым упомянул Николай Калинин в книге «Луинец» (1990), очерк написал Лев Колосов для историко-документальной хроники «Память. Лунинецкий район» (1995).

Недавно украинский исследователь Алексей Кузьмук обработал ведомость имущества монастыря за 1770 год. Открылись бесценные сведения (включая план обители) по истории Дятловичей и Луинца! Но одновременно очень важные – для храма иконы Божией Матери «Взыскание погибших», который вступает в 10-летие освящения. Среди земельных владений монастыря в будущем городе указывается несколько участков в Боханово! На территории именно этого урочища, в честь которого названа одна из улиц микрорайона, и расположена

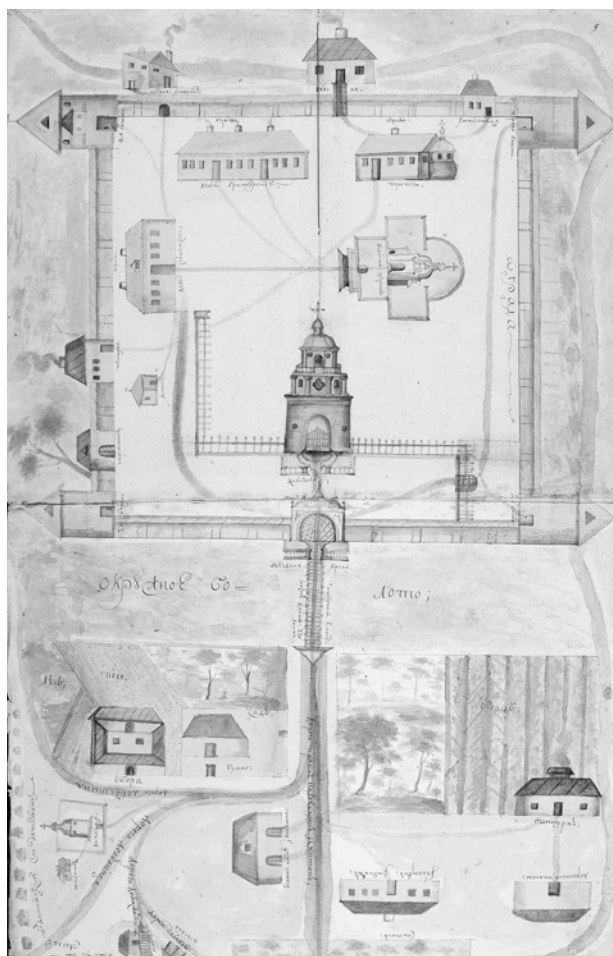

«синяя церковь», как говорят в народе (в городе есть ещё и старая, «красная церковь», заложенная в начале XX века).

Знакомством с вышеуказанным документом мы обязаны преподавателю Минских духовных академии и семинарии протоиерею Павлу Бубнову. Возможно, эти сведения открылись лунинчанам благодаря частице мощей преподобного Нестора, Летописца Печерского. Как известно, мощи святого находятся в Киево-Печерской лавре, а рукописи монастыря – там же, в Киеве, в Центральном государственном историческом архиве Украины. Храму иконы Божией Матери «Взыскание погибших» святыню подарил Вениамин, митрополит Минский и Заславский, Патриарший экзарх всея Беларуси. В прошлом феврале владыка экзарх посетил свою малую родину и возглавил богослужение в новом храме Лунина.

Герб Константина Долмата стал основой геральдического символа современных Дятловичей. И это также можно считать памятником дворянину, сохранившему честь и совесть, передавшему потомкам завет твёрдости веры. В этом году агрогородок (самый большой по населению в районе – более 2,5 тысячи жителей!) пополнится и другими памятными знаками. Так, планируется отметить юбилей события и личностей, благодаря которым «глубинка Полесья», как часто называют Лунинецкий край, сохранила чистоту православной веры и стремление к духовному совершенству.

Татьяна КОНОПАЦКАЯ

План, 1770 г.

Церковь, Дятловичи, 1990 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РЕНАЛЬДА КНЫША

10 сентября 2021 года исполнилось бы 90 лет почётному гражданину города Гродно Ренальду Ивановичу Кнышу. Прославленный спортивный педагог, заслуженный тренер БССР и СССР по спортивной гимнастике, уроженец города Копыль Минской области также проявил себя самобытным поэтом.

В 2021 году город Копыль принимал XXVIII День белорусской письменности. В ходе многочисленных мероприятий по традиции воздавались почести заслуженным людям, выходцам из здешних мест – классикам, деятелям искусства, историческим личностям. В галерее этих образов одно из мест по праву принадлежит «копыльскому гродненцу» Ренальду Кнышу, великому тренеру и неподражаемому поэту-романтику. Возможно, Р. И. Кнышу, в отличие от славы спортивной, познать настоящей литературной славы было не суждено. Тем не менее его поэтические способности, которые он развивал на протяжении всей жизни, нельзя не отметить. Поэзия для этого человека была не просто увлечением, банальной отдушиной – она не единожды помогала выжить, придавала сил в трудные времена. Более того, сегодня в ней можно найти предчувствие целого ряда фатальных событий. Каких именно? Достаточно ввести имя «Ренальд Кныш» в графу интернет-поиска, и сразу многое проявится.

В биографии Ренальда Ивановича есть такой факт. В 1942–1943 годах, находясь с семьёй в эвакуации в Оренбургской области, чтобы не сгинуть с голоду, мальчишка ловил в степи сусликов. Подолгу просиживая в засаде, постепенно начал рифмовать приходящие мысли, оттачивать слог. Совершенствуя рождаемые детской фантазией образы, слагая слова в удивительную манящую музыку, маленький Рен едва ли помышлял о славе великого тренера. А вот в дверь поэтического искусства душа ребёнка так и норовила постучаться. «Сейчас мне лишь шестнадцать лет, // Но убеждён, что я – поэт...» Вспыхнувшая однажды страсть к поэзии трепетным огоньком горела в душе это-

го человека всю его жизнь. Иногда возносила в волшебные высоты, увлекала в неведомые дали, иногда становилась спасительным лучом света в сумраке житейских невзгод.

*Из всех творений на земле
Прекраснее всего
Культурный скромный человек!
Приветствую его!*

Дорожил этим человеческим качеством не случайно, Кныш и сам был человеком скромным. Примечательно, что именно скромность поэт рассматривает в единстве с культурой, как одно из её воплощений. Спортивная борьба – с соперничеством, победами и поражениями, успехом, азартом – только верхушка айсберга, парадная сторона. У жизни выделились иные, глубинные процессы, полные драматизма, неоднозначные грани и полутона. Справляться с восприятием всего этого помогало не рациональное, а образное мышление, привычный сознанию литератора философский взгляд. Начав сочинять в голодные годы военного лихолетья, Ренальд Кныш отобразил в поэзии практически все этапы своего жизненного пути.

*Смотрю на прежний облик свой –
Мятежный, полный сил –
Смеюсь и плачу над собой,
Что так наивен был...*

При всей непритязательной простоте поэзия Р. Кныша имеет свой нерв. Этот тревожный звон натянутого нерва не покидает читателя во всех книгах тренера-поэта. Мятежный дух и

христианское смирение, смех и плач, возвышенное и земное... Свойственные романтической лирике крайности, полюса (бинарные оппозиции) стали системой координат не только для поэтического слова, но и для непростой судьбы этого выдающегося человека.

Магистральными для творчества поэта Ренальда Кныша стали две темы – тема любви и тема Родины. Романтизм и патриотизм. Как много о человеке-творце говорит нам это сочетание! Каким же всеобъемлющим для Кныша, тренера и поэта, стал воспетый, восславленный им образ женщины! Можно предположить, что образ женщины для творчества Р. И. Кныша, подобно Софии В. С. Соловьёва, сыграл роль ключевой философской идеи. Вдохновлённый этим образом, поэт предстаёт не только философом, но и фантастом (фантастическая поэма «Небесная дева»):

*Вдруг в предвечерней тишине
Нежданно девушка ко мне,
Как будто из моей мечты,
Явилась в блеске красоты!*

Сегодня, когда душа поэта пребывает в лучшем из миров, его поэзия продолжает отстаивать общечеловеческие ценности, вечные идеалы.

*Когда я к тебе, мой народ, возвращаюсь
Из дальних краёв, совершенно чужих,
И взором с привычной картиной встречаюсь,
То словно вступаю в жилище святых.*

Родина для поэта – понятие не столько биографическое, скорее философское. Что же составляет его смысл? Чаще это люди, общество, окружение (почти библейское «мой народ»), это сердца, что бились в унисон, родственные души, нечто близкое и привычное, создающее ощущение комфорта, гармонии, умиротворения, надёжного тыла. Да, начало житейских дорог Ренальда Ивановича – небольшой городок Копыль на Минщине. Гродно же для него – место силы, магическое пространство, где дороги эти сперва стали взлётной полосой, обернувшись впоследствии колыбелью чувств. Здесь душа спортсмена и литератора, человека творческого,

Ренальд Кныш

Ренальд Иванович Кныш (1931–2019) родился в г. Копыль Минской области. Заслуженный тренер БССР и СССР. Среди его воспитанниц олимпийская чемпионка 1964 года Елена Волчецкая, чемпионка СССР Тамара Алексеева и четырёхкратная олимпийская чемпионка Ольга Корбут. Разработал 30 новых элементов в спортивной гимнастике, в том числе сальто на бревне и «петлю Корбут» на брусьях. Первой исполнительницей этих и многих других элементов стала воспитанница Р. Кныша Ольга Корбут, триумфатор Олимпийских игр в Мюнхене 1972 года.

Ренальд Кныш – автор книг: «Избранное» (2001), «Как делать олимпийских чемпионов» (2002, 2014), «Утро туманное» (2003), «В тени спорта» (2007), «Мой город Гродно» (2008, 2015), «Небесная дева» (2013), «Грёзы юности» (2015, 2016). Член Союза писателей Беларуси. Почётный гражданин города Гродно.

волевого смогла по-настоящему расправить крылья:

*Судьбой коварною гонимый,
В чужом краю томился я.
И нестерпимо в город милый
Всегда неслась душа моя.*

*Туда, где жизнь совсем иная,
Где Неман медленный течёт,
Где, утешенье обещая,
Любовь покинутая ждёт...*

Только вот небо для полёта души Ренальда Кныша оставалось безоблачным далеко не всегда. Принципиально не разделяя два биографи-

ческих вектора – спортивный и литературный, – Р. И. Кныш говорил со своими воспитанниками и продолжает говорить с читателем дружелюбно и максимально откровенно. Несмотря на неоднозначность отношения к нему в разные годы, невозможно найти в поэзии Кныша нотки затаённой обиды, злобы, отчаяния, безысходности. Как бы тревожно ни звенел натянутый нерв его слова, какой бы чёрной тучей ни виделась полная испытаний на прочность действительность, любовь к жизни спасительным лучом всегда побеждала сумрак:

*Друзья! Живите веселей,
Пока цель жизни есть!
Не забывая только в ней
Про долг свой и про честь.
Другим часть радости отдав,
Продлите счастья час!
И пусть весёлый добрый нрав
Не покидает вас!*

Ярким проявлением «литературных элементов» тренера-писателя Р. И. Кныша стала книга «Как делать олимпийских чемпионов» (2002). Официально это авторский учебник, методическое пособие для тренеров. Фактически – книга-завещание, книга публицистическая, серьёзная и строгая, но и в ней нашлось место поэзии – почти все главы снабжаются ёмкими поэтическими зарисовками по существу.

Заслуживает внимания ещё один элемент литературной жизни тренера-поэта. Это его жанровое мышление. Дело в том, что творческое наследие Ренальда Кныша характеризуется монументальностью, произведения уникальны по своим эстетическим параметрам. Излюбленной жанровой формой для Р. И. Кныша стал роман в стихах. Изданный дважды поэтический роман «Грёзы юности», к примеру, был предметом личной гордости поэта, так как своим объёмом в четыре раза превосходил «Евгения Онегина». Понятное дело, козырять объёмами написанного и изданного не принято, но здесь случай особый – спортивный. Для Кныша не было авторитетов в пантеоне классиков. С ними он состязался на равных. В адрес творчества тех, кого

принято относить к великим, он мог позволить себе резкие критические высказывания. В этом весь Кныш. Играя роль ретроспективы, некоторые его объёмные романы хронологически охватывают несколько десятилетий. «Роман составлен из моих юношеских стихов. С тех пор людские нравы изменились, но я надеюсь, что многие найдут в нём отзвуки своих стремлений, грёз, метаний, заблуждений и целомудренных любовных отношений, присущих большей части молодёжи прошлого века», – написал Р. Кныш в предисловии к своему роману в стихах «Утро туманное» (2003). Благодаря гибкой композиции стихотворные романы Р. И. Кныша универсальны, их можно воспринимать не только как целостные сюжеты, но и как сборники отдельных стихотворений, написанных в определённый период на одну тему.

Образ города Гродно для Кныша, сакрально-интимный, является средоточием романтических настроений. Потому-то, взволнованно восклицая, поэт адресует ему свои искренние эмоции:

*Здесь город мой! В нём жизнь свою
Почти всю прожил я.
Хотя рождён в ином краю,
Но здесь – душа моя!*

Если не учитывать влияние классических традиций, язык поэзии Р. Кныша – это язык гродненских улиц, площадей, скверов. Это лексика, насыщенная просторечиями и словами из обихода типичного белорусского горожанина, личность которого сформировалась в середине XX столетия. Данный стиль языка можно назвать в равной степени как литературным, так и разговорным. Проще говоря, язык Кныша – поэта практически не отличается от языка Кныша-тренера по спортивной гимнастике. А по рассказам его воспитанниц, Ренальд Иванович любил использовать в общении, в профессиональном обиходе цитаты из поэтических произведений, зачастую собственных. Это ещё раз доказывает, что образ Кныша-тренера и образ Кныша-поэта неразделимы, независимо друг от друга существовать не могут.

*Пошли мне, Бог, побольше дней,
Чтоб сделать я успел
Из мук фантазии моей
Немало добрых дел.*

Можно ли назвать поэта-романтика Ренальда Кныша человеком бесхитростным, прямолинейным? Скорее да, чем нет. В среде литераторов нет-нет да и наткнёшься на подобострастие, необъективность. Ни в чём подобном Кныш не замечен, эгоцентризм, высокомерность, самолюбование не были ему свойственны. Держался со всеми ровно, по-простому. Вспоминаются его острые выступления на заседаниях общественного дискуссионного клуба «Словодром». «Книга свой век прошла», – ничтоже сумняшеся вслух размышлял о роли книги и уготованной ей судьбе наш коллега по писательской организации. Участвуя в обсуждении насущных тем, поэт не стремился и наверняка не умел юлить, сглаживать острые углы, выдавать желаемое за действительное. Иллюзии, самообман – всё это не про него. Прямота суждений также была частью его характера, а также принципиальной позицией, напоминающей поведение бесстрашного дуэлянта или благородного гладиатора.

Надо сказать, Ренальд Иванович Кныш правильно представлял себе роль современного писателя. Понимая литературную работу не ограниченной сидением за письменным столом, охотно шёл «в народ» – встречался с читателями (в основном это были коллеги по спорту), был завсегдатаем литературных вечеров в клубе творческой интеллигенции «Грани» при областном методическом центре народного творчества. Р. И. Кныш до последнего – пока позволяло здоровье – вёл непосредственный диалог с людьми. Как литератор, культурный и общественный деятель, он понимал, что только таким способом можно уловить дух времени, ощутить его пульс. Не успели мы оглянуться, как времена изменились, сменилась эпоха. Пришли другие нравы, другие кумиры... Неизменной осталась самая главная ценность – человеческая жизнь. И этот тезис прозвучал в поэзии Р. И. Кныша лейтмотивом:

*Чем дольше я теперь живу,
Хочу тем больше жить!
Смотреть на небо, на траву,
И думать, и творить!
Я жизнь люблю, я ей молюсь,
Храню и берегу,
И этой радостью делюсь –
Иначе не могу!*

Ренальду Кнышу было уготовано судьбой сполна вкусить славы, народной любви, а также познать обратную их сторону. Его поэзия не всегда достаточно изящна и напевна, порой грешит формальным несовершенством. Но её ценность в другом – она выглядит неким таинственным предзнаменованием драматических событий в судьбе автора. Пускай Р. И. Кнышу не досталось литературной славы, со многими писателями его сближает пережитое: травля, гонения, мучительные скитания, горечь и боль... Именно это, как мне кажется, делало его поэтом в полном смысле слова. Сегодня можно констатировать: если работа Кныша-тренера была направлена на воспитание настоящих спортсменов, то творчество Кныша-поэта адресовано настоящему человеку.

Говорят: если можешь не писать – не пиши. Он не мог иначе. Направляя свою израненную душу к божественным высотам, не мог не писать. Не мог не любить, как родной, этот город на крутых берегах Немана; очарованный им однажды, был вдохновляем этим городом в течение всей жизни. Вторая её половина выдалась для Ренальда Кныша тяжёлым испытанием, своего рода расплатой за успех. К этому времени пожилого человека с подорванным здоровьем публичность стала тяготить. Мечты Р. И. Кныша о возжеленном покое, увы, так и не сбылись. Утомлённый шумом вокруг собственного имени, в последние годы он не любил давать интервью – в своей поэзии он всё сказал.

Дмитрий РАДИОНЧИК
Гродно

Анна (Ханна) ЧУМАКОВА

Родилась 7 августа 1984 года в городе Рогачёве Гомельской области.

2001 год – сборник стихов «Я повзрослела»;

2001–2012 годы – публикации в региональной и республиканской периодике, международных сборниках «Междуречье», «Славянские колокола»;

2013 год – сборник стихов «Мой ангел прыснiў мяне»;

2013 год – принята в Союз писателей Беларуси;

2013–2017 годы – публикации в региональной и республиканской периодике, коллективных сборниках.

2017 год – цикл сборников «БлокНот.лайф», «БлокНот.интим». Делегат на международном семинаре молодых литераторов в Кишинёве.

Автор-исполнитель.

С 2018 года живёт и работает в Витебске, является участником народного театра-студии авторской песни Центра культуры Витебска.

* * *

Не вини меня за шалость,
Нелегко признаться лично,
Что ношу тебя, как шарфик,
На душе...
Но по привычке...

И порой в земную серость
Выбегаю, не проверив...
Я тобой почти не греюсь...
Я в тебя почти не верю...

Но, когда тоска завьюжит,
Вусмерть суета достанет,
Затяну, любимый, туже
Узелок воспоминаний...

* * *

Сверчок, ведающий свой шесток, –
Я –
Снег, в дом принесённый, – лужа...
Неровность рваная рифм и строк,
Даром ему / никому не нужная.
О любви – зарекалась о ней одной
(Любям Богом вверенной),
Испетой / испитой вином, виной,
Ветром, враньём и временем...
О любви! Миллион миллионная я – о ней,
Заклинило ли, зашкалило?
Под уздцы и волоком своих коней
Волчьей серости на закланье
За неё... наречённая же Любовь,
Чья ты будешь, Психеева? Ева
Ни крылом не вышла же, ни ребром,
Жди – тоскуй,
Уповай и веруй...

* * *

Щурясь от солнца
Глазами лисьими,
Губами хватаю весенний ветер...
Из данного списка:
– ешь,
– молись,
– люби –
На данный момент могу лишь третье...

* * *

Если небо упало под ноги,
То не радуйся, что твоё!.. –
Кто-то сбросил с верёвок подло
Кем-то выстиранное бельё...
Взять бы снова –
Его подбросить!..
(Лучше – с крыши, но хоть с земли.)
Полетят над городом простыни
Со снами,
Бессонницами
И...

Екатерина ЧИЧВАРИНА

Родилась в 1989 году в Москве. Имеет белорусские корни. Окончила МГТУ им. Баумана в 2012 году, а в 2020-м – Литинститут имени А. М. Горького (Высшие литературные курсы, семинар В. А. Куллэ). По основному роду деятельности – программист-разработчик. Замужем, воспитывает дочку Арину четырёх лет.

НОТЫ¹ СЕРДЦА

я не
потеряла способность
чувствовать запах
и вот
я иду в магазин
мне нужен парфюм для офиса
но открывайте всё
я понюхаю
то есть попробую
то есть послушаю
(так говорят парфюмеры)
я купила духи для офиса
для праздника
с ностальгическим запахом
для прогулок и всего остального

¹ Нота – класс в классификации эфирных масел и других ароматических веществ по скорости их испарения. Ноты делятся на верхние (они же головные, начальные), средние (основные, сердцевинные, сердечные) и базовые (фоновые, конечные) (Википедия).

когда мне становится скучно
я думаю
что не
потеряла тебя
ни тогда когда пахло жареным
ни тогда когда пахло палевом
ни дешёвым пивасом у спара
ни цветущими где-то там вишнями
ни гудроном на летних платформах
ни больницей ни чётным в букетах

расскажи про свою ностальгию
расскажи какой праздник ты хочешь
расскажи про свой грёбаный офис
я послушаю
то есть
попробую
слушать
я попробую слушать иначе
подумав о том что
я не
потеряла
тебя

* * *

*Кажется, эпиграф тут был бы
проявлением неуважения
к первоисточнику.*

Моим стихам, написанным так поздно,
Что я не буду врать, что я – поэт,
Сорвавшимся – не искры и не звёзды, –
Как не поспевший вовремя ранет,

Сорвавшимся, как снег с пологой крыши,
К тотчас по ним прошедшимся ногам,
Моим стихам (об Оле, маме, Мише) –
Нечитаным стихам! –

Разбросанным в Сети по группам где-то
(Откуда их, конечно, не берут),
Моим стихам под грудой Интернета
Настанет свой капут.

* * *

Памяти Н. В.

На выходные приезжали в этом дом –
Студенты, дети, призрачные гости.
На первом ели, спали на втором.
Ночами раздавалось «бом, бом, бом» –
Он шёл курить, стуча по полу тростью.

По выходным мы приезжали в этот сад
Побиться лбом о низкую беседку.
«Бом! Бом!» – стучали яблоки о скат,
Срываясь наудачу, наугад,
Слетая в никуда со старой ветки.

По осени спросонья не поймёшь,
Откуда стук – из дома или сада?
Бом. Бом. И ты лежишь, и ждёшь, и ждёшь.
Но запах сигарет не узнаёшь.
А яблоки всё продолжают падать.

* * *

Гражданское вдруг стало очень личным,
А личное обычным оказалось.
В стихах слова «бандера» да «импичмент»
Не пишутся. И как-то не пристало,

Ведь от меня ни проку и ни толку,
Ведь все слова и так давно излишни.
Ведь я ношу не форму, а футболку
И собираю не тела, а вишни.

И всем вокруг, конечно, интересней,
Когда я наконец-то выйду замуж,
Чем новости, которые приелись.
Не потому, что людям чужда жалость,

Скорее, от тотального бессилья.
Но мозг не выключается, как телик.
И личное вдруг стало про Россию,
Я думаю, у всех на самом деле.

Виктория ПИЛИПЕНКО

Псевдоним – Даня Молчит.

Родилась в 2001 году в Беларуси. Студентка Литературного института имени А. М. Горького. Участвовала в локальных белорусских поэтических фестивалях и конкурсах.

* * *

Начинается год, никогда не бывающий новым.
Порыжевшие листья всё так же мокры
и кленовы.
Кто-то выдумал мир, сохраняя привычный
порядок,
И глядит на нас – чувствуешь? –
добрым внимательным взглядом.

Жёлтый вечер, и жёлтый фонарь отражается
в луже.
Этот год будет лучше, чем прежний, –
куда уже хуже, –
Но его проведём кое-как, в ожидании лета.
Ты уже заболел, но ещё не почувствовал это.

Страшно встретить себя где-то там,
в листопадной метели.
Те, кем были когда-то, и те, кем мы стать
не сумели,
Соберутся толпой, постучатся в квартиру
однажды,
И придётся открыть, и подолгу беседовать
с каждым,

И за всё отвечать.

Если мы с тобой сильно попросим,
Может, нам разрешат в этот раз
 не досматривать осень.
Замереть до зимы,
 потеряться,
 как в снеге иголка.

Подожди,
 подожди,
 ну останься ещё ненадолго.

* * *

я встаю под чужой будильник он и ночью
 звенел в ушах
то ли снег слишком поздно выпал то ли просто
 часы спешат
я тоскую без отопления но пока что ещё живу
в чьих-то кедах на босу ногу выхожу
 узнавать москву
я тебя не обижу город ты такой же как
 я слепой
не дави высотой фасадов не считай во дворы
 толпой
тонкий снег под ногами тает забывает
 мои шаги
вслед за мной волочится ветер и развязанные
 шнурки
вход в метро или выход в город безразлично
 куда идти
жалко солнца не будет больше солнце лучший
 ориентир
нужно быть невозможно тихой слепо верить
 календарю
шум подземки забился в горло я попозже
 договорю

* * *

Я вдыхаю дрожащий воздух – выдыхаю
 чуть-чуть весны.
Под водою мелькают лица – неотчётливы
 и грустны.
По утрам постигаешь счастье: просочиться
 сквозь турникет,
Задохнуться в дорожных петлях,
 захлебнуться в Москве-реке!

* * *

Вот, теперь так и стой: белоснежный,
 внушительный, толстый,
Развлекай детвору, согревай бодрым обликом
 души.
Будет жизнь твоя долгой, как долог
 морковочный нос твой;
Будет мир к тебе милым, блестящим –
 ведро на макушке!

уголёк к угольку тонкий рот растянулся
 в улыбку
а чего улыбаться рождение сильная травма
ненадёжное снежное тело
пугающе хлипко
оплывать
день за днём
по весне напоить собой травы
не спастись никуда в лабиринте штампованных
 зданий
глазкам-пуговкам больно и трудно держаться
 в глазницах

До тех пор пока
снег до тех пор
пока снег не растает,
Ничего не случится с тобой ничего не случится.

* * *

Сначала были снегом, а потом
Нас растопило солнечным ударом.
Мы потекли весеннею водой,
Ручьями покоряли тротуары.
У нас по спинам плыли корабли –
Бумажные кораблики – а после
Мы – птицы! – оторвались от земли –
Над крышами кружили, в небе мёрзли.
Нас плавил июльская жара,
Мы прорастали мхом и сорняками,
Бывали пеплом, искрами костра,
Морским песком, асфальтом, горным камнем.
А в сентябре мы превратимся в листья,
Сорвёмся в ветер, упадём на грязь.
Давай с тобой сейчас договоримся,
Что больше мы не будем умирать.

Елена БАСИКИРСКАЯ

Родилась в 1989 году в колыбели белорусской цивилизации – славном Полоцке. Окончила педагогический университет, затем – Институт журналистики БГУ. Издала три авторские книги поэзии и переводов. Работает специальным корреспондентом в ведущей газете страны «СБ. Беларусь сегодня». Пишет на белорусском языке.

* * *

Сиянье губ рождает слово,
Учитель, ты светлейший бог,
Что заложил первоосновы
И людям мир постичь помог.
Твоя профессия святая.
Учеников надёжный тыл
Тебе всечасно помогает
Набраться заповедных сил.
Твой брат невзгодам не сдаётся,

Но если глаз огонь потух,
То в сердце трепетном найдётся
Учительская страсть и дух.
Желаю так держать, наставник,
Шагая вдоль судьбы дорог!
Усердный и счастливый странник,
Ты жизни продолжай урок!

ПРОЩАНИЕ

Как грустно покидать столицу...
Мой город, грёзы успокой.
Тобой хочу я насладиться –
Побудь хоть мысленно со мной.
Печально сердцу, очень больно
Тебя покинуть навсегда.
И вниз по жизненному склону
Стремятся юные года.
Мой город – песней колыбельной,
Что мама пела перед сном,
Огнём любви течёт по венам.
Мой город, мой прими поклон!

СВОЙ АКРОПОЛЬ

Построю в душе свой акрополь,
Где будет красиво всегда.
Пусть капли дождя льются вдоволь,
Его освящая мне в дар.
Украшу я клумбу вербеной,
Скрижалей столетний оплот
Овеет духовностью стены,
И время замедлит свой ход.
Возьму я с собою оснастку
Для светлых, красивых идей.
Такой вот подарок на праздник –
На мой молодой юбилей.

Перевод Сергея Лёвина

Анастасия СМИЛИНА

Родилась в 1975 году.

Окончила факультет дошкольного воспитания Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина. Работала психологом, журналистом, няней. Автор поэтического сборника «Круговорот надежды и мечты». Живёт и работает в Бресте.

ГОРОД МОЕЙ ЛЮБВИ

Моей любви угрюмый город
Отогревается, светлея,
Весенний гвалт, весёлый голод
Бурлят в растерянных аллеях –
Безлиственных, открытых, зимних,
Привыкших к сонному затишку...

Я выхожу из магазина
В своём поношенном пальтишке,
Не сняв очки, неторопливо
Бреду пресветлым переулком.
Мой отстранённый, молчаливый
Бессменный спутник по прогулкам
Рисует на асфальте ветром
Знак бесконечности Вселенной.

Мой неразгаданный, заветный,
Незаменимый, несравненный,
Меня хранящий в сердце самом,
Звнящий рифмами по венам.
Он мне казался трудным самым,
А оказался самым верным.

ЕСЛИ БЫ НЕ ШУТ

Когда ответа ждать перестаёшь,
Приняв перемещение на щит,
И внутренний понурый серый ёж
Пакует, что не тяжело тащить,
В свой хлипкий аскетичный узелок,
Готовясь ночью слиться по реке,
Глядь – что-нибудь уже и уволок
Твой дерзкий шут в дурацком парике,
А может, сбросил в мусоропровод
И вот уже хохочет над ежом,
И ёж, вздохнув, варенье достаёт,
Намазывает хлеб складным ножом,
На подоконник с кофейком присев,
Шута великодушно угостит
И заведёт заезженный напев
Про звёзды, осень, бабочек в горсти,
Про узелок, малиновый берет,
Про рыбин, что в реке молчат о том,
Как ёж на дно посеял оберег
И вот остался с носом и с шутом,
Про сны, про одуванчик-парашют,
И что река прохладна и свежа,
И что, наверно, если бы не шут,
Уже давно бы не было ежа.

Валерия РАДУНЬ
(Валерия Васильевна Саротник)

Родилась 27 июня 1988 года в г. Минске. По образованию – переводчик, автор как собственных стихотворений и прозы, так и художественных переводов, а также двух стихотворных сборников («След дождя», 2012, и «Море в конверте», 2015).

* * *

Слышишь ли ты, как земля шевелится,
Как ворочается во сне?
Слышишь ли ты, как пустая мельница
Мелет под солнцем на лето снег?
Слышишь ли ты, как свисает вода
С крыши на бледных нитях?
Слышишь ли, как зыбкая даль
Шепчет ручьям: «Бегите»?
Слышишь ли, в тонких сумерках
Камни спокойно дышат?
И ты, обернувшись
в ужасе,
Мне отвечаешь: «Слышу».

* * *

Застынь. Застынь. Как бабочка в смоле.
Смотрю на свет – горюю и люблюсь.
Свободным стань – от слов и поцелуев,
О чём тогда останется жалеть?

Застынь, застынь, я понесу тебя
Бедою на руках по льду весной.
И ничего не станется со мною,
Того, что нет, никак не потерять.

* * *

Сходит на голову
Песен сель,
Мир раздевается
На ходу...
Напрасно ли я
Верю в апрель
И всё ещё жду?

* * *

Как позовёт тебя море,
На зов его не ходи –
В толще
Его историй
Прячется Моби Дик,
В каждом втором абзаце
Спит
Сельдяной Король
Там, где старик усталый
С вёсел сбивает
Соль.

Георгий ЛАВРОВ

Георгий Юрьевич Лавров родился 1 мая 1996 года в Минске. Окончил третий лицей машиностроения. Работал на МТЗ. Студент Литературного института имени А. М. Горького.

* * *

Ночь затопила нас в открытое окно,
И, захлебнувшись, мы уже в пижамах.
За стенкой дрели спят в уютных чемоданах,

А я всё знай болтаю о своём.
Ведь комаров занудное жужжанье
Нам ни к чему выслушивать вдвоём.

* * *

Июнь наводит причёску
Только-только обросшей планеты.
Студенты готовят зачётки,
Дорожают конфеты.

Заметить успел слишком поздно –
Как бабушки постеры в детской:
Под веками высохли слёзы,
Замедлилось сердце.

И словно забытое что-то
Скребётся в подглазную мякоть...
Но завтра идти на работу,
И некогда плакать.

* * *

Я чайнка, ты чайнка,
Закрутились, завертелись
В ограниченном пространстве,
Как мелодия-пластинка.

Медленно на дно осели
И сидим на дне.

– Ну здравствуй!
Я чайнка, ты чайнка,
Вместе мы почти заварка.
Будем вместе?
Ты смутилась.
Некомфортная заминка.
Стало душно, стало жарко:
Я раскрылся, ты раскрылась.

Всё становится темнее,
Но тебя я вижу ясно:
Ты, чайнка, всех чаинок
И умнее, и стройнее.
Только смотришь безучастно.
Я же – словно на святыню.

Всё пространство почернело,
Ты лежишь со мною рядом.
Ничего вокруг не вижу.
Медленно немеет тело.
Я найти пытаюсь взглядом,
Я хочу к тебе поближе.

Покружились, повертелись,
Как мелодия-пластинка.
Что ещё для счастья надо?
Медленно на дно осели.

Были мы с тобой чайнки,
После выпали в осадок.

Я осадок, ты осадок,
Я осадок, ты осадок,
Я осадок, ты...

СБЕРЕЧЬ БЫ...

Ветер гремел оконной рамой. Сухой воздух пах пылью и свежескошенной травой. Облако цеплялось за облако, и тяжёлый небесный караван медленно полз к огромной грозовой шапке, нависшей над речкой.

– Дождь будет, Ванька! – причмокнул языком Фёдор.

– Пройдёт мимо! – засипел в трубку Ванька.

Фёдор закурил, нутужно, сухо закашлялся, закрихтел:

– Мать, окна закрой! Дождь начинается! Вот же дура старая!

– Чегой-то там? – переспросил Ванька.

– Это я не тебе, а своей бабе! – насмешливо проворчал Фёдор.

– А я со своей Марусечкой на прогулку пойду – до лавочки и назад. Уж больно ноги болят. Вот сейчас ребятку покормим и пойдём, – заунывно, слабым голосом сказал Вань-

ка, а потом как рассмеётся: – А Борька-то мой, Борька-сынок, таким крепышом стал!

– Да ладно тебе, Ванька! За жизнь поговорили, и хорошо, а про остальные радости пусть бабы думают. – Фёдор зло кинул трубку и в никуда проворчал: – Столько лет не виделись, а он заладил: «Марусечка, Боренька...» Как будто и поговорить не о чём.

– Дождь будет, Фёдо-о-ор! Окна закрой! – раздался с улицы голос жены.

Забряцали вёдра. Послышались шаркающие шаги. От ветра сгорбатилась рассада помидоров и перца, поникли, прижались к забору заросли малинника, жалобно застонал ворот колодца.

– Нет, ну не дура?! – разозлился Фёдор, а потом как крикнет: – А я тебе про что тындычу! Окна закрой!

Фёдор включил телевизор и поплёлся к старику-дивану, который со временем, как рас-

топанная обувь, почти сросся с телом, растёкся во всей своей ветхой комфортности, подбочился скрипучими табуретками, выстлался крепким слоем протёртых шерстяных одеял. Стефа давно хотела поменять прокуренный вытертый диван на современный мягкий уголок, но Фёдор крепко держал оборону своего насиженного гнезда.

– В новых вещах много тревожности, – бубнил Фёдор, долго рассуждая о вреде и прочности старых вещей, а потом впадал в гнев: – Перед кем нам тут наряжаться? Перед гостями? И нечего всем сюда ходить, да ещё с детьми.

Стефа расстраивалась, но молчала, потому что «все», кто к ним приходил, это были сын с невесткой и внуками. И то раз в неделю, а то и реже.

Женщина с грохотом закрыла окно. Сквозняк прекратился, давящие грозные порывы ветра сменились скулящими отдалёнными звуками. Фёдор прикрыл веки, собрался подремать. И вспоминалось ему детство. Белоголовый друг Ванька с острыми, сухими от летнего загара плечиками, с тяжёлым железным ведром и самодельной удочкой в руках. Тонкая, извилистая, едва заметная в луговой траве лента-тропинка от родительского дома до озера. Илистый коряжистый берег как неприступная крепость. Но они-то с Ванькой знают, как подобраться к воде. Ну вот, кажется, уселись на покрученной бурями и метелями скрипучей берёзе. Закинули удочки. В складках лёгкой зыби путаются поплавки, где-то далеко заигрывает с эхом кукушка. Рядом плывёт утюжком по озёрной глади большеголовый нырок. Не раз пытались его поймать, неуклюже ступая по чёрному засасывающему мелководу! Тщетно!

И тут Ванька кричит:

– Клюёт! Ей-богу клюёт!

– Феденька! Я борщ тебе разогрела! С пампушками! – слышится издали тёплый голос матери и теряется в тревожном шуме деревьев... Только тоскливой скрипкой звучит в памяти стрекот кузнечиков да обжигает душу своим жужжанием трудяжка-шмель, суевающийся в клевере.

Фёдор оглядывается: как нестати этот борщ. Клюёт ведь!

– Я борщ тебе разогрела! С пампушками! – кричала жена Стефа. – И рыбку на пару сделала, как доктор прописал...

– Вот достала... Только ж завтракали, – сквозь сон пробормотал Фёдор, зевнул во весь рот. Воспоминания сжались в тяжёлый бесформенный ком. Запахи, звуки, цвета потускнели, остались пустым звоном в голове. Фёдор подумал, что пора мерить давление. Гнетуще заныла спина.

– А малины в этом году – тьма-тьмушая! Варенья внукам наварю – будут зимой витамины! – радовалась Стефа.

– Нужно оно им! Потом сама будешь и доедать своё варенье, как и всё доедаешь! – не выдержал Фёдор. – А завтра что у

**Татьяна
ДЕМИДОВИЧ**

Родилась в 1979 году в Бресте. Работала учителем, собственным корреспондентом информационного агентства «Интерфакс», руководителем литературного клуба при Брестском городском Доме культуры. Член Союза писателей Беларуси, председатель Брестского областного отделения Союза писателей Беларуси. Победительница республиканского конкурса «Молодая Беларусь» (2012), Международного литературного конкурса «Литературная Вена» (2012). Прозаик, детский писатель, составитель и редактор региональных литературных изданий, организатор литературных мероприятий. Публикуется в республиканских и зарубежных литературных изданиях. Награждена медалью Франциска Скорины (2021).

нас, суббота? От опять принесёт всех нелёгкая...

– Фёдор, это же внуки! Никитка уже читать учится, а Сашка в горшок начал ходить.

– С горшком, значит, придут, – тяжело выдохнул Фёдор. – А Людка что? Всё болеет...

– По-женски, операцию сделали... Ничего, якое-будет! Пройдёт-перемелется, – успокоительно произнесла Стефа и уложила свежие овощи в дуршлаг.

– Болеют, болеют, – закричал Фёдор, – поколение слабаков! А вот мы в их время...

– А борщик-то у меня в этот раз очень вкусный получился, – любовно посмотрев на мужа, сказала Стефа.

По подоконнику застучали крупные редкие капли дождя, тревожно мигнула зарница, изумительно ярко на иссиня-сером лоскутке неба расписалась молния. Фёдор глянул в окно – на востоке небо было ясным, в белых перьях облаков.

«Погодка, однако! Нет, не будет у Ивана дождя», – вслух подумал Фёдор, поплёлся в кухню, с подозрением посмотрел в глубокую миску, над которой висел чесночно-укропный аромат, одобрительно сам себе кивнул, взялся за ложку.

– Стефа! А хлеб где? Почему не порезала? А?!

* * *

Рано утром заиграл телефон. Фёдор проснулся – резко, тяжело, до звона в голове. И вдруг вспомнил, что вчера вечером забыл позвонить Ивану, чтобы спросить про дождь...

После пятого гудка к трубке доковыляла заспанная Стефа. Из коридора донёсся её каменный голос:

– А? Как помер? Вчера? Записываю адрес...

Фёдор перекрестился, потянулся за стаканом воды:

– Что, Стефа?!

– Иван твой помер! – из прихожей крикнула Стефа и быстро поковыляла к кухонному шкафчику за успокоительным.

Грузный Фёдор испуганно и беспомощно посмотрел на жену, подпёр ладонями лоб

и устоялся глубоко в пол, как будто уронил ключи от всех дверей в пропасть...

– Беда-беда! С детства не виделись... А я уж думала, слава Богу, не зря сын нам старый компьютер притащил, вон друга детства нашёл, веселее будет старость коротать, – запричитала Стефа.

– Полно те, Стефа! – Фёдор слабо поднял правую руку. – Звони сыну, пусть хоть до гроба меня довезёт. Так ведь и не встретились с Иваном – ноги мои треклятые словно проржавели, скрипят, болят... Эх, сиротею я, сиротею.

Фёдор стал всхлипывать... В страхе и жалости, и больше о себе. Мрачный закат оказался близким, бирюзовое детство – тоскливым призраком.

Сын Сашка приехал быстро. Отпросился с работы. Стефа купила живые цветы. Ромашки! Целую охапку! Так Фёдор захотел.

– Воздух детства настоян на луговых ромашках! Они Ваньке и на том свете будут снится! – сказал Фёдор.

В частном секторе дом Ивана искали долго. Хатка оказалась неприметной, аккуратной, но ветхой и напоминала обессилевшего обрюзгшего человека.

У низкого забора с редкими широкими досками стояли две женщины в чёрном. Одна пожилая, сухая, с длинным острым носом, а рядом словно её молодое отражение – совсем юная, хрупкая девочка.

– Проходите в дом! – сказала пожилая.

Скрипнули деревянные половицы. Фёдор с трудом протиснулся в узкие низкие двери маленькой комнаты, уронил мрачный взгляд на скудное убранство, повздыхал у гроба, пустил слезу и тихонько вышел в кухню. У поминального стола Стефа шепталась с пожилой женщиной.

– Легко помер! Уснул, и всё! – сказала та. – Хороший человек был, сосед прекрасный – добрый, отзывчивый, грамотный... Компьютер себе старенький купил, любил в шахматы по скайпу играть. Вот только всегда один. Молодую жену похоронил пятьдесят лет назад – с лошади упала, говорят, уже была беременной. Красавица на всю деревню. И чего на ту лошадь полезла? Никто не знает... Могла бы и пешком

до соседнего села дойти. Так Иван больше и не женился. Говорят, племянница у него в столице живёт. Но телефон её я не нашла. Может, наследники появятся на этот дом. Хоть бы кто памятник старику поставил...

– Как один?! – спохватился Фёдор. – У него же сын есть! Вчера он мне сам говорил... Борис, кажется...

Женщина горько поджала губы:

– Вот Бориса жалко... Всю ночь выл, а сейчас под гроб залез и уснул. И куда теперь его? В приют? Маруську-кошку ещё ладно, я себе заберу, пусть живёт в сарае, а собака у меня своя есть. Любил Иван и пушистую Маруську, и шустрого Борьку, а рыбок своих аквариумных ребятками называл.

Тут уж юная леди не выдержала и зарыдала во весь голос:

– Бедный Борька, несчастная Марусечка... Сироти-и-инки!

– Тихо ты! – шикнула бабуля. – Людей жалеть надо. Вон умирают один за другим. А животные якость приспособятся в этой жизни.

* * *

После похорон Фёдор заболел, сник в пещали, притиснул лицо к подушке и дремал сутками.

– Мука в наследство тебе от Ивана досталась! – причитала Стефка. – Сам-то под бугорком спит себе, а тебя всё мучает. Рыбок Сашка покормил и собаку тоже, а кошка дикая

какая-то, взрослым в руки не даётся, а к детям нашим идёт.

– Сберечь бы, Стефка, ой сберечь бы... – расплакался Фёдор.

– Да что тебе беречь уж, Фёдор, окромя своего здоровья! – охнула Стефка.

– Вас бы всех уберечь от всякой беды! – тяжело вздохнул Фёдор и перекрестился.

Стефка заплакала:

– Угомонись, ворчун ты мой любимый! Внуки приехали. Сказать по правде, да,

боюсь, ругаться будешь... Ну, в общем, весь ивановский зоопарк уже давно у нас. Внуки с Сашкой будку Борису строят во дворе. И кошку забрали. Беременная она – скоро котятков народит. И от рыбок дети в восторге. А когда они за рыбьим кормом ходили в магазин, так ещё черепашку выпросили. Со скуки точно не помрёшь, Фёдор!

Стефка как выпалила все признания, так от страха назад попятилась, насторожилась. Характер-то у Фёдора с годами тоже проржавел, как и суставы...

– Будку, говоришь, строят? – оживился Фёдор и потянулся за тапочками. – А чегой-то я тут лежу?!

Весёлые были

ВЕДРО КЛУБНИКИ

Тем летом такой урожай клубники выдался, что Мария и компотов назакатывала, и варенья заготовила, да и так вдоволь ягод поели. А они всё не переводятся: соберёшь зрелые – новые созревают.

– Володька, ты же на машине каждый день в район мотаешься, – говорит Мария мужу, совхозному шофёру. – Может, прихватил бы когда ведёрко ягод? Смотри, и продал бы кому.

Тот вначале отмахивался, но однажды Мария уловила момент и всё-таки всучила мужу клубнику.

Управившись с совхозными делами, Володька подрулил к городскому рынку. Вышел из грузовика, рядом ведро поставил.

– Сколько, мил человек, просишь? – поинтересовалась одна довольно представительная дама.

– Двадцать, – отчеканил Володька сумму, названную ему дома женой.

Что-то пробурчав себе под нос, дама поплыла дальше.

Другие покупатели делали то же самое. Тем временем Володьке уже изрядно надоело быть торгашом, и, когда история повторилась, видимо, в десятый раз, он не выдержал:

– Забирай, тётка, с ведром забирай!

Видел же, что в руках у тётки никакой посуды, подумал, что ещё откажется по этой причине.

Домой вернулся весьма довольный.

– Ну что, продал?

– Продал. За двадцать, как ты и наказывала.

– Вот и хорошо, – похвалила мужа Мария. – А ведро где?

– Так с ведром и продал.

– Как с ведром? – возмутилась Мария. – Ну разве не дурак? Да ты хоть знаешь, что одно ведро стоит дороже?

С того времени Володька никогда ничего не продавал. Да жена, кстати, и не просила.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК

Когда мужчины начинают разговор о войне, Марьян не пропускает, чтобы не похвастать:

– А я тоже геройский подвиг совершил.

И хотя все уже не один раз слышали о его подвиге, начинает рассказывать:

– Мадьяры у нас на станции стояли. Там и сторожка у них была с печкой железной. Но

еду себе на костре готовили. Вот мы, подростки, и вертелись возле них. То дров попросят заготовить, то посуду помыть, то ещё что сделать... За это конфетами угостят или галету дадут. А то и марку отжалуют, хотя что с ней делать, мы не знали. А как-то попросили меня курицу ощипать. Я, недолго думая, и бросил её в костёр.

«Что ты делаешь? – заорал мадьяр и замахнулся на меня хворостиной, что лежала рядом. – Я же сказал, ощипать!»

«А зачем ощипывать? – отскочив в сторону, отпарировал я. – В костре перья само обгорит...»

Хворостины по спине я, конечно, отведал сполна. Ещё сколько дней повернуться не мог.

– Да тебе, Марьян, за такой подвиг должны были медаль дать, – скалит зубы седой, как полынь, Гриша.

– Видимо, и дали бы, – соглашается Марьян. – Однако же никто не видел.

– Так, может, ничего такого и не было? – не отступает Гриша.

– Ага, не было. Было, ещё как было, – как-то даже жалостно бормочет Марьян и чешет спину, словно это не в войну, а вчера отходил по ней хворостиной рассерженный мадьяр.

ВАНЯ-ПЕТЯ

Мне было пять лет, а сестре Гале – четыре, когда мать «купила» нам братика. Бабушка Марфа подзадорила нас, чтобы мальчика назвали Ваней, – уж больно ей почему-то это имя нравилось. Вот мы, как только малого привезли из роддома, и вертелись вокруг него: «Ваня, Ваня».

В то время, кстати, было так, что новорождённого не спешили регистрировать: вот покрестят, мол, а потом можно и в сельсовет. Так что повезли кум с кумой нашего Ваню к батюшке.

Возвратились, за стол сели. Опрокинул кум рюмку-другую, повеселел. И вдруг слышит, как мы его крестника Ваней называем.

– Как Ваня? – не понял кум. – Я же его Петей назвал.

Здесь уже глаза вытаращили все, кто был в доме. А кум пояснил:

– Подходит в церкви ко мне святой отец

и спрашивает: «Как отрока звать?» А у меня, как на то лихо, имя из головы вылетело. Стою как ошпаренный и думаю: у меня – Толик, и у вас – тоже, у меня – Галя, и у вас, у меня – Петя... Вот, сообразил, и у вас, видимо, Петя. Так и заявил попу.

...Когда же в церкви младенца перекрестили Петей, то родители уже не осмелились переименовывать его в сельсовете на Ваню – вынуждены были смириться с кумовой оплошностью. Мы с сестрой, а тем более набожная бабушка Марфа возражать не стали. Немного погоревали, правда, а потом, смотришь, и смирились.

И живёт-поживает на свете наш брат Петя, названный так кумом. Вот уже и седьмой десяток разменял.

МЕШОК ЛУКА

Моей соседке привезли осенью мешок лука. Столько и за год не съешь, не то что за зиму. Как ни храни, а гниёт.

– Вот я разложу на полу газеты, высыплю на них из мешка лук, переберу, обрежу подгнившие луковицы, чтобы есть, остальные – вновь в мешок, – рассказывает соседка. – Нескольким раз за зиму тот мешок перетряхивала. Так, считай, гнилой и поела.

БАНЯ ДЛЯ ЖЕНЩИН

Звоню вечером в деревню отцу, спрашиваю, чем он там занимается.

– А вот после обеда баньку протопил да всех женщин с нашей улицы помыл. И Надьку, и Таньку, и Тамарку, – отвечает отец.

– Как это? – не понимаю я.

– Да нет, сынок, они сами мылись, – рассеивает моё недоумение отец. – Я только наказал каждой, что баня готова. А там, мол, разбирайтесь уже, кто за кем пойдёт...

А я припоминаю, что завтра 8 Марта, и удивляюсь: придумал же отец подарок женщинам к их празднику сделать! А вот смог бы додуматься до такого я?

ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ

В моём детстве в нашей деревне был фельдшер, у которого от всех болезней имелось одно лекарство – зелёнка. Неважно – живот болит, нога или ухо... Помажет больное место зелёнкой – и будь здоров. Одно только скажет при этом:

– Вот полежишь немного, ночь переночуешь – и на завтра всё как рукой снимет.

Самое удивительное, утром выгонит какая-нибудь ещё вчера хворавшая женщина корову на пастбище и хвалится соседке, что та фельдшера зелёнка помогла.

Что ни говори, а всё же внушение – великая сила.

РАДОСТЬ

– Это же столько комаров надавил ночью – вся кровать в крови! – Радуетесь Толик, а чему? Кровь-то не комариная, а его собственная.

Я же бросаю в самую верхушку груши палкой, сбиваю одинокие плоды, которые иначе не достать. Бывает, раз пять, а то и десять брошу, пока попаду.

А собью грушу – и такой довольный!

У каждого – своя радость.

МУХИДУМАЛИЯСДОХ

Каких только прозвищ за свой век не слышала наша деревня! Одни умирали вместе с их носителями, другие, бывало, переходили от отца к сыну, а потом и к внуку. Порой, рассказывая о ком-то, и фамилии не могли вспомнить, но стоило назвать его прозвище, как любому становилось понятно, о ком речь.

И всё же прозвище, которое носил совхозный пастух Николай Чупиков, было, пожалуй, самым заковыристым – Мухидумалиясдох. Именно так, а не иначе оно и выговаривалось – в одно слово, пускай и включало в себя фразу из четырёх. И если другие приобретали свои прозвища ещё в детстве или получали их в наследство, то к Николаю оно приклеилось

лет, может, в пятьдесят. Да так крепко, что и умирать будет – так хоть ты его на памятнике надгробном выруби, словно какому писателю псевдоним рядом с фамилией.

И пускай само прозвище и заковыристое, однако происхождение его весьма простое.

Несколько лет назад пастухи прилегли на пастбище в тени да и разговаривают себе не спеша. А Николай вот уже был выдумщик: всю землю вокруг обойдёшь, а другого такого вряд ли сыщешь. Затянулся дымком, кашлянул для счёту (такая уже у него была привычка перед тем, как начать что-то рассказывать) – и давай:

– Это же вчера с соседом Ванькой хорошо посидели. Чуть живой притащился домой. И так на сон потянуло, едри его в корень, что прилёг на диван – и в момент отрубился. Сколько спал, не помню, но когда пролупил глаза, так ужаснулся: всё лицо вплотную облепили мухи.

– Как это? – не поняли мужики.

А Николай, выдержав паузу и тем самым подогревая интерес, и отвечает:

– Просто мухи думали, я сдох.

Вот оттуда оно и пошло. Разве что четыре слова слились в одно. Да так вцеписто, словно те мухи – в пьяное лицо Николая.

БОЯРЫШНИК В ДЕНЬ ЗДОРОВЬЯ

В городе проводили День здоровья. Пожалуй, главная примета его – запрет на продажу спиртного в магазинах.

Гастроном и аптека – в одном помещении, разве только с отдельным входом: в первое – дверь справа, в другое – слева. Мужики помятого вида один за одним заглядывают сначала в гастроном, а потом, спустя минуту-другую, выбегая оттуда с недовольным видом, сразу же, не сходя со ступенек, направляются в аптеку.

– Три флакона боярышника, – подаёт помятые рубли первый.

– В одни руки – только один, – отвечает аптекарша.

– Один так один, – соглашается покупатель.

– Один, – даже не называя чего, просит, зная уже отпускную норму, второй посетитель.

Аптекарьша пересчитывает поданные им в окошко деньги и заявляет:

– Здесь не хватает.

– Нон проблем, – лезет в карман мужчина, – сейчас добавим.

И поток любителей приобрести такую желанную настойку не прерывается.

Спустя час-полтора в аптеку заглядывает продавщица гастронома. Не за боярышником.

– Ну, как у вас здесь проходит День здоровья? – спрашивает она у знакомой аптекарши. – Так, глядишь, и месячный план за день выполнишь с помощью акции.

– А как же, – соглашается та. – Ты только, Люда, обрати внимание, как оздоравливаются! – И она указывает на дверь, в которую просовывается очередной «больной».

ПОКУРИЛ...

Зять курил на тёщином дворе. Здесь же под ногами путались и куры.

И только, докурив, бросил на землю окурок, как самая проворная из несущек подхватила его – и в распахнутые ворота сарая. А там – и сено, и солома. Перепуганный зять – бегом вслед.

– Хорошо, что сразу на сеновал не бросилась. Иначе бы – труба. Я и так чуть было не поседел за те секунды, – рассказывал потом зять.

Рассказывал не сразу, а намного позже. И то на хорошем подпитии. Трезвый, возможно, и не признался бы.

«ОЙ МОГУ!»

Костя и Олег вместе с Ликой и Настей собрались на уик-энд на дачу. Уже даже с наслаждением представляли, что там будет. А здесь вдруг Лика заявляет, что к ней неожиданно-негаданно появилась подруга из Украины. Не бросать же её одну-одинёшеньку скучать в квартире. Так что девушек будет трое.

Парней такое обстоятельство не очень обрадовало. Совсем не комплект, как говорится, получается. Облом, одним словом.

И здесь Костя в одно мгновение оживает и подбадривает Олега:

– Ничего, что-нибудь придумаем. Есть у меня один друг. Если он дома, прихватим с собой. Составит пару украинке.

Звонят:

– Коля, спасай! – И разъясняют ему неожиданную ситуацию. – Ты можешь?

– Ой, друзья, могу, ой могу, ой ещё как могу! – приговаривает Коля.

Костя и Олег удовлетворены. А Коля вновь повторяет желанную для них фразу:

– Ой могу! – И вдруг через паузу: – Вот только один раз в году. И вы представляете, этот раз был как раз вчера.

«ЛИМОНЧИКОМ НАДО ЗАКУСЫВАТЬ...»

Один мой знакомый, когда порой собирались взять бутылку водки, обычно наказывал гонцу:

– Не забудь купить лимон.

А при выпивке советовал:

– Лимончиком надо закусывать, лимончиком. Тогда не так пьянеешь.

...Однажды мы оказались в гостях за одним столом, который просто ломился от предложенных яств. Чего только там не было!

Заметив, как мой знакомый только и тянулся вилок то к колбаске, пальцем пханной, то к балычку да шашлычку (а были же на столе и лимоны), я словно невзначай толкнул его в бок:

– Лимончиком надо закусывать, лимончиком...

– Эх, ворона ты несмышлёная, ничего не понимаешь, – с укоризной замотал головой знакомый. – Лимончиком надо закусывать тогда, когда мяса нет на столе. Вот так, дорогой. – И потянулся за очередным куском ветчины.

КУДА ИСЧЕЗЛА ОЧЕРЕДЬ?

В одном музее экскурсовод, проводя экскурсию для старшеклассников, обычно показывает на бочку, покрытую скатертью, и говорит:

– Каждая девушка, которая садится на эту бочку, найдёт своего суженого, у неё будет счастливая семейная жизнь и здоровые детки...

Девчонки суетливо выстраиваются в очередь.

А экскурсовод, как бы и не обращая внимания на них, продолжает:

– Однако на бочку должны садиться только девственницы. Иначе всё будет наоборот.

Очередь под улыбки одноклассников противоположного пола мгновенно рассеивается.

Интересно, а если бы парням предложили то же самое, нашлись бы охочие?

СУХОЕ ВИНО

Давно это было.

В деревенский магазин, пожалуй, не впервые ли привезли сухое вино. Мужчины, работающие в совхозной столярке, отправляясь в магазин, обращаются к Василию, который обычно не участвует в их коллективных пьянках:

– Может, и тебе взять?

– Возьмите, – согласно кивает тот головой, а сам себе думает: «Пускай будет. Глядишь, и наболтаю, когда приедут сёстры из Гомеля погостить. Не вечно же им самогонку пить вместе с мужиками...»

– Сколько?

– Как и себе.

Принесли две бутылки, выставили перед Василём.

– Что это?

– Вино.

– Но вы же говорили, сухое.

– Так и есть. Именно оно самое.

Василь поворачивает бутылку: чудеса и только – бултыхается, как и обычное.

– А оно что, уже разбавленное?

– Как разбавленное?

– Ну порошок тот сухой...

И здесь до мужчин доходит: оказывается, для их напарника слово «сухое» воспринимается не иначе как порошок. Они хохочут. А Василь, поворачивая то одну, то другую бутылку, ничего не понимая, молчит.

«А ДОМА ШАТАЛИСЬ...»

Пьяный муж возвращается домой.

– Ой, ты же совсем на ногах не держишься. Как и дошёл только? – выговаривает жена.

– Нормально дошёл, – еле-еле ворочает языком муж. Потом, выдержав паузу, добавляет: – А дома, между прочим, шатались...

ПОМОЩНИК

Пьяный на корточках пытается встать на ноги, да всё никак не получается.

Мимо идёт женщина, в обеих руках, согнувшись в три погибели, тащит огромные сумки.

Пьяный смотрит на неё снизу вверх и, явно сочувствуя, предлагает:

– Может, помочь?

РАВНЕНИЕ НА КОРОВУ

– Посмотри, как ты вспахал! Да за такие борозды руки поотбивать мало! – возмущался Пётр, упрекая соседа Алексея. – Чтобы борозды смотрелись как хорошо натянутая струна, надо определить ориентир на другом конце соток и на него равняться. А ты... Эх-ма, – и махнул рукой. – Неумека, одним словом.

– Почему это неумека? – не соглашался Пётр. – Вон, видишь, корова на лугу пасётся? Она как раз и была моим ориентиром.

– А ты ещё ко всему и дурак, Алексей, – плевался Пётр. – Такое впечатление, словно и мозгов не имеешь. Кто же это на движущийся объект равняется? На стоящий надо, на стоящий!.. Вот на ту берёзку например. А корова же не стоит на месте. Отошла на метр-другой, и ты следом за ней лошадь направил. Неужели сам

своей головой сообразить не мог? – И приказал: – Разворачивай лошадь и давай по новой!

ЛУЖА ВОЗЛЕ МАГАЗИНА

Ну и ворчун же этот Михалыч! Вечно чем-то недоволен: то это ему не нравится, то то. Ворчит и ворчит.

А тут как-то мужики выпили после работы. Захотелось ещё добавить. Вот и послали Михалыча в гастроном. А перед входом в него – лужа, покрытая первым ледком. Как же здесь Михалыч смолчит?

– Могли бы и поколоть лёд или хотя бы каким песком присыпали, – наехал он на продавщицу винно-водочного отдела. – А то поскользнётся какой человек и сломает руку или ногу.

– Трезвый не сломает, – ответила та. – Разве что пьяный, когда хорошо глаза зальёт и ничего под ногами видеть не будет.

Поворчав, Михалыч взял две бутылки водки – по одной в каждую руку, вышел из гастронома, упал и... сломал руку.

ОТДЫХ ПОСЛЕ ОТДЫХА

Женщины в санатории зачастую нахватают разных процедур и носятся из кабинета в кабинет как очумевшие. За день не столько полечатся, сколько устанут.

– Слава богу, завтра – последний день, – с облегчением вздыхает одна. – Приеду домой, а до выхода на работу – ещё три дня. Хоть отдохну немного.

АМЕРИКАНСКОЕ В АМЕРИКАНСКОМ

– Это же отредактировал одному графоману небольшую рукопись, заплатил он мне сто долларов. Спрятал я их на чёрный день. А когда тот день наступил, не могу вспомнить, куда засунул. Знаю, что в книгу, а в какую – убей, не помню, – рассказывает мне друг. – Где

только не искал, каких только книг не перелистывал – нету.

– И не нашёл? – интересуюсь я.

– Ага, я-то да не нашёл? Нашёл! – воскликнул друг так, словно это произошло не раньше, а как раз в эту минуту. – Представляешь, уже было всякую надежду потерял. В бессилии, раздосадованный и злой от безрезультатных поисков, повалился на диван и лежу. А глаза всё одно бегают по книжным стеллажам: ну где они, те доллары, где? Точно же лежат в какой-то книге и посмеиваются надо мной.

И вдруг взгляд выхватил среди множества изданий сборник «Американский детектив». Подумал: доллары американские? Американские. Так почему им не лежать в этой книге? Подхватился, мгновенно вытащил сборник, встряхнул – и глазам своим не поверил: из него на пол и на самом деле выпала так необходимая мне купюра.

– Железная логика, – покачал головой я.

– Золотая, – поправил меня друг. – Пускай и пьяный был, когда прятал, но всё же сообразил, что американское должно лежать в американском.

СПЕКТАКЛЬ С БОЕВЫМ НАЗВАНИЕМ

В столичном театре киноактёра, где в тот вечер показывали спектакль «Поле битвы», за десять минут до начала представления – считанные зрители. Не понимаю, что случилось: в театре же обычно аншлаги.

И вдруг в зал стройными рядами входят армейцы и заполняют все свободные места.

Почему-то промелькнула мысль: видимо, замполит, глянув на афишу, сообразил: «Поле битвы» – значит, о войне – и решил таким образом приобщить воинов к искусству и одновременно поднять боевой дух.

На самом же деле спектакль – комедия из семейной жизни. Правда, бойцов он вряд ли огорчил: посмеялись вдоволь. А боевого духа им и на учебных занятиях да на тактических учениях хватает.

НАЧНЁМ С ДЕРЕВА

Я когда-то рассказывал внуку о трёх главных делах, которые обязательно должен совершить в жизни мужчина. И теперь Никита знает их: посадить дерево, построить дом и родить сына.

Во время весенних каникул поехали на неделю в деревню, где живёт мой отец, а Никиты, соответственно, прадед. В один из дней интересуюсь, помнит ли внук о главных мужских делах. Он без запинки отвечает.

– Ну и с чего начнём? – спрашиваю.

Никита глубокомысленно чешет затылок, а потом, собравшись с духом, не совсем уверенно выдавлиывает:

– Может, с дерева?

Словно у него, девятилетнего, есть выбор.

В САМЫЙ РАЗ

Внук после летних каникул первый раз пошёл в школу.

Возвращается и, ещё раздеваясь в прихожей, во весь голос сообщает:

– А у нас новая классная!

– И как она? – интересуюсь.

– Тебе, дедушка, в самый раз, – отвечает.

А я представляю, какой это «самый раз» для меня, деда.

ИЗ ДВУХ БАБУШЕК

У моего внука Никиты – две бабушки, Зина и Алла, и один дедушка, я. К бабушкам он ездит вместе с мамой. Меня же, как правило, посещает самостоятельно. На каникулах вдвоём ездим и в мою Потаповку.

Как-то задаю ему, как понял позже, антипедагогический вопрос:

– Какую из двух бабушек ты любишь больше – Зину или Аллу?

А Никита, нисколько не задумываясь, мне в ответ:

– Из двух бабушек больше всего я люблю тебя, дед.

Правду сказал или слукавил, не знаю.

ЗНАКОМСТВО БЕЗ ПРИСУТСТВИЯ

Знакомый рассказывает: внук-десятиклассник признался, что у него появилась девочка. Оба учатся в одной школе, только в параллельных классах.

– Вот я и говорю ему, – продолжает знакомый: – «Приходите вместе ко мне в гости, заодно и познакомишь!» А внук вдруг, ты представляешь, и заявляет: «Дед, а ты куда на это время уйдёшь?» Короче говоря, вроде бы знакомство без присутствия получается...

ЗАПРАВКА НА МЕСТЕ

Обычно картошку у тёщи мы выкапывали собственными силами. Сколько и помню, за один день никогда не управлялись. А в ту осень тёща решила привлечь в помощь местных копальщиц.

– Есть тут две бабы, – сказала она нам, – дам им по какой десятке да бутылку вина с собой, они и согласятся. Всё одно нигде не работают. Ходят осенью от одного двора к другому. Тем и зарабатывают на хлеб.

Работали женщины старательно. Я чуть успевал корзины с собранной картошкой от них относить да высыпать в тележку. Перед обедом, правда, прыть нанятых копальщиц значительно поубавилась – видимо, устали всё же.

Да здесь меня вдруг подозвала тёща:

– Сходи, Толичек, в дом, возьми там в шкафчике на кухне бутылку вина да прикусить чего-нибудь для баб.

– Да они и так чуть шевелятся. А выпьют – совсем никакие будут, – отпарировал я на тёщину просьбу.

– Это они не выпившие чуть шевелятся, – возразила мне тёща. – А вот посмотришь, как оживут, когда потянут по стакану вина.

И вскоре я убедился, что тёща была права. После выпитого вина (а женщины особенно и не закусывали, разве что по крохотному кусочку сала и взяли) они и в самом деле пошустрили. Словно им этой заправки как раз и не хватало.

ЗАБЫТАЯ ТРОСТЬ

После работы друзья – Микола и Володя – заглянули по давнему приглашению в мастерскую к знакомому скульптору (она была рядом с их офисом). Посмотрели, посидели, взяли не по одной рюмке. Микола даже немного и перебрал. Володя пошёл проводить его домой. По дороге Микола вдруг спохватился:

– А где моя трость? Забыл в мастерской?
– Да не в мастерской. Ты оставил её в своём кабинете, – возразил Володя.

– Ой как же тяжело мне будет без трости завтра по гололёду добираться до работы, – вздыхает Микола.

– Завтра тебе и с тростью было бы не легче, – улыбается Володя.

В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Час пик. В троллейбусе довольно тесно. Пассажиры стоят плотно, впритык один к одному. Потому, зайдя в салон, продвинуться дальше не могу. Стою у двери.

– Вы выходите? – продвигаясь к двери, интересуется на следующей остановке молодая симпатичная женщина.

– Ну если вы предлагаете... – шучу я, улыбаясь.

Женщина в ответ также улыбается. А выйдя из троллейбуса, несколько раз оглядывается.

Может, и надо было выйти вместе с ней?

ЗАЯВЛЕНИЕ С ФОТОГРАФИЯМИ

Сергей приобрёл в деревне землю, построил там дом, сарай, завёл овец. А где их пасти, когда совхозное поле под самый забор подступает?

Вот и решил написать заявление председателю сельского совета с просьбой выделить пастбище для этих целей, пообещав взамен, что мясо будет сдавать государству. Прикинул: пускай, мол, попробуют отказать после

такого патристического обещания. А ко всему сфотографировал каждую овцу в отдельности и завершил своё заявление припиской: «Прилагаю фотографии тех, кто нуждается в пастбище».

Таких заявлений председатель ещё не получал. Повертев в руках фотографии овец и словно оценив оригинальную придумку Сергея, улыбнулся:

– Не овцы, а куклы! Как на подиуме, красавицы. – Поднял голову и заявил: – Будет им пастбище. Пускай пасутся.

«НЕ БОЙСЯ, ТЁТКА»

Мой двоюродный брат Петя живёт в Бродах. Это единственный сын отцовской сестры Анны, которая ещё в молодости заболела туберкулёзом и, к сожалению, рано умерла. Мальчишку растила бабушка, мать его отца.

Теперь Петя сам уже отец. И хотя своих семейных забот вдоволь, нашу Потаповку, родину матери, всё же не забывает. Бывает, приедет – так всех родных, и близких, и далёких, проведает. Пускай на полчаса, а к каждому заглянет. Домой едет, как правило, «тёпленький».

Обычно приезжает один, а на тот раз и детей с собой прихватил. Их же у него пятеро, и все один в один. Малые ещё.

За столом мать налила Пете рюмку самогонки и сразу графин с ней убрала. В шкафчик на верхнюю полку поставила. Притом сказала:

– Не обижайся, племяш, но больше не дам. Если бы ты был один – другое дело. Но ты же с детьми.

– Эх, тётка, – обнял за плечи мою мать Петя. – Это же ещё лучше, что с детьми. Чего-чего, а до дома меня довезут, не бросят посреди дороги. Так что не бойся, тётка, наливай.

В РАВНЫХ УСЛОВИЯХ

Друг записался на понедельник на приём к знакомому стоматологу, который имел свой частный кабинет. Однако в воскресенье состоялось одно мероприятие, на котором мой друг изрядно «подзарядился». Не хотелось ды-

шать перегаром на стоматолога, пускай себе и знакомого, и он попросил перенести приём на другой день. Назвал и причину.

– Да ничего страшного, приходи, – успокоил своего пациента стоматолог. – Подумаешь, вчера выпил. Я уже сегодня с утра стакан спирта потянул...

ПОДАРОК С АРОМАТОМ

Накануне Дня пожилых людей, который отмечается ежегодно, Володя пошёл к директору совхоза, чтобы выписать навоза. Разговор начал издавека:

– Знаете, Сергей Максимович, какой в субботу праздник?

– Да. День пожилых людей.

– И как же вы их поздравлять думаете?

– Подготовили открытки, сегодня отправим. А вашим можем здесь отдать, сейчас позову секретаршу.

– Не надо, – Володя поднял вверх руку.

– Ну как хотите, – не стал сопротивляться Сергей Максимович.

– А хочу я вот чего: может бы, какой ценный подарочек выписали? С ароматом.

– Что вы, на подарки у нас денег нет, тем более ценные да ещё и с ароматом.

– А денег не надо, наоборот, я вам сам заплачу, – успокоил Володя директора.

– Как это? – не понял тот. – Интересно, и что бы вы это хотели в качестве подарка?

– Чтобы вы тележку навоза им выписали, – выпалил Володя.

– Навоза? – директор улыбнулся и изрядно удивился, услышав о такой необычной просьбе. Потом, махнув рукой, произнёс: – Ладно, пишите заявление. Выпишу вам этого, как вы сказали... С ароматом. Порадуем ветеранов. – И вновь улыбнулся.

ЗУБЫ

– Шёл вчера поздним вечером домой пьяный из гаража, – рассказывает Володька шурина, – поскользнулся да мордой об асфальт.

Руки в карманах были, так не успел выбросить перед собой. Половину зубов выбил.

– Как половину? – удивляется шурин.

– Так у меня же их два и было, – скалит единственный уцелевший зуб Володька.

Шурин смотрит на него и не знает, сочувствовать или тоже смеяться?

ПО ЧЕМУ ПЛАКАТЬ?

Приболела старая Ганна. Вторую неделю из дома не выходит. Хлеб да молоко из магазина соседка приносит. «Так, чай, – подумала, – и помру невзначай. А куда же добро, годами трудом нажитое? Растащат воры как пить дать – вон сколько их, неработающих, по деревне теперь без дела шатаются!»

Написала дочери в Казахстан: пускай, мол, внуки бы приехали. Те и появились летом: оба высокие, стройные, когда только и выросли... Старшему, Гришке, уже двадцать семь, а Змитрок – на два года моложе. Ганна могла бы и правнуков дожидаться, если бы женились.

Погостили парни у бабушки с неделю, а там давай и в путь-дорогу собираться. Нагрузила Ганна их – как понести: и ковёр скрутила, и тканые подстилки, которые ещё от покойной матери достались, и из одежды много чего увязала. Ей же всё одно ничего не надо, а дочка как найдёт. И денег сколько было, отдала почти до копейки – пенсию же носят аккуратно, отложит ещё на похороны.

Братья же как только сели в вагон, так и загуляли. А там ещё пересадка в Москве. Коро-че, как ехали, не помнят. К матери заявились с пустыми руками. Ко всему и без пиджаков, что надевали, отправляясь к бабушке.

Обо всём этом, ничего не скрывая, дочка и написала Ганне. В конце лишь спросила: «Скажи, мама, что ты им давала, чтобы я хоть знала, по чему плакать...»

ГРАБЛИ

Бывшему совхозному столяру Юзику за восемьдесят пять, а ему ещё не сидится. Проснётся, позавтракает, бросит коту ливерки да

курам зерна сыпнёт – и в свою мастерскую. То кося да топорщици делает, то грабли мастерит. Дочка как приедет из Жлобина, так каждый раз выговаривает батьку:

– Что ты всё на ногах да на ногах? Лёг бы да полежал на диване. А то топчешься и топчешься. Только устаёшь.

А он в ответ:

– Належусь ещё. А теперь когда прилягу, то куда больше устаю, чем когда что-то делаю. Да и ночью потом верчусь, никак уснуть не могу.

А то как-то рассказывает:

– Увидел я, что у соседки в граблях держало сломалось. Когда загребает ими – почти в три погибели сгибается. А здесь её мужик зашёл, даже не помню, по какому поводу. Дай, думаю, новые грабли ему дам, у меня же их вон сколько! Выношу из мастерской, а он упёрся рогом – ни в какую. И при этом говорит: «А слышал ли ты, дядька, такую историю? Это же шли цыган с цыганёнком. Видят: на обочине дороги лопата новенькая лежит. Малой цыганёнок подхватил её – и к отцу. А тот ногой топнет да как цыкнет: "А ну положи на место! Домой принеся – и что? Будет лопата – найдётся и работа. А нет лопаты – нет и работы". Так вот, дядька, и с граблями твоими...» И не взял. Потом уже я отдал те грабли соседке, когда пришла во двор, к колодцу, за водой.

ЗВОНОК С КЛАДБИЩА

На Радуницу не получилось поехать на родину.

В полдень по мобильнику телефонирует одноклассница Тамара:

– Ты где?

– Дома, – отвечаю.

– Где дома?

– В Минске.

– А я тебя ишу на кладбище.

– Да рано мне, думаю, там ещё быть, – отшучиваюсь.

– А когда будешь? – не понимает шутки Тамара.

– Не знаю.

– Ну не сегодня?

– Нет, не сегодня.

– Тогда не буду ждать. Пойду.

– Не жди, Тамара, иди.

И весело, и грустно одновременно.

В ПОЛИКЛИНИКЕ

Не люблю ходить в поликлинику – особенно с поздней осени и до ранней весны. Именно в это время старушки, хотя и сам уже, как говорится, не первой молодости, закрыв дачный сезон, вспоминают вдруг все болячки.

Как-то сижу в ожидании, согласно выданному в регистратуре талону, своей очереди к участковому терапевту. Рядом – две женщины лет под семьдесят. Склонившись друг к дружке, о чём-то мило беседуют. Вдруг одна из них замечает подходящую к кабинету врача знакомую женщину. И сразу же застрекотала, как та сорока:

– Ой, Максимовна, сколько это мы не виделись? Пожалуй, с весны. Я же здесь уже с неделю торчу. А тебя всё не видать. Грешным делом, подумала: может, заболела или, не приведи Господь, ещё что? Как ты меня порадовала, что пришла. Садись, сейчас подвинемся. – И она от такой неожиданной встречи просто засверкала вся. Пожалуй, позабыла даже, чего и сидит здесь, под дверью врача.

«ТОКАРЬ»

В одном вагоне едут два бывших одноклассника: Иван и Олег. Сколько лет, как не виделись! Разговорились. О жите-бытье, о семье да детях. Олег, более разговорчивый, поведал о себе всё, а затем интересуется у напарника:

– Твой младший, если не ошибаюсь, уже окончил школу?

– Да, окончил, – неохотно сквозь зубы цедит Иван.

– А на кого теперь учится?

– На токаря.

– По металлу или по дереву?

– По хлебу и салу. Дома, без отрыва от кухни, – на полном серьёзе отвечает Иван.

БЕС В РЕБРО

Немало гостей съехалось на свадьбу в горпосёлок – высокопоставленный чиновник районного масштаба женил сына. Вечером начали размещать приезжих: тех, кто постарше, – в местную гостиницу, молодёжь – на загородную турбазу в сосновом бору.

– А может, и меня с молодыми? – подморгнул свату шестидесятилетний дядька. – Уж очень я по лесу люблю побродить...

Но лес ли дядьку привлекал? Да и что он там мог увидеть, когда ночевать на турбазу молодёжь отправлялась за полночь? Скорее, наверное, бес в ребро кольнул...

НЕСКОШЕННЫЙ ЛУЖОК

Рассказывает отец:

– Теперь я не сажаю много картошки – несколько борозд да грядок полоску. Остальная площадь пустует. Траве зато раздолье. Чтобы не разносило ветром повсюду семена сорняков, выкашиваю. Наказал как-то соседке, которая единственная на всей улице держит корову, чтобы высушили да сеном забрали. Лужок не трогал: думал, сами докосят – у неё же три сына-бугая. А они забрали сено, а потом самый больший спрашивает: «А лужок, дядька, когда косить будешь?» Тогда я смолчал. А наавтра пошёл да выкосил.

ЗВЁЗДЫ

Опубликовал в республиканской газете статью о девушках-библиотекарях.

– Мы теперь как звёзды, – шутят мои героини.

Утром вышел из спальни. Внук сидит за компьютером.

– Никита, ты не видел телефонную трубку? – спрашиваю. – Надо звёздам позвонить.

– Дед, – улыбается внук, – звёздам не звонят.

– А что делают? – спрашиваю.

– На звёзды смотрят, – улыбаясь, объясняет внук несмыслённому деду и уточняет: – И не днём смотрят, а ночью.

Кто знает, может, внук и прав. Пускай каждый из нас и говорит о разных звёздах.

ТЁЩА И ШЕРШНИ

Забрали тещу к себе в город – и с того времени дом в деревне пустует. Свет не близкий, и выбираемся мы туда разве что раз в году, когда я и жена в отпуске (специально берём его в одно время).

Приехали как-то, а над дверью веранды обосновались шершни. Висит гнездо – словно кто варёжку повесил. А шершни летают по двору и гудят, как те бомбардировщики. Правда, нас не трогают – видимо, соображают, кто здесь настоящие хозяева.

Я собрался за грибами. Вижу: теща стоит во дворе и, задрав голову, смотрит на гнездо с шершнями.

– Что вы там так внимательно высматриваете, Васильевна? – спрашиваю.

– Да вот думаю, как бы их, окаянных, выпороть оттуда, – отвечает теща.

– Не трогайте, – предостерегаю, – а то как зацепите да разозлите – мало не покажется.

Вижу, что это её не остановит. И тогда, приняв серьёзный вид, говорю:

– Кстати, есть один способ.

– Какой? – в момент оживает теща.

А я продолжаю:

– У вас жердь найдётся?

– А как же. Конечно, найдётся, – отвечает обрадованная теща.

– Давайте её сюда.

– И можно пороть в гнездо?

– Нет, рано ещё, – останавливаю тещин порыв и продолжаю: – А какая-нибудь вата или тряпьё есть?

Услышав тещино «есть», говорю:

– Надо намотать на жердь и привязать какой-нибудь шпагатиной.

– И можно пороть?

– Да нет пока. Надо ещё обмакнуть её в бензин или керосин.

– И тогда в гнездо? – не терпится теще поскорее расправиться с насекомыми.

– Нет, сначала надо поджечь.

Вижу, как тёща, ничего не понимая, моргает глазами, и довожу свою абсурдную инструкцию по выжиганию шершней до логического в данной ситуации конца:

– А вот теперь, когда вата или тряпье загорится, можно и в гнездо.

– Так это же, Толичек, дом сгорит, – наконец-то доходит до тёщи.

– Конечно, сгорит, – подтверждаю. – Но зато и шершней не будет.

– Да ну тебя! – махнула рукой тёща и вновь задрала голову.

Возвращаясь из леса, увидел возле дома машину «Скорой помощи». В доме на двух кроватях лежали тёща и жена, а возле них сидели женщины в белых халатах. Слава Богу, как-то обошлось.

ПРОТИВ СЕБЯ

Это было ещё в хрущёвские времена.

На колхозные собрания Никон ходил постоянно – ни одного не пропустил. Правда, на них зачастую дремал и, о чём говорилось там, слышал, пожалуй, сквозь дрему лишь кое-что.

На тот раз в повестке стоял вопрос о земле: у населения перемерили сотки и у того-другого обнаружили лишние – так сказать, сверх положенного. Чтобы привести всё в норму, поставили на голосование: у кого сколько земли обрезать.

Пару лишних соток пришлось обрезать и у Никона.

– Кто «за»? – обратился председатель собрания к присутствующим.

Это «за» Никон услышал и, так как никогда нигде не голосовал против, встрепенулся и машинально поднял руку.

Узнав после собрания, за что он проголосовал, проклинал потом и себя, и свой сон. И с того времени поклялся больше никогда на собраниях не спать.

ТЕЛЕГРАММА БРЕЖНЕВУ

Можно принимать это за анекдот, тем не менее всё похоже на правду.

Анатолий ЗЭКОВ

Анатолий Николаевич Зэков родился в 1955 году в д. Потаповка Буда-Кошелёвского района. Окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Поэт, прозаик, публицист, критик, юморист и сатирик, детский писатель. Автор свыше сорока сборников поэзии, прозы, сатиры и юмора, книг для детей. Почётный гражданин Буда-Кошелёвского района. Награждён медалью Франциска Скорины. Живёт в Минске.

На торжественном собрании колхозников по какому-то там случаю – была такая бюрократическая прихоть – председательствующий объявляет:

– Есть предложение направить телеграмму в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева.

И вдруг из зала чей-то голос:

– Так он же нам ещё не ответил на ту, которую месяц назад отправили!

И смех и грех. Однако это наша не такая уже и далёкая история. На моей памяти, как говорят, было. Во времена, которые потом назовут застоём.

Кстати, один мой знакомый острослов как-то в годы горбачёвской перестройки мимоходом спросил у меня:

– А знаешь ли ты, как расширяется слово «застой»? – И сам же пояснил: – Это когда все мы голосовали «за» стоя.

Анатолий ЗЭКОВ

Перевод с белорусского автора

Микола ЧЕРНЯВСКИЙ

Поэт, прозаик, переводчик.

Родился 16 января 1943 года на Гомельщине. Окончил вечернее отделение филфака Белорусского государственного университета. Работал на Белорусском радио, в редакции детских журналов «Бярозка» и «Вясёлка» («Радуга»).

Первые стихи были напечатаны в газете «Піянер Беларусі» в 1958 году.

Является автором более четырёх десятков книг поэзии и прозы для детей и подростков. Перевёл на белорусский язык произведения многих поэтов и прозаиков стран дальнего и ближнего зарубежья. Собранная и обработанная им, вышла книга «Сказка детей Беларуси». Издавался в России и Польше.

Лауреат литературной премии им. Янки Мавра, премии им. Василя Витки, премии Федерации профсоюзов Беларуси, литературной премии «Золотой Купидон».

Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь.

Живёт в Минске.

ВКУСНЫЙ СОН

Ох, забот в лесу весной!
Потерял медведь покой:
Суходол прошёл шмелиный...
– Видел спелую малину.
Но пока я крепко спал,
Кто всю ягоду собрал?
Дней лишать до лета много,
Вам признаюсь, я не враль:
Лес весною
Не берлога,
День весенний
Не февраль...
И ещё поверьте мне:
Видел всё медведь во сне.

ЖАВОРОНОК

Твой голос
И в осенней стыни
Боль унимает и тоску...
Что петь не можешь на чужбине –
Поверить в это не могу.

По вкусу небо не пришлось –
Что трелей звон
Не распознать?
Недостаёт
Кристалльных рос –
С рассветом
Голос полоскать?

Нет, знаю сам:
И там есть песни
И дымки предрассветной тишь.
Что ж в расставании с Полесьем
Ты настороженно молчишь?

Нелюб стал гомон птичьих стай?
Ты силы все хотел собрать,
Чтоб в гимнах светлых
Милый край
Весною звонче воспевать?..

ГРИБНОЕ СЧАСТЬЕ

Ты вставал,
Когда в лесу до света
Чуть проснулись птичьи голоса,
Первый луч, забытый солнцем где-то,
Радугой приветствует роса?

Ты ходил
Зелёной тропкой лета,
Зная, что за полем повернёт
К сосняку,
Откуда тропка эта
В таинство грибное поведёт?

Ты вдыхал
Настоянный грибами,
Свежестью набухший холодок?
Чувствовал
Ладонью и губами
В белом мху простынувший листок?

Слушал,
Как, дрожа, по колкой хвое
Ветерок нахохленный бежит –
И роса
Живительным настоем,
Вниз сорвавшись ливнем, освежит?

Рад был,
Как по вереску в дозоры
Собирались белые грибы,
Завистью пылали мухоморы,
Выставив
Веснушчатые лбы?

Счастлив был
Опять тропинкой милой
Пробежать, лишь утро занялось...
Солнышко когда глаза слепило
И корзинку
С лёгкостью ты нёс?

Если нет,
Вставай, беги за счастьем!
Только птичий хор
Объявит сбор,
Распахнув грибную душу настежь,
Встречи ждёт с тобой зелёный бор!

КОГО БОИТСЯ ЗУБР?

Зубр в пуще властелин.
В ней хозяин зубр один.
– Но скажи, признайся честно,
Любопытство велико,
Знать ребятам интересно:
Сам боишься ты кого?

Зубр без спешки,
Благородно,
Шумно выдохнул:
– Енота...
– Ой, енота?
Врёшь, что струсил!
Этого не может быть!..
– При ходьбе всегда боюсь я:
На него б не наступить!..

ЛЕСНАЯ ХОЗЯЮШКА

Вот белочка последний гриб
Сняла с сучка сухого.
Ведь даже листопад охрип –
Гулял с ветрами много.
Берёзы сбросили наряд.
Среди подружек-ёлок
На утро серое глядят
С пейзажем невесёлым.
И только старый дуб-силач
Тряс охристой макушкой.
Он был с дуплом,
А в нём жила
Всё лето поскакушка.
Сюда припрятала грибов,
Еловых спелых шишек...
Работала до холодов –
Зимой запас
Не лишний.
Добро хозяйюшка ладком
Спорядковала ловко.
И написала над дуплом,
Чтоб не забыть: «КЛАДОВКА».

НЕПОСЛУШНЫЙ ЯЗЫК

Что у Светки за язык?
 Целый день
 Трещать привык –
 Что взбредёт,
 Без передышки.
 Помолчать бы болтуншке.
 Но язык
 И на уроках
 Как болтливая сорока.
 Лишь на время
 Затихает,
 Если Свету...
 Вызывают.
 Тему выучив с натяжкой,
 Чуть шевелится бедняжка.
 А звонку
 Проснуться стоит –
 Снова
 Нет ему покоя.
 Перед классом
 Стыдно Свете.
 – Но куда язык-то деть мне?
 Говорит с обидой, –
 Ужас!
 Он меня
 Не хочет слушать...
 Языку
 Найти б работу –
 Наточить
 Косу в охоту.
 Не брусом,
 Не наждаком,
 А – проворным языком.
 С этим
 Справится язык –
 Лясы он точить привык!

КТО ТАКИЕ Ж-ЖИХ И Ж-ЖАХ

Ж-жих и Ж-жах –
 Гуляки-братья.
 Ж-жих с характером взрывным,
 Огненное носит платье.
 Ж-жах же – чёрное, как дым.

Строго следуя закону
 Дружбы не водить с водой,
 Катится Ж-жих по наклонной,
 Ж-жах соседствует с бедой.

Выгорает братьям дело –
 И дурачатся: ших-шах!
 Скачет петухом умело
 Ж-жих, а Ж-жах наводит страх.

Петухом Ж-жих скачет смело,
 Ж-жах наводит жуткий страх.
 Порезвятся всласть, бывает, –
 И вокруг печальный вид:
 Дым, огонь, жильё пылает,
 Лес обугленный стоит!

Отсидеться чтоб в сторонке
 И ещё кого донять,
 В тесной спичечной картонке
 Ж-жих и Ж-жах ложатся спать.

Чутко братья спят родные,
 Напустив в округе страх...
 Догадались, кто такие
 Шкодник Ж-жих,
 Строптивец Ж-жах?

Перевод Инны Фроловой

Нина ГАЛИНОВСКАЯ

Родилась в 1935 году в Шкловском районе Могилёвской области. Окончила Могилёвское дошкольное педагогическое училище.

Поэтический дебют состоялся в 1958 году в скидельской районной газете.

Автор более 20 книг для детей.

Работала воспитателем детского сада и в редакциях газет.

Лауреат литературной премии имени Я. Мавра (2000) и премии имени В. Витки (2006).

Член Союза писателей СССР с 1985 года.

ЖИВУ Я НА ВЕНЕРЕ

Я ищу грибы в болоте,
На реке кошу траву,
А пашу – на бегемоте,
Молотить – ежей зову.
Летом бегаю на лыжах,
Загораю в зимний день.
Мне на дубе дятел рыжий
Рвет орехи каждый день.
В небе плаваю на лодке –
Ах, какая красота:
Машут крыльями селедки,
Ростом каждая с кита.
А живу я на Венере,
А на Марс хожу гулять.
Заходите, кто не верит,
Адрес мой: Венера, 5

Перевод И. Мазнина

С МАМОЙ

У меня, ребята, мама –
Не найдешь нигде такую.
Если только мама дома,
Все умею, все могу я.
С мамой есть вкуснее кашу,
С мамой страшный сон не страшен,
С мамой даже ночь светлей,
С мамой плакать веселей!

Перевод Г. Чиж

КАРУСЕЛИ

На коней ребята сели.
Закружились карусели.
Друг за другом скачут кони.
Кто же, кто же перегонит?
Мы стояли и смотрели.
Мчались, мчались карусели.
Но напрасно ожидали:
Все лошадки вместе стали.

ШТАНИШКИ

Двум зайчатам –шалунишкам
Сшили новые штанишки.
- Это мне! – кричит зайчишка.
- Это мне! – кричит братишка.
Что же делать, как же быть.
Как же спор их разрешить?
И сказал один зайчишка:
- Ты бери себе штанишки.
Мама к бабушке пойдёт
Лучше этих мне сошьёт.

Перевод Нины Галиновской

ДОРОЖКА В ДЕТСКИЙ САД

Знакомой дорожкой
Хожу в детский сад.
Вдоль стёжки рябины
Построились в ряд.
Обняв их,
Немножко
Всегда постою.
В рябинах дорожку
Я очень люблю.

ОСЕННИЕ СНЫ

Санки, лыжи и коньки
Ждут осенние деньки.
Снится им снежок искристый,
Снится лёд прозрачный, чистый.
Что приходит детям в сны –
То же видят и они!

Перевод Инны Фроловой

Участники памятного события
23 июня 2022 г. в с. Андреевском

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

24 июня исполнилось 210 лет со дня начала Отечественной войны 1812 года. Одна из сильнейших армий того времени, руководимая Наполеоном, вторглась на территорию России. В её составе были не только французы, но и немцы, поляки, испанцы... Времена сегодня иные, но так же актуальна тема: не даёт покоя наше Отечество иноземным захватчикам. Тем важнее сегодня дух единения и патриотизма в самой России.

23 июня в одном из живописных уголков России – селе Андреевском Петушинского района Владимирской области – вспоминали участников Отечественной войны, её героев-ополченцев. По инициативе известного учёного-историка, писателя и педагога, почётного гражданина Петушинского района Владимира Николаевича Алексеева на здании старинной усадьбы XVIII века открыта мемориальная доска в память о действовавшем здесь осенью – зимой 1812 года военном госпитале.

Госпиталь устроили усердием и на средства хозяина усадьбы, героя войны, генерала Михаила Семёновича Воронцова. Через госпиталь прошли сотни героев – рядовых, офицеров, генералов... Предстоит большая работа по возрождению самой усадьбы, сохраняющей великолепный архитектурный облик.

Писатель-историк, патриот и подвижник Владимир Алексеев более тридцати лет своей жизни посвятил возрождению православных храмов во Владимирской области, много сделал для того, чтобы остановить дальнейшее разрушение уникальной усадьбы Воронцовых-Дашковых. Здесь в советскую эпоху действовал замечательный детский областной санаторий и размещалась богатейшая художественная галерея. Династия Воронцовых-Дашковых дала России первого президента Академии наук и первого министра иностранных дел.

Православный храм в Андреевском

Лития на братской могиле воинов 1812 г.

По приглашению В. Н. Алексеева в этот день в Андреевском собрались неравнодушные люди из разных уголков России – учёные-историки, краеведы, писатели, поэты, работники культуры, педагоги. Среди них потомок генерала Н. Г. Столетова – освободителя Болгарии от турецкого ига – писатель и краевед Анатолий Столетов с супругой Зинаидой.

Представители местной администрации пообещали содействие в возрождении усадьбы. Кстати, в годы Великой Отечественной здесь также функционировал госпиталь для воинов Красной армии. В честь погибших на полях сражений отслужили литию в одном из местных храмов, а в завершение памятного события его участники провели круглый стол, где решили продолжить работу по приумножению историко-культурного наследия.

Евгений ГОЛОДНОВ
Фото автора

*Писатель-подвижник Владимир
Николаевич Алексеев*

Усадьба Андреевское

ЧЕТВЁРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ВЕЛИКОГО ЧЕТЫРЁХКРАТНОГО

КАК АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ ОТМЕТИЛ ЮБИЛЕЙ В МИНСКЕ

Александр Тихонов и в свои 75 остаётся невероятным сгустком энергии и душой любой компании. Круг его интересов, как и его друзей, простирается далеко за пределы биатлона и спорта, а потому на праздновании юбилея в минском отеле «Хилтон» собрались более 150 человек – представителей не только спорта, но и бизнеса, и других профессий. Отдельное слово юбиляр предоставил врачам, которые продолжают спасать жизни в это непростое время.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПИДЖАК

Своих гостей Александр Тихонов встретил в легендарном пиджаке, вес которого, по некоторым данным, приближается к 20 килограммам. Там располагаются все спортивные награды четырёхкратного олимпийского чемпиона, 11-кратного чемпиона мира и 19-кратного чемпиона СССР. С ними рождаются боевые и государственные награды: орден Красной Звезды, орден Ленина, орден Дружбы, Олимпийский орден, медали за трудовую доблесть и отличие. Однако коллекция наград пополняется, и

юбиляр с гордостью отчитался о результатах за последние 15 лет.

«Золотой мангуст», орден Дружбы Южной Осетии, медаль Фёдора Конюхова, медаль Нобеля и орден Фёдора Михайловича Достоевского», – рассказал Тихонов, показывая свои новые награды. Ветераны спорта, находящиеся в зале, отмечали, что тоже могли бы надеть пиджак со своими многочисленными наградами, но он бы не смотрелся на них так органично, как на Тихонове.

ПЕСНИ

Юбиляр подготовил гостям сюрприз в виде собственного алфавита, в котором были отмечены наиболее важные вехи его жизни. Главным словом на букву «Б» было «борьба», причём для Тихонова оно имело многогранное значение: борьба на трассе с соперниками, борьба за справедливость в своей жизни, из-за которой он не раз страдал и даже оказывался в местах не столь отдалённых, и борьба спортивная, в которой у него так много друзей.

Поздравить Тихонова лично в Минск приехал президент Федерации спортивной борьбы России Михаил Мамиашвили, вместе с которым юбиляра поздравляли трёхкратный олимпийский чемпион Александр Медведь, олимпийский чемпион Мурад Карданов и многие другие. Рассказывали, что Тихонов всегда был дружен с борцами, даже выдержал схватку со стокилограммовым борцом уровня сборной СССР и не сдался. Именно борцовской команде Тихонов посвятил своё исполнение песни «Команда молодости нашей», заменив в ней строки на «Давай передохнём перед борьбой» и «Команда сборная России, команда, без которой мне не жить».

Также на праздник приехал известный исполнитель шансона Евгений Росс, который спел как свои хиты, так и многие известные песни других артистов. С Александром Тихоновым они знакомы более 10 лет и вместе были

на Алтае на открытии памятника Василию Шукшину.

БИАТЛОННЫЕ ДРУЗЬЯ

Рассадка в зале была обозначена специализацией гостей. Отдельный стол был посвящён биатлону, за ним оказались двукратные олимпийские чемпионы Дмитрий Васильев, Светлана Ишмуратова, чемпионки мира Елена Зубрилова и Ольга Назарова, заслуженный тренер России Николай Савинов и руководители региональных федераций Анатолий Кузьмичёв и Александр Концевой. Многие прославленные гости, в частности Ольга Зайцева, не смогли приехать в связи с пандемией.

Александр Иванович сначала посетовал, что не смог принять участие в пятой Олимпиаде и установить вечный рекорд, однако затем заметил, что в его активе четыре олимпийские победы и четыре брака, а потому он рад, что не случилось пятой Олимпиады и он уже почти 20 лет счастлив со своей супругой Марией, а то бы пришлось жениться ещё раз. Также Тихонов рассказал, что и сейчас остаётся верен биатлону, а приглашённые на вечер представители турецкой делегации заявили, что ждут от него помощи в развитии своего вида спорта.

Чуть позже в компании генерального секретаря Федерации биатлона Монголии и генерального менеджера национальной сборной на празднике появился олимпийский чемпион Александр Попов – бывший тренер сборных России и Беларуси, ныне возглавляющий мон-

гольскую команду. Восточные гости подарили Тихонову шикарный ковёр с его портретом в монгольских традициях.

ПОЧЁТНЫЕ ГОСТИ

В последние годы Александр Тихонов живёт в Беларуси и связывает свою дальнейшую судьбу с этой страной. Понять четырёхкратного олимпийского чемпиона можно: чистый город, комфортная страна и открытые, отзывчивые и культурные люди. Спецкор Metaratings.ru во время своего четвёртого визита в Минск за последние годы лишний раз убедился, что местный вокзал по чистоте даст две форы любому из московских. От лица главы государства Тихонова поздравил министр промышленности Республики Беларусь Пётр Пархомчик.

Также картину с изображением тигра Тихонову подарил известный художник Никас Сафронов, а новосибирский тренер по биатлону Юрий Кудряшов подарил глиняный бюст юбилера, который он изготовил лично. Отдельные поздравления передавали от Александра Карелина и других государственных и политических деятелей России и известных в прошлом спортсменов. Тихонов подчеркнул, что хоть и живёт в Беларуси, но остаётся патриотом России и нашей общей советской родины, а также заявил, что дружба России и Беларуси продлится ещё долгие века.

Праздник заканчивался уже за полночь, однако ветераны спорта, многим из которых уже за 80, хорошо «держали удар» за столом и отказывались расходиться. Многие из них уже заранее бронировали места на 80-летний и 90-летний юбилей Александра Ивановича. Судя по тому, как бодр и подтянут главный виновник торжества, он сможет зажечь ещё не раз, а нам остаётся завидовать тому, что и в таком возрасте человек живёт полноценной жизнью и готов пройти до конца свою четвёртую четверть века, как в своё время, несмотря на все невзгоды, преодолел четвёртый олимпийский цикл.

Александр КРУГЛОВ

ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ В СЕВАСТОПОЛЕ

День славянской письменности и культуры в Севастополе ознаменовался неординарным событием – праздничные мероприятия состоялись одновременно с торжествами в другом морском городе-герое Мурманске. Примечательно, что эти города имеют схожую судьбу.

Начались мероприятия с посадки в Севастополе деревьев – прекрасной ели и можжевельника казацкого. Акцию организовал Союз писателей России. Причём в Севастополе её провели в рамках проходящего здесь кинофестиваля «Золотой витязь», президентом которого является Николай Бурляев, в присутствии деятелей различных духовных искусств. А в Мурманске синхронно с Севастополем праздник состоялся благодаря делегации писателей во главе с председателем СПР Николаем Ивановым, прибывшей в Заполярье для участия в торжественной церемонии награждения лауреатов и дипломантов Всероссийской Арктической литературной премии имени В. С. Маслова.

Севастопольские писатели присоединились к акции, которую возглавил рабочий секретарь СПР Анатолий Труба. Посадили саженцы можжевельника казацкого на клумбе возле городского драматического театра им. А. Луначарского, дирекция которого предоставила свою площадку для проведения мероприятия. С недавних пор между СПР и театром в лице Ирины Константиновой завязалась дружба. Поэтому акция прошла под лучами весеннего солнца дружно и с рабочим «аппетитом». И участники кинофестиваля, и артисты театра, и писатели радовались молодым саженцам, как любимым детям. Кстати, на этой же клумбе уже прижилась прекрасная груша сорта «Золотой витязь», любовно обласканная Николаем Бурляевым под дружные аплодисменты. Жест искренний, такой же как и подарок музею театра от Анатолия Трубы – филателистский набор конвертов.

После церемонии посадки состоялось поэтическое приветствие от членов Севастополь-

ского отделения СПР, возглавляемого Татьяной Ворониной. Выступили со своими стихами Татьяна Шорохова, Ольга Старушко, Виталий Фесенко, Татьяна Вольнова, Марина Орлова. Сказала своё слово и юная поэтесса из Луганска, ныне живущая в Севастополе и недавно побывавшая на встрече с В. В. Путиным... От театра выступил Джон Барулин, автор проекта театра «Читаем стихи».

Позже писатели переместились на эстраду приморского бульвара «Ракушка». Там торжество продолжилось литературно-музыкальной композицией «И будет славить Русь родная святых апостолов славян». К севастопольцам присоединились крымчане, члены СПР из Крымского отделения во главе с председателем Владимиром Сорокиным. Со сцены прозвучало приветствие Анатолия Трубы. Он вручил авторам литературно-исторического журнала «Александръ», главным редактором которого является, свежий номер, посвящённый дню рождения Пушкина.

Прекрасные выступления поэтов, а их было немало, украсили своим номером симферопольские музыканты из группы «Волшебная флейта» Станислав Тарасенко и Ирэна Клименкова. Они исполнили древние русские напевы, сопровождая пение игрой на гитарах, одна из которых, в руках Станислава, была... восьмиструнной.

Чередой звучали стихи, посвящённые теме Слова, православию, братьям солунским Кириллу и Мефодию. Мастерство поэтов было замечено ещё у театра Николаем Бурляевым, недаром он пригласил их к участию в «литературном» «Золотом витязе». А толк в стихах он знает – сам является членом Союза писателей России.

Ивга СТРОНСКАЯ
Севастополь

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru